

М

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛУИ
БУССЕНАР

Похитители
бриллиантов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Луи Буссенар

Похитители бриллиантов

«Азбука-Аттикус»

1883, 1871, 1875, 1876, 1879, 1891, 1894, 1903

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Буссенар Л. А.

Похитители бриллиантов / Л. А. Буссенар — «Азбука-Аттикус»,
1883, 1871, 1875, 1876, 1879, 1891, 1894, 1903 — (Мир
приключений (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-22592-3

Французский писатель Луи Буссенар — автор многочисленных приключенческих романов, не уступающих лучшим произведениям Жюль Верна. Их отличительные черты: богатство фантазии, чувство юмора, романтика далеких стран и обширный научный материал. «Похитители бриллиантов» — самый известный роман автора, повествующий о приключениях трех французов, отправившихся в смертельно опасное путешествие в самое сердце Южной Африки с надеждой завладеть баснословными сокровищами. На русском языке роман выходил со многими лакунами, неточностями и упущениями. В настоящем издании публикуется отредактированный перевод, тщательно сверенный с оригиналом. Издание сопровождают великолепные оригинальные иллюстрации Ораса Кастелли и Жюль Фера, подробные комментарии, статьи о жизни и творчестве автора. В книгу также включены несколько редко публикуемых рассказов Луи Буссенара.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-22592-3

© Буссенар Л. А., 1883, 1871, 1875,
1876, 1879, 1891, 1894, 1903

© Азбука-Аттикус, 1883, 1871, 1875,
1876, 1879, 1891, 1894, 1903

Содержание

Похитители бриллиантов	8
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	52
Глава 7	59
Глава 8	70
Глава 9	76
Глава 10	85
Глава 11	90
Глава 12	98
Глава 13	106
Глава 14	112
Глава 15	119
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Луи Буссенар

Похитители бриллиантов

© Е. В. Трепетова, перевод, статья, комментарии, 2019

© В. Г. Финк (наследник), перевод, 2022

© Издание на русском языке, состав, дополнительный перевод, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Азбука®

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации Ораса Кастелли и Жюля Фера

Составители Александр Лютиков, Елена Трепетова

* * *

Похитители бриллиантов

Часть первая

Опасные приключения трех французов в Южной Африке

Глава 1

Алмазные копи. – Расположение прииска. – Что такое участок. – Жизнь на прииске. – Алмазная лихорадка. – Нельсонс-Фонтейн. – Путешественники и землекопы. – Два кафра-пижона. – Жертвы краха. – Альбер де Вильроз и его друг Александр Шони. – Последствия одной дуэли на пистолетах. – Сокровища королей Южной Африки. – В неведомую страну. – Загадочное убийство.

В Нельсонс-Фонтейне, на алмазном прииске, было в этот день более шумно и оживленно, чем когда бы то ни было. Искатели алмазов, среди которых были люди всех рас, всех цветов кожи, всегда работали не покладая рук, но в этот день они находились в состоянии какого-то бешеного исступления. Впрочем, внимательный и владеющий собой наблюдатель догадался бы, в чем дело.

Неприветливая местность, голые скалы и множество зияющих глубоких ям, окружавших прииск, делали его скорей похожим на каменоломни. Мельчайшая пыль, подымавшаяся над разрытой землей, образовывала густые тучи; временами она заслоняла солнце. Свежему человеку сразу бросалось в глаза бесконечное переплетение металлических тросов, соединявших один конец каждой ямы с противоположным откосом под более или менее острым углом – в зависимости от глубины выемки. По тросам, на блоках, непрерывно подымались вверх вместительные мешки из бычьей кожи, наполненные песком. Небольшое приспособление, похожее на те, какими пользуются в парижских пригородах огородники, подает ведро вверх, едва оно наполняется, и мчит его обратно, как только оно опорожнено.

Вся местность напоминала огромную шахматную доску, каждая клетка которой имеет размер десять на десять метров. Каждая клетка – это горный отвод, или участок, предназначенный для добычи бриллиантов. На дне глубоких ям с усердием муравьев работают одетые в обноски люди. Они роют, копают и просеивают размельченную землю. Их черные, белые или желтые лица покрыты грязью, пылью и потом. Кожаный мешок бежит вверх. Возможно, в нем лежит целое состояние.

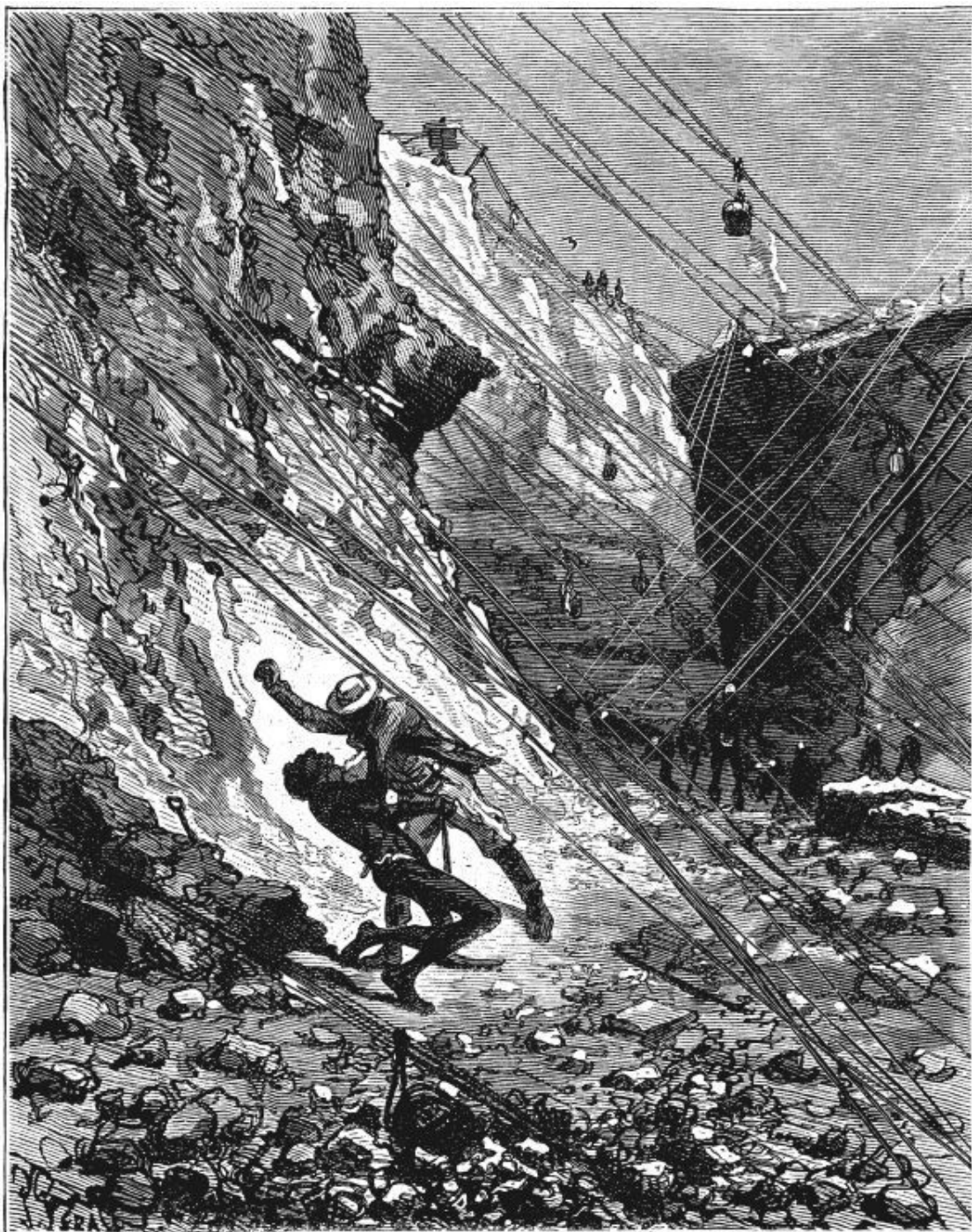
Вот блок перестает визжать. Содержимое мешка высыпается на массивный стол, врытый у края ямы. Белый хозяин судорожной рукой разбрасывает землю по столу, а сам смотрит жадными глазами, не сверкнет ли драгоценное зерно.

Обследованную землю потом ссыпают на тачки и увозят по узким тропинкам, которые правильными линиями прорезают весь прииск. Нельзя смотреть спокойно, как беспечно люди толкают тачки по самому краю пропасти: достаточно одного неловкого движения, чтобы оступить и полететь вниз. Но что значат далеко не редкие несчастные случаи в глазах этих людей, охваченных алмазной лихорадкой! Время от времени происходит обвал, или обрывается камень, или падает вниз тачка – столь узки эти тропки, высокопарно называемые дорогами. Раздается крик ужаса и боли, и когда кожаное ведро снова поднимется на поверхность, в нем лежит изуродованное человеческое тело. Какое это имеет значение? Главное – алмазы! Гибель человека – происшествие незначительное.

Вот какой-то поляк нашел алмаз в сорок восемь каратов. Сейчас же маклер предлагает ему пятьсот фунтов стерлингов (двенадцать тысяч пятьсот франков). Но счастливчик требует тысячу, и маклер уходит, только пожимая плечами.

Вот ирландец. У него вид человека, измученного нуждой и непосильным трудом. Внезапно он подскакивает, точно в приступе умопомешательства. Он кричит, воет, мечется из стороны в сторону и разражается потоком ругательств на своем гортанном кельтском языке:

– Арра! Арра! Бедарра! Братья мои, я умираю! Я задыхаюсь от радости! Арра! Мои дети будут богаты!.. А я смогу пить виски! Алмаз в семьдесят пять каратов! Джентльмен даст за него пять тысяч фунтов стерлингов (сто двадцать пять тысяч франков).

Новость мигом облетает весь прииск, и лихорадочное исступление возрастает, хотя это уже как будто и невозможно.

Вот кто-то другой, менее впечатлительный, чем ирландец, явно сдерживает лихорадочную дрожь. Его движения замедляются. Несмотря на все свое видимое хладнокровие, он чем-

то озабочен. Потом он делает нечто странное. Босой ногой, пальцы которой у него не менее ловки, чем пальцы рук, он пытается нащупать некий камешек. Он его заметил своим наметанным глазом и сразу оценил: это алмаз, еще не отделившийся от породы.

На минуту человек приостанавливает работу, делает вид, будто удаляет из ноги занозу, хватая свой камешек и быстро прячет его во рту.

Но это заметил надсмотрщик, от которого ничего не укроешь. Мига не прошло, а он уже на дне ямы. Он хватается человека за глотку и сразу обрушивает ему на голову могучий кулак:

– Открой рот, мерзавец, или я тебя повешу!

Но вор лежит в обмороке. Надсмотрщик достает из кармана складной нож, раскрывает его, просовывает клинок между судорожно сжатыми зубами вора, нажимает и с победоносным видом извлекает камешек.

– Подымите мне этого мерзавца наверх. Пусть ему всыпят двадцать пять кнутов... С ним это не впервой!

Но такие истории, подтверждающие богатство прииска, только разжигают у людей жадность, и поиски продолжаются все с тем же неутолимимым усердием.

Алмазы были обнаружены в Нельсонс-Фонтейне сравнительно недавно несколькими рудокопами, пришедшими из Дютойтспена. Расположенный на $24^{\circ}30'$ восточной долготы по Гринвичу и $27^{\circ}40'$ южной широты, на самом краю Западного Грикваленда и примерно в ста семидесяти километрах от Оранжевой реки, Нельсонс-Фонтейн еще недавно был совершенно неизвестен. Теперь же, как утверждают, ему предстоит сделаться одним из самых богатых приисков во всей английской Капской колонии. Однако крайне плохое оборудование и полное отсутствие каких бы то ни было удобств делают пребывание здесь малозавидным. Если бы не надежда быстро разбогатеть, люди вряд ли смогли бы оставаться хотя бы несколько часов в этих душных ямах, да еще при сорокаградусном зное. Воды здесь нет. Ведро стоит франк и даже франк семьдесят пять. В лагере до отвращения грязно. Но все же англичане, коим свойственна методичность и прекрасное колонизаторское чутье, пытаются улучшить столь плачевное положение вещей. Шатающиеся хижины, драные палатки расставлены относительно симметрично, и власть, заботясь о безопасности тружеников, пытается оздоровить этот очаг инфекции. Каждый вор – а их здесь много, – если его не приговорили к наказанию кнутом, должен отбыть несколько дней принудительных работ. Наказание это налагается часто и заключается в уборке лагеря. Приговоренные работают бригадами под наблюдением полицейского, который ходит за ними с заряженным револьвером в руке.

Однако похоже, что чем больше вывозят тряпья, лохмотьев, коробок из-под консервов, старых сапог и поломанных лопат и кирок, тем больше их вновь оказывается через каких-нибудь несколько часов. Люди пришли сюда в поисках богатства и нисколько не думают о самых элементарных законах гигиены. Режут скотину, а потроха и кости бросают прямо перед палаткой; потом являются негры, китайцы или собаки, хватают все эти отбросы и с жадностью их поедают. Остатки валяются по всему лагерю.

Ни горловые, ни глазные болезни, ни злокачественные язвы, ни нарывы никого здесь не пугают, никто не думает о своем здоровье. У иного уже припрятано где-нибудь в земле, под палаткой, целое состояние, а он ходит босой, в лохмотьях и питается сухарями, которые макает в кап-бренди (местную водку). Для этих одержимых весь смысл жизни выражен в одном слове – «алмаз». Оно сверкает и гипнотизирует.

Поэтому ничего нет удивительного в том, что прибытие новых четырех человек, хотя и не совсем обычного вида, прошло здесь почти незамеченным. Это два европейца и два негра. Все они, особенно европейцы, внешне не имели ничего общего с приисковой публикой. Главной небольшой группы оказался среднего роста, худощавый, смуглый человек лет тридцати, с пылающими глазами, выющимися, коротко стриженными волосами и иссиня-черной боро-

дой. Правильные черты и подвижность лица выдавали его южное происхождение. Было в нем, кроме того, нечто особое, породистое. Его снаряжение и весь вид показывали, что человек этот весьма и весьма заботится об удобствах, которыми здесь обычно пренебрегают.

Шлем из сердцевины алоэ с наатыльником из белой материи защищал его от зноя. Куртка с поясом и множеством карманов свидетельствовала, что человек привык к дальним путешествиям. Бархатные брюки оливкового цвета, собранные в колене, засунуты в большие светло-рыжие сапоги. Широкий нож, который мог служить и тесаком, висел у него на поясе; у него был, кроме того, громадный патронташ и двуствольное ружье крупного калибра. Наконец, из двух карманов выглядывали две цепочки: в одном лежали часы, в другом – никелевый компас.

Второй европеец был одет точно так же и имел такое же снаряжение. Но этим исчерпывалось все сходство между ними, хотя они и были примерно одного возраста и, по-видимому, оба южане и одной национальности. Но первый носил свое дорожное платье с каким-то изяществом, а второй был простоват. Самый поверхностный наблюдатель заметил бы это с первого взгляда. Короче говоря, сразу было видно, что один из них – слуга, а второй – господин.

Что касается двух колоритных чернокожих, то вид у них был весьма своеобразный.

Заслуживает описания их одежда. На одном были только штаны, другой носил только сорочку. Обе вещи были грязны и поношены, говоря точнее – изодраны в лохмотья. Одевание того из двух негров, который носил сорочку, дополнялось фетровой шляпой, которая не имела верха и потому не прикрывала его густой взлохмаченной шевелюры. На бедре у него – там, где камергеры прицепляют золотой ключ, – болтался нож, а в ушах – латунные серьги, к каждой из которых был подвешен кусок агата величиной с абрикос.

Что касается счастливого обладателя штанов, то он носил на голове донышко плетеной корзинки, которое украсил, вместо помпона, небольшой банкой из-под анчоусов. В мочку правого уха он продел свою трубку, а в левом ухе мочка была растянута картонной ружейной гильзой.

Оба негра были в восторге от своих нарядов и посматривали с высокомерием на чернокожих приисковых рабочих, которым судьба в такой роскоши отказала.

Я забыл отметить, что они носили каждый по огромному двуствольному карабину – из тех, какими в Африке пользуются для охоты на крупного зверя.

Оба европейца проходят медленным шагом и смотрят по сторонам, очевидно ища кого-то или что-то.

В конце концов они обращаются к полисмену. Тот, вежливо ответив на их приветствие, приглашает их следовать за ним и приводит к яме, на дне которой работают человек шесть.

– Это здесь, господа, – кланяясь, говорит полицейский.

Молодой человек подходит к самому краю, стараясь хоть что-нибудь увидеть сквозь густую пыль, поднимающуюся из глубины. Несколько камешков обрывается у него из-под ног. Землекопов, поглощенных работой на дне ямы, это заставляет взглянуть вверх. Один из них испускает крик, в котором радость перемешана с изумлением. По шаткой лесенке он спешит выбраться на поверхность и, несколько не смущаясь грязи, которая покрывает его лицо, руки и одежду, бросается прямо в объятия элегантному молодому джентльмену:

– Альбер!.. Альбер де Вильрож!.. Друг мой!..

– Александр!.. Дорогой Александр! – восклицает взволнованным голосом новоприбывший. – Наконец-то я тебя нашел!

– Ты здесь! В этом аду! Рядом со мной!.. Какое чудо привело тебя сюда? Какой счастливый случай?

– И не чудо и не случай. Я отвечу тебе, как Цезарь после победы над сыном Митридата: я пришел, я искал, я нашел.

– Славный ты мой Альбер! Ты все такой же весельчак!

- Почему бы и нет?
- Значит, ты искал меня?
- И весьма усердно.
- Для чего же именно?
- Во-первых, для того, чтобы тебя повидать. А затем, чтобы помочь тебе вернуть состояние, верней – для того, чтобы мы оба могли вернуть каждый свое состояние...
- Оба? Да неужели ты тоже...
- Разорился дотла.
- Каким образом?
- Да все тот же крах. Сначала ты все потерял, а потом оказалось, что и я остался без гроша.
- Ах ты, бедняга!
- Спасибо за сочувствие... Но мы начинаем привлекать внимание всех этих джентльменов, ищущих алмазы. Я не люблю, чтобы на меня слишком заглядывались. Давай-ка отойдем в сторону. У тебя тут есть где-нибудь свой угол? Какая-нибудь дыра, какой-нибудь насест?
- Вот именно, ты правильно сказал: дыра и насест. Идем!
- Еще одно слово. Я должен тебе представить моего спутника. Ты уже, впрочем, слышал о нем. Это мой молочный брат Жозеф, сын нашего фермера из Вильрожа.
- Ах, значит, это и есть Пупон?
- Совершенно верно. По-французски Жозеф, а по-каталонски – Пупон. А теперь – андымо!

Тот, которого звали Александром, шел впереди и вел своих спутников по узким тропинкам между ямами к палаткам, белевшим в полукилометре от места работ.

Александр Шони примерно года тридцать два. Он полная противоположность своему другу. Большие голубые глаза, светлые волосы, длинные усы, высокий рост и атлетическое сложение делают его похожим на первых обитателей древней Галлии – тип, почти совершенно исчезнувший. Сходство особенно сильно в моральном смысле, ибо Александр Шони наделен не только живостью наших предков, но также их душевной прямоотой и храбростью.

– Вот она, моя дыра, – сказал он, раздвигая полог палатки. – А вот и насест. – При этих словах он показал на две бычьи шкуры; они были натянуты на рамы, которые стояли на четырех вбитых в землю кольях.

- Обстановка простая и дешевая, – весело заметил Альбер.
- Пустяки: тысяча франков наличными!
- Ах, черт! А дела-то хоть идут?..
- Как сказать... За эти шесть месяцев я с трудом сводил концы с концами. К счастью, недели две назад мне удалось найти ямку, которая принесла мне тысяч десять.
- В общем, не бог весть что. Зато я принес тебе богатство.
- То есть как это?
- Расскажу в двух словах. Ты знаешь, что за последние годы я бывал в Париже лишь изредка. Мной овладел демон странствий, острая лихорадка путешествий. Недаром я каталонец. С братьями Эстерхази я охотился на львов в Абиссинии, сопровождал Бро де Сен-Поль Лиаса в его экспедиции на Суматру, в Конго встречался с Саворньяном де Бразза, принял приглашение Солейе отужинать у него в Обоке. Но, проезжая через Исмаилию, я внезапно получаю от моего поверенного письмо с извещением, что все мое состояние ухнуло в результате знаменитого финансового краха. Я мигом помчался в Париж, распродал свои имения, расплатился с долгами и очень скоро оказался без гроша за душой. Единственным ощутимым для меня результатом этой операции было то, что я смог оценить ошибочность известной пословицы, лживой, как и все прочие...
- ...«Заплатить долги – значит разбогатеть»?

– Вот-вот. Конечно, я расплатился, но я не имею ни гроша, в то время как другие ничего не заплатили и теперь они богаты, как свиноторговцы. Но довольно об этом.

– Да ведь и со мной было то же самое! Мне пришлось продать все, что я имел, вплоть до моего маленького имения Бель-Эр. Я с трудом сохранил две с половиной тысячи дохода для моей бедной матери.

– Мне удалось удержать ферму в Вильроже, и она аккуратно приносит триста франков чистого убытка в год. Так что ты видишь, как процветают мои дела! Но жить-то ведь надо. А меня не привлекает чиновничья служба. По-моему, место консула или жалованье супрефекта не более заманчивы, чем высокопочетная, но низкооплачиваемая должность сельского полицейского. Тогда у Анны возникла гениальная мысль...

– У Анны? Кто это – Анна?

– Черт возьми, моя жена! Ведь я женился! Ты ничего не знаешь? Это целая история. Мы познакомились полтора года назад, и как раз недалеко отсюда – в Трансваале. Она дочь методистского проповедника. Друг мой, это ангел, жемчужина! Некий господин Ван дер... не вспомню точно его фамилии... словом, один бур, сущий белый дикарь, у которого сто квадратных миль своей земли, добивался ее руки. Анна видеть его не могла. Мы с ним дрались на пистолетах. Мой нынешний тесть был его секундантом. Проповедник! Бур ужасно смутился и стрелял в меня как-то так неловко, что пуля прострелила ухо почтенному слуге Божию... Эта неловкость погубила все matrimониальные расчеты моего противника. Так что спустя неделю счастливым супругом мисс Анны Смитсон стал я!..

– Очень хорошо! – прервал его Александр, смеясь во все горло. – Однако перейдем к гениальной мысли твоей жены.

– Очень просто. Ты, быть может, знаешь или не знаешь, не важно, – что уже в тысяча семьсот пятидесятом году, в ту эпоху, когда Грикваленд принадлежал голландцам, миссионеры составили карту, в которой указывалось, что эти земли, едва известные белым, содержат алмазы. И действительно, установлено, что коранна, кафры и бушмены пользуются алмазами если не для украшения, то как орудием труда. Эти дикари говорят, что их предки уходили в Грикваленд за алмазами и пользовались ими для обработки жерновов.

– И ты все это узнал? О, кладезь мудрости!..

– Не я, а моя жена. За какой-нибудь час она рассказала мне об алмазах гораздо больше, чем папаша Дазен, наш с тобой учитель химии в лицее Наполеона, за три года. Из всего, что нам вдалбливал этот милейший человек, я помню только, что, вопреки некоторым мнениям, алмаз – это чистый углерод, что он кристалл и имеет форму куба, восьмигранника, ромбического додекаэдра и так далее и так далее. Всему этому я охотно верю. Но Анна, видишь ли, родилась в здешних местах, в фургоне, когда ее папаша проповедовал Евангелие дикарям. Она говорит на четырех или пяти местных наречиях, и, можешь мне поверить, в ее устах эти странные звуки кажутся не менее певучими, чем трели соловья.

– Здорово! – убежденно воскликнул Александр.

– Она пережила немало приключений, и, между прочим, ей довелось спасти от мучительной смерти одного кафра по имени Лакми. А ты прекрасно знаешь пословицу: «Благодарность – добродетель чернокожих».

– Но пословицы всегда лгут!

– Бывают и верные, а исключения лишь подтверждают правило. Лакми привязался к дому пастора. Этот дом стоял на колесах и находился в постоянных разъездах. За несколько месяцев до моей женитьбы этот бедняга Лакми умер от чахотки. Хотя болезнь эта и неизлечима, его обеспечили самым правильным уходом, самой преданной заботой. Он был потомком могущественного вождя какого-то племени, эдакого Кетчвайю своего времени. Умирая, он принес в дар своему доброму ангелу, своей благодетельнице, огромное количество алмазов, единственным и законным владельцем которых он был. Точней говоря, это куча камней, которые пред-

назначались для обработки жерновов, – килограммов двадцать. И все это припрятано в одном местечке, куда мы с тобой и отправимся сию же минуту, без всякого промедления. В Кейптауне французский консул сказал мне, что ты находишься здесь, в Нельсонс-Фонтейне. Тогда я подумал, что надо поделиться моим богатством с тобой. Ты всегда был моим лучшим другом, и тебя постигла та же беда, что и меня. Поэтому я считаю, что будет вполне естественно, если ты разделишь со мной мою удачу. За этим я сюда и прибыл, дорогой мой Александр. Вот и все.

Александр задумчиво молчал. Его друг заговорил снова:

– Ты онемел? Ты не говоришь: «Едем поскорей»? Ты не торопишься продать свою гнусную яму и эту рваную палатку, которая кишит всякими мерзкими насекомыми? Или ты мне не веришь?

– Верю, верю, но...

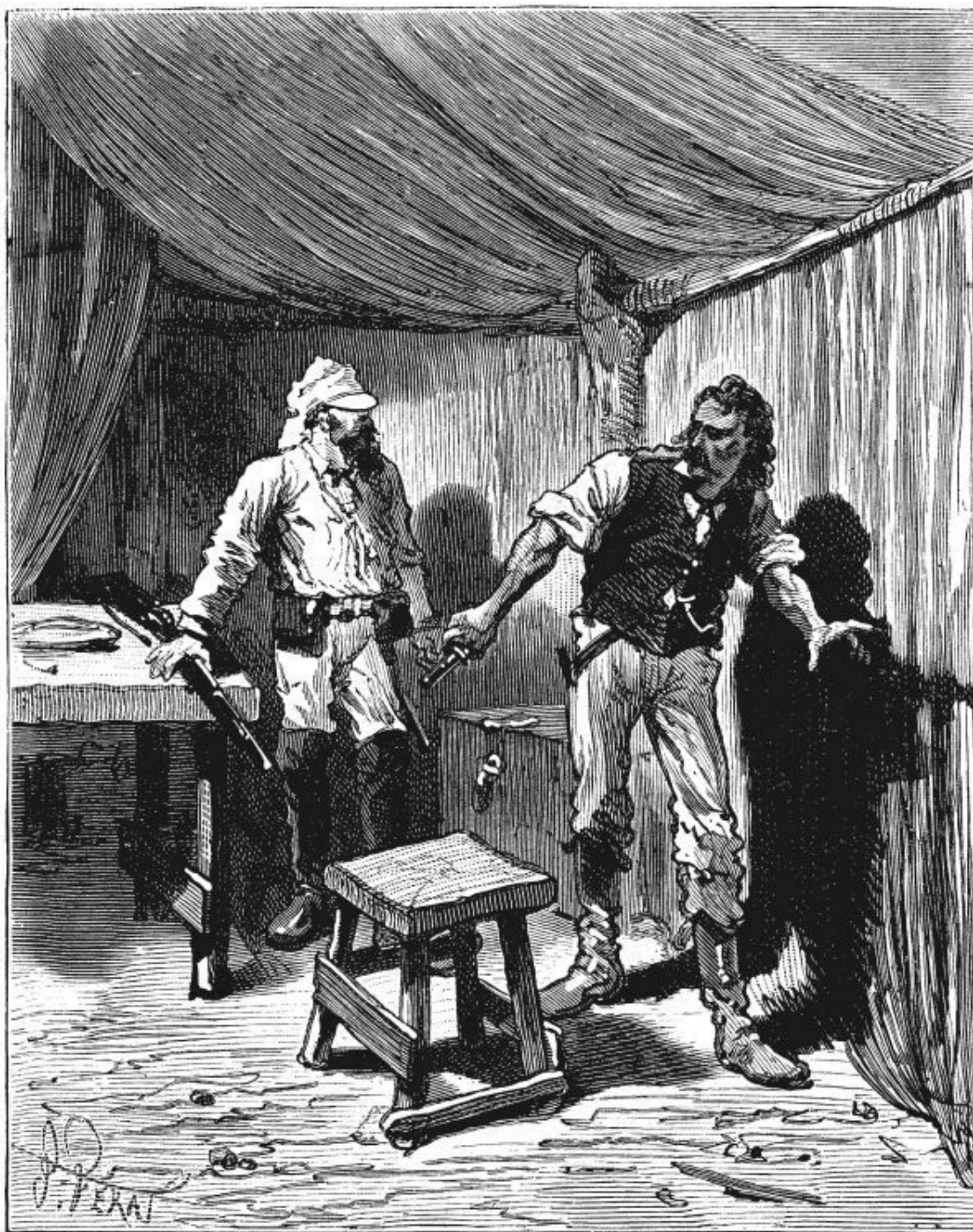
– Что «но»? У меня есть карта местности. Правда, плохонькая. Но мы с тобой не робкого десятка, мы не пропадем и с такой картой. Ее составил по указаниям покойного Лакми мой тесть, пастор Смитсон. Он ее начертил раствором пороха на платке. Это будет наша путеводная нить, и она нам поможет найти клад. У меня есть доброе предчувствие. Поверь мне, ты выкупишь у черной банды свой Бель-Эр, а я построю в Вильроже замок из красного гранита, с восемью сарацинскими башнями и с террасой над обрывом... Да что это с тобой?

Александр вскочил, точно его подбросило пружиной. Он схватил револьвер, висевший на колышке, и быстро вышел.

– Тихо! – сказал он шепотом. – Нас подслушивают!

Нетвердой походкой пьяного мимо проходил человек огромного роста.

– Ничего! – сказал Александр Шони, вернувшись в палатку. – Какой-то пьяный. Он едва не свалился на палатку.

– Одобряю твою осторожность. Подобные тайны не следует выбалтывать так, чтобы слышал всякий и каждый. Тем более что нам еще, по всей вероятности, предстоит встретиться с моим соперником, с этим буром, которого Анна спровадила. Он и два его брата поклялись меня убить.

– Ах так? – резко перебил его Александр. – В таком случае я еду с тобой. Черт возьми, предвидится драка, и моему лучшему, моему единственному другу грозит смертельная опасность, а я буду сидеть в логове, как дикий кабан? Да что я, подлец, что ли?

– Ну вот, наконец-то! Узнаю своего старого галла! Не думай, однако, что я собираюсь задержать тебя надолго. Нам достаточно трех месяцев, а там одно из двух: либо мы себе составим состояние, либо придется все начинать с самого начала. Просто потеряем три месяца и покончим с иллюзиями. Большой ценности они не представляют, поэтому мы спишем в счет

убытков только потерянные девяносто дней и вместе возьмемся за разработку еще какого-нибудь участка.

– Идет! Я завтра же продаю свою концессию, орудия, палатку, алмазы – и едем!

– Почему завтра? Почему не сию минуту?

– Надо найти покупателя.

– Покупатель есть. Только что, проходя мимо, я заметил козлиный профиль какого-то торговца. Он продавал добытчикам консервы и кап-бренди. Там, где есть торговцы, всегда можно сделать дело. Обманут, конечно, но зато в два счета избавимся от лишнего.

– Это, вероятно, хозяин огромного фургона, в который запряжено двадцать быков. Он только вчера прибыл. Теперь присосется к прииску, как пиявка, и не пройдет и года, как все участки перейдут в его собственность.

– Какое нам дело? Распродай все поскорей, и едем!

Дали знать торговцу, и он явился немедленно, с горящими глазами человека, почуявшего выгодную сделку. Алмазы он тщательно осмотрел, ощупал, взвесил и в конце концов купил их чуть ниже реальной стоимости. Поскольку камни имеют свою цену, свой курс, как у золота, торговцу пришлось умерить аппетиты. А вот палатку, оборудование, инвентарь для разработки и концессию гнусный хищник великодушно купил за треть цены. Кроме денег, он дал Александру крепкую, молодую, но страшно норовистую лошадь. Впрочем, француз был прекрасным наездником.

Купец отсчитал двадцать тысяч франков золотом и удалился, клянясь Богом Авраама, что заключил невыгодную сделку, ведущую его к разорению, но ему пришлось все-таки пойти на такое расточительство, единственно чтобы оказать услугу таким благородным сеньорам.

Ночь спустилась быстро, и три европейца, сопровождаемые двумя туземцами, все пятеро верхом, без шума покинули прииск и взяли путь на север, то есть в страну западных бечуанов, которая начиналась в нескольких километрах от Нельсонс-Фонтейна.

Утро едва успело бросить на прииск свои первые лучи, когда всех взволновал странный слух, передававшийся из уст в уста. Говорили, что ночью произошло убийство. Все побросали работу и направились в лагерь, к палаткам.

Люди всех цветов кожи собрались шумной толпой вокруг огромного фургона, принадлежавшего торговцу, и испускали оглушительные крики. Двое полицейских пробились сквозь людскую стену и проникли в фургон. Труп старика плавал в луже крови и загораживал вход. Глаза были широко раскрыты, рот перекошен. Длинный нож был воткнут в грудь, наружу торчала одна рукоятка. Кровь капля за каплей стекала под фургон и смешивалась с кровью сторожевого пса, которого тоже зарезали.

В фургоне стоял невообразимый беспорядок: все было перерыто, и рыли, видимо, весьма поспешно – везде остались кровавые отпечатки пальцев. Сундук был взломан и опрокинут, и на полу сверкали алмазы, должно быть не замеченные грабителями.

В глубине фургона, за тяжелой портьерой, кто-то стонал. Полицейские нашли там двух связанных женщин: белую девушку и старую негритянку. У обеих были завязаны рты, обе задыхались. Полицейские освободили их.

Белая девушка, отличавшаяся несравненной красотой, явно принадлежала к иудейской расе. Ее расширившиеся от ужаса глаза увидели труп, который еще продолжал лежать на месте.

– Отец! Отец! – душераздирающим голосом закричала она.

Девушка встала, сделала, шатаясь, несколько шагов, взмахнула руками и рухнула на труп старика.

Глава 2

Удачливый народ. – Золотоносные земли и алмазные прииски. – История английской Капской колонии. – Борьба англичан с бурами. – Свободное государство Оранжевой реки и республика Трансвааль. – Первые алмазы. – Для какой цели кафры в старину пользовались алмазами. – «Звезда Южной Африки». – Прииски сухие и речные. – Политика захватов. – Злоключения господина Дютуа. – Полицейский-художник. – Мастер Виль. – Мечты полицейского. – Нож и ножны. – След.

В недавно опубликованном произведении, действие которого разворачивается в Австралии, автор, отмечая несравненное процветание английских колоний, высказал следующее соображение: «С богатыми государствами бывает как с богатыми людьми. Пусть промышленное предприятие правильно организовано, пусть им хорошо руководят – всего этого еще мало для того, чтобы дела шли хорошо. Нередко бывает, что стечение совершенно случайных обстоятельств создает процветание, которого не смогли бы принести ни лучше всего просчитанные комбинации, ни самый усердный труд. Удача в делах, то, что называется везением, зависит нередко от случая. Англичане, безусловно наделенные колонизаторским талантом, позволившим им расширить свои владения и создать самого разного рода государства, прекрасно при этом управляемые, просто-напросто „везучий“ народ. Похоже, что всюду, где граждан Соединенного Королевства только водрузит свой Юнион-Джек, счастливый случай торопится взять его под свое покровительство».

Мало того что климат и производительные возможности Австралии замечательно благоприятствовали разведению скота и создали счастливым переселенцам из Англии источник обогащения – надо было к тому же, чтобы здесь были найдены земли, изобилующие золотом.

Началось невиданное обогащение. Такая же удача ожидала англичан и на мысе Доброй Надежды. Был момент, когда из-за прорытия Суэцкого канала звезда великой Южно-Африканской колонии могла закатиться, но чудесный случай придал этой звезде новый и неожиданный блеск: в колонии были найдены алмазы.

После золотоносных жил в Австралии – залежи бриллиантов в Капской колонии.

События скоро приведут нас в некие страны, которые давно ждут цивилизации, но до сих пор все-таки мало изучены. Поэтому читатель согласится с нами, что раньше, чем продолжать наше повествование, необходимо дать здесь кое-какие пояснения из области истории и географии.

Известно со слов Геродота, что в 610 году до н. э. мыс Доброй Надежды видели финикийские мореплаватели; в 1291 году н. э. до мыса доходили генуэзцы братья Вивальди. Однако открыл его Бартоломеу Диаш в 1488 году. Васко да Гама обогнул его 20 ноября 1497 года. Между 1497 и 1648 годом португальцы и голландцы делали попытки организовать там свои колонии, но безуспешно. И только в 1652 году хирург нидерландского флота Ян ван Рибек основал на мысе предприятие, построил цитадель и положил начало городу, который называется Кейптаун.

Еще до Войны за независимость Америки колония достигла неслыханного процветания, и это несмотря на упорную враждебность коренного населения. Во время Войны за независимость адмирал Эльфинстон и генерал Кларк овладели колонией в результате кровавых боев, но в 1803 году она была возвращена Голландии и снова перешла к Англии в 1814 году.

Британское правительство применяло колониальную систему, прямо противоположную системе голландской. Англичане отменили старые привилегии колонов, освободили от рабства готтентотов и, к великому недовольству голландских буров, пытались уравнивать туземцев в правах с белыми. Буров было много, и они, по существу, считали себя голландцами. Южно-

Африканская колония казалась уголком Голландии, до такой степени колонисты сохранили и свой тип, и нравы, и обычаи, и домашний уклад, и язык. Освобождение черных туземцев произошло в 1838 и 1839 годах, но буры не хотели примириться с потерей рабов и предпочли переселиться на земли, лежащие за Оранжевой рекой. Переселилось пять тысяч душ. Они объявили себя независимыми, основали колонию Наталь и отдали себя под покровительство Голландии. Это покровительство было чисто платоническим и не спасло их от нового захвата, так что после кровавого сопротивления Наталь также был объявлен английской колонией.

Буры были побеждены, но духом они не пали. Их не испугали превратности нового переселения, и под предводительством Преториуса они подались на восток и расположились у истоков Оранжевой реки. Англия не хотела допустить, чтобы в этой упорной борьбе последнее слово осталось за бурами. Она присоединила к своим владениям и эту новую территорию, предоставив ей право называться государством Оранжевой реки. Соответствующий декрет был издан 3 января 1848 года. Буры взяли оружие в руки и дрались отчаянно, но были разбиты 29 августа того же года в знаменитом сражении при Бум-Плаатсе. Впрочем, их непреклонное упорство позволило им еще раз сорвать захватнические планы Соединенного Королевства. Они снова предприняли массовое переселение и осели в бассейне реки Вааль, где и основали республику Трансвааль.

Но англичане вскоре увидели, какую ошибку они совершили, так широко захватывая земли, коренное население которых не желало сносить ига белых завоевателей. Англичане поняли, что буры могут служить достаточно прочным барьером между ними и непокорными кафрами и басуто. Будучи ловкими политиками, англичане вернули независимость бурам Оранжевой реки. Договор был подписан 22 февраля 1849 года в Бултфонтейне.

Кроме войн, которые они вели с голландскими колонистами, англичане отчаянно сражались с туземцами. Английское владычество не раз стояло под угрозой. Особенно непримиримыми и страшными противниками оказались кафры. Их восстание в 1850–1853 годах было не менее грандиозным, чем восстание в Индии в 1857 году. Англичанам удалось его усмирить лишь ценой необычайных трудностей и кровавых потерь. Восстание басуто в 1858 году под предводительством вождя Мошвешве приняло огромные размеры и поставило власть колонизаторов под непосредственную угрозу.

Что касается нового захвата Трансвааля и последней войны с зулусами, из которой нашим современникам известно всего несколько эпизодов, то об этом мы подробно поговорим ниже.

Кончилось тем, что в результате многочисленных захватов в Капскую колонию вошла вся Южная Африка – от Оранжевой реки, то есть от 29° южной широты, до южной оконечности материка.

И, несмотря на все потрясения, там все-таки царило процветание. Исключительно здоровый климат, пастбища, плодородная земля, овощи, фрукты, зерновые – благословенный край! Местные вина констанс, шираз и понтак славятся в Европе и давно служат капским виноделам источником обогащения.

Капская колония в смысле природы была не менее богата, чем Австралия. Но подобно тому как Австралия внезапно еще больше разбогатела в результате открытия золота, так и Капская колония стала все больше богатеть, когда были найдены алмазные россыпи.

Этот драгоценный камень здесь обнаружили впервые еще в 1750 году. Но организованная добыча алмаза началась лишь в 1867 году.

Какой-то местный торговец, один из тех, которые разъезжают по стране в больших фургонах, запряженных двадцатью-тридцатью быками, и развозят всякие дешевые товары, за которые туземцы отдают им слоновую кость, как-то остановился на ферме у одного бура по имени Якобс. И тут он заметил, что детишки играют удивительно сверкающими прозрачными камешками. Ему пришло в голову, уж не алмазы ли это. Приходит на ферму какой-то охотник и высказывает то же предположение. Правда, ни торговец, ни охотник никогда сроду алмазов

не видали и, стало быть, могли ошибаться. Но загадочные камешки резали стекло. Значит – алмазы. Тогда охотник и торговец заключили с фермером договор. Охотник – его фамилия была О’Рейли – отобрал самый крупный и самый сверкающий из всех камешков и понес продавать. Было условлено, что вырученные деньги он поделит с буром и с владельцем фургона.

Камень оказался алмазом и был продан за пятьсот фунтов стерлингов (двенадцать тысяч пятьсот франков).

Слух об этом облетел всю колонию с быстротой молнии. Волнение, которое он вызвал, было тем сильнее, что как раз в это время эпизоотия опустошала стада и на рынке упали цены на шерсть.

Новый источник обогащения был найден в такой момент, когда в стране царил паника. И это была настоящая коммерческая революция.

Первые искатели сразу нашли много алмазов, а кафры стали приносить еще больше: кафры пользовались алмазами для обработки жерновов. Запасы переходили у них из поколения в поколение. Говорят, именно так был приобретен знаменитый алмаз «Звезда Южной Африки», вызвавший в Лондоне восторг знатоков. Его купили за десять тысяч франков, затем перепродали за триста тысяч господину Либенфельду, который за восемьсот пятьдесят тысяч франков уступил его лорду Дадли.

Тогда поднялась алмазная лихорадка, подобная той золотой лихорадке, которая охватила Калифорнию и Австралию, когда там было найдено золото. Не прошло двух месяцев после того, как был найден первый алмаз, а в Пниль уже сбежалось 5000 человек. Месторождения находили в Мунлайте, Раше, Хеброне, Гугуге и т. д. Эти алмазные копи располагались на границе английской колонии и свободных государств Оранжевой реки, приблизительно в 1200 километрах от Кейптауна, на 29° южной широты и 23° восточной долготы. Они были двух видов: прииски сухие и прииски речные. Первые содержали алмазы с разными полевыми шпатами, гранитом, туфом, сланцем, арагонитами. Это были месторождения в Бултфонтейне, Олд-де-Бирсе, Дютойтспене и Де-Бирс-Нью-Раше. Во-вторых находили алмазы с халцедонами, ага-тами и гранатами. Попадались отдельные экземпляры весом в 180, 186 и 288 каратов. Но, как свидетельствует Луи Фигье, почти все они битые, и вдобавок чем они крупней, тем желтей.

В некоторых местах добыча оказалась баснословно обильной. В районе Де-Бирс-Нью-Раш находили в течение восьми месяцев подряд не менее 3000 алмазов в день, и большей частью крупных. Ни на одном прииске мира не было найдено ни таких крупных алмазов, ни такого количества их.

Эти камни имеют следующие особенности, соединяющие достоинства с недостатками. Самые чистые – в форме октаэдра и с острыми краями. Они часто лопаются при контакте с воздухом. Это печальное событие происходит по истечении недели чаще всего с теми, чья поверхность очень ровная. Другие в основном остаются целыми до трех месяцев. Лучший способ уберечь их от такого воздействия – сразу, как нашли камень, смазать его салом. Неожиданные открытия разбудили в Европе легко понятные страсти. Надежда и отчаяние волновали общество вплоть до 1873 года. Волнение измерялось количеством добытых алмазов. В те годы корабли, выходившие из Кейптауна, увозили алмазов на сумму в шесть-семь миллионов франков каждый.

Началась усиленная эмиграция из Европы в Южную Африку, и безлюдные пространства, лежащие вдоль Вааля, вскоре были заселены. Несмотря на неудачи, которые ожидали здесь многих новоприбывших, работа все же оказалась, в общем, выгодной: в течение какой-нибудь одной недели группа искателей нашла в районе Пниля 74 алмаза такого качества, что одних только налогов пришлось заплатить 25 000 франков. Это позволяет судить, сколько стоили сами алмазы.

Необычайный наплыв искателей вызвал необходимость создать органы власти. Свободное государство Оранжевой реки и республика Трансвааль взяли это дело на себя. Спустя некоторое время искатели избрали некоего господина Паркера президентом «Речных Полей». Выбор пал на Паркера как на человека, пользовавшегося всеобщим уважением среди буров и прекрасно знавшего местные условия. Став во главе столь разношерстного населения, среди которого было довольно много людей не слишком щепетильных, Паркер ввел весьма простой кодекс законов, позаимствовав их главным образом у пресловутого судьи Линча: кто провинился, того выставляли на солнцепек, либо порол кнутом, либо топили в реке.

Эта президентская власть имела своей конечной целью создание Республики Алмазных Полей. Но вскоре стало ясно, что для этого пришлось бы вступить в борьбу с Трансваалем. А это могло бы тяжело отразиться на еще не окрепнувшей алмазной промышленности.

Английские подданные были в большинстве на этой территории, на которую претендовал Трансвааль. Возникла опасность вооруженного столкновения, и метрополия направила туда некоего Кемпбелла, чтобы он прибрал к рукам власть. Паркер предпочел пожертвовать собственными интересами в пользу общественных и добровольно сложил полномочия.

Спустя короткое время здесь возникла Хоуптаунская алмазная компания с центром в Булфонтейне. Но между соперничавшими предприятиями начались трения, и тогда Англия, как в басне «Устрица и двое прохожих», нашла способ водворить мир: она захватила территорию россыпей, называемую Западный Грикваленд, что всех устроило – или, по крайней мере, внешне так казалось.

В заключение этого исторического обзора и раньше, чем мы опишем эксплуатацию алмазных приисков, надо привести забавный случай.

Известно, что, когда был отменен Нантский эдикт, множество французских гугенотских семейств эмигрировало в Капскую колонию. Французы смешались с бурами и стали жить их жизнью, которая протекала в стороне от прогресса и цивилизации. Некий господин Дютуа, потомок французских эмигрантов, спокойно жил у себя на ферме, которую в округе называли Дютуа-Пен (или, в местном произношении, Дютойтспен), потому что неподалеку находилось небольшое круглое озеро. Слово «пен», собственно, означает сковороду, но так стали здесь называть и круглые водоемы.

Как говорит мадам П., у которой я и позаимствовал эту историю, господин Дютуа очень мало думал о Франции, стране своих предков. Как настоящий белый дикарь, он, скорей всего, даже не подозревал, что эта прекрасная страна существует на свете.

В один прекрасный день к Дютуа заявились какие-то люди, которые, видимо, наслушались историй об алмазах и о сказочном обогащении. Они бесцеремонно расположились на ферме. Дютуа так испугался, что ночью перетащил в фургон все, что можно было перетащить: постели, вещи, деньги, – после чего запряг волов, усадил семью и, обливаясь слезами, тронулся в путь куда глаза глядят в состоянии, близком к умопомешательству.

Он так усердно старался замести следы, что гостям, которых он принял за опасных злоумышленников, стоило большого труда найти его. Но каков же был ужас этого простоватого бедняги, когда они его все-таки нашли. Оказалось, что они обследовали принадлежавшую ему землю, обнаружили алмазы и искали хозяина только для того, чтобы самым честным образом откупить у него его владения.

Но они еще не знали, с кем имеют дело. Хозяин был так напуган, что снова спрятался и не хотел показаться. Покупателям пришлось уехать ни с чем. Однако им все же очень хотелось разбогатеть. Через некоторое время они снова появились, и на сей раз их ждала удача. Никак этому простаку не влезало в голову, что люди, из-за которых он бросил родной дом, явились только для того, чтобы предложить ему богатство. Но пришлось поверить, и он подписал заранее приготовленный покупателями акт купли-продажи. По этому акту, он переуступал им Дорсфонтейн (Дютойтспен) за сто двадцать пять тысяч франков. Он не знал, насколько

смехотворна была эта цена по сравнению с миллионами, которые впоследствии были извлечены из проданного им участка.

Дютуа по-настоящему поверил в свое счастье только тогда, когда покупатели вручили ему всю сумму «золотом» и он подержал в руках каждую отдельную монетку. Еще в 1875 году передавали, что самой большой его радостью бывало считать и пересчитывать эти сто двадцать пять тысяч франков. Несомненно, они попали и к его наследникам в целости и сохранности.

Страсть к золоту довольно распространена среди буров. Они постоянно копят и копят и ничего не тратят. Среди них есть весьма богатые люди, которым досталось то, что сберегали многие поколения их предков. Эти богачи никогда не пускают своих денег в оборот, а хранят их в кубышках, которые закапывают в землю или прячут в каких-нибудь укромных и безопасных местах.

Дютуйтспен – это богатый прииск из числа сухопутных. Работают здесь так же, как в Нельсонс-Фонтейне. Богатая алмазами земля сначала усердно разрыхляется, а потом поднимается вверх в бадьях, сшитых из бычьих шкур. Здесь она просеивается сквозь два решета – крупное и мелкое, и, наконец, в тонком решете ее приносят на стол. Уже на столе происходит сортировка. К этому моменту остается только груда камней, весь песок отсеян.

Последняя операция производится при помощи прямоугольного листа цинка или жести размером тридцать на десять сантиметров. С помощью такого примитивного устройства камни рассыпают по столу. И тут уже достаточно просто бросить взгляд, чтобы понять, есть ли там бриллиант.

А теперь, когда читатель получил кое-какие сведения, касающиеся географии, истории и промышленности тех мест, где будет разворачиваться первая часть драмы, кровавый пролог которой ему известен, мы вернемся к нашему повествованию.

Вид убитого торговца вызвал у всех и ужас, и гнев. Кражи не были такой уж редкостью на прииске, но убийств не случалось. Жуликов было не перечесать, но никому не приходило в голову, что надо бояться за свою жизнь. Неудивительно, что, когда эти люди, в большинстве не признающие особых нежностей, почувствовали угрозу для своей жизни и своего кармана, они стали вопить о мести и потребовали суда Линча.

Один только полицейский сохранял невозмутимое спокойствие. Прежде всего он не позволил дотрагиваться до убитого и чем бы то ни было нарушить беспорядок, царивший в этом базаре на колесах, принадлежавшем несчастной жертве преступления.

Покуда приводили в чувство несчастную девушку, у которой обморок сменился страшной истерикой, полицейский устроил беглый допрос служанке. Но, как и следовало ожидать, она ровно ничего не знала. Она спала возле своей госпожи, когда чьи-то руки грубо схватили их обеих и связали. Ей показалось, что она слышит сдавленный стон, и в смертельной тревоге стала ждать, когда придет помощь, но помощь пришла слишком поздно.

Вот все, что могла сказать старая негритянка.

Полицейский с сомнением покачивал головой, но его бесстрастное, точно сделанное из камня лицо не выдавало волновавших его чувств.

Между тем он был глубоко взволнован, и мы не осмелимся утверждать, что это злодейство, сопровождавшееся столь загадочными обстоятельствами, не доставляло ему известного удовлетворения. Дело в том, что мастер Вильям Саундерс, которого на прииске звали просто мастер Виль, считал самого себя – по праву или без права – человеком ловким, но таланты которого все никак не находили себе достойного применения. К своей великой досаде, он прозябал в полиции на самых низших должностях и с нетерпением ожидал, когда случай представит ему наконец возможность выдвинуться. Теперь такая возможность перед ним открывалась. Заставить какого-нибудь кафра вернуть алмаз, который он прячет во рту; заставить какого-нибудь белого сознаться в краже; схватить несколько китайцев и потащить их за косы

в тюрьму, как охотничьих собак на попарном поводке; помогать при наказании палками или командовать нарядом штрафных, которые убирают нечистоты в лагере, – ну что это, в самом деле, за занятие! Любой чернорабочий справится.

Но раскрыть тайну загадочного и кровавого убийства, от видимых фактов добраться до тайных причин, собрать все данные, все самые незначительные улики, найти какое-нибудь, хотя бы самое маленькое указание, которое могло бы послужить путеводной нитью, броситься по следам убийцы, проявить в борьбе с ним смелость и смекалку, схватить его, доставить в суд, слышать со всех сторон, как люди говорят, что это Виль, несравненный Виль, сам, один раскрыл все дело, видеть свое имя окруженным самыми лестными эпитетами, находить свой портрет в газетах рядом с портретом пойманного преступника, – такая перспектива могла бы взволновать любого полицейского, даже лишенного честолюбия. А Вильям Саундерс был честолюбец, который к тому же любил свое дело.

Эти мысли молнией промелькнули в его мозгу. Он услышал крики: «Линчевать! Линчевать!» – и это заставило его оторваться от мечтаний в такую заманчивую минуту, когда он уже своими ушами так и слышал речь губернатора, который в награду за блестящий подвиг назначал его начальником всей полиции Кейптауна.

Он с важным видом повернулся, обвел взволнованную публику бесстрастным взглядом и проронил только нижеследующие несколько слов:

– Вы хотите его линчевать?.. Кого?..

Этот простой вопрос произвел впечатление холодного душа. По адресу почтенной корпорации, коей Виль был лучшим украшением, посыпались весьма нелестные замечания вперемишку с крепкими выражениями.

– Спокойствие, джентльмены! – невозмутимо продолжал Виль. – Идите работайте! О вашей безопасности должны заботиться мы, и мы свой долг выполним. Что касается меня, то я это дело распутая. Тому порукой моя честь. И – Господь меня слышит – вы еще повеселитесь: я обещаю вам одну или несколько великолепных виселиц!

Легко возбудимая толпа, состоявшая из людей нервных, быстро переходящих от одной крайности к другой, стала хлопать в ладоши и оглушительно кричать:

– Гип-гип-ура! Да здравствует Виль! Will, for ever!

Полицейский вернулся в фургон и продолжил расследование. Результаты были ничтожны. Отдавая себе в этом отчет, Виль все же тщательно измерил кровавые отпечатки рук убийцы, осторожно вытащил нож из груди убитого, прочитал на клинке имя фабриканта и собрался уходить, когда взгляд его совершенно случайно упал на некий небольшой предмет. От удивления мастер Виль даже вздрогнул.

Он поднял предмет, запрягал его в карман и вышел из фургона, бормоча про себя:

– Так! Мне везет с самого начала. Дай бог дальше не хуже.

Он медленно направился к помещению, где были расквартированы полицейские, когда к нему приблизился человек огромного роста и выпалил:

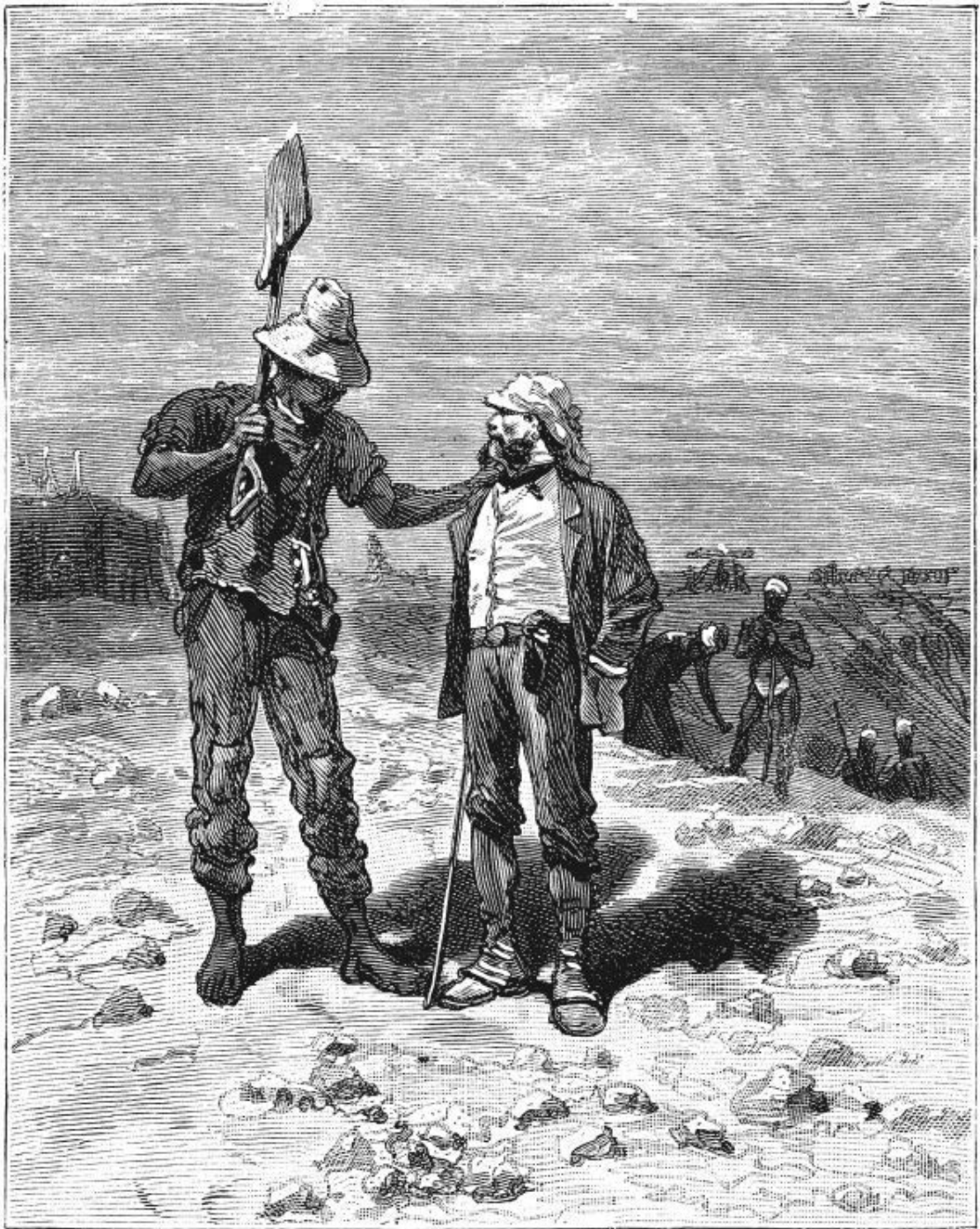
– Вам известно, что француз ночью уехал?

– Какой француз?

– Тот самый, у которого еврей откупил вчера участок, и алмазы, и орудия, и даже палатку.

– Знаю. Что из этого?

– Подождите. Француз уехал с двумя белыми, которых никто раньше на прииске не видел. Они оба были одеты по-дорожному.

- Дружище, вы напрасно тратите время. Я знаю все это не хуже вас.
- Вы так думаете? А знаете, что я нашел возле палатки француза, которую покойный еще не успел разобрать и унести?
- Что именно?
- Вот эти ножны. Посмотрите, не подойдут ли они к тому ножу, который торчал у старика в груди.
- Покажите.

Ножны пришлись как нельзя лучше. Ошибки быть не могло – нож имел слишком необычную форму.

– А что это доказывает? – спросил мастер Виль.

– Очень многое. Хотя бы то, что убийство совершил именно француз, или его спутники, или все трое вместе.

– Не исключено, – пробормотал полицейский, казавшийся более флегматичным, чем всегда.

Глава 3

Под баобабом в ожидании завтрака. – В жизни всякое случается. – Альбер читался романов о путешествиях. – А вот Александр – путешественник не по призванию. – Проезжеты

будущих миллионеров. – Как каталонцы произносят «б» и «в». – Музыкальный шквал. – Виртуозы, которые сеют ветер, а пожинают бурю. – Проповедник или канцелярист. – Оригинальная форма изгнания. – Воспоминания о пожарных маршала Лобо. – Наивные хитрости детей природы. – Тайна.

Четверо суток прошло после того ознаменовавшегося кровавым событием дня, когда в Нельсонс-Фонтейн приезжал Альбер де Вильрож.

Сейчас мы видим его и Александра Шони расположившимися под огромным баобабом¹. Дерево имеет чуть ли не двадцать пять метров в обхвате и на высоте пары метров от почвы делится на четыре громадных разветвления, прикрывающих своей листвой довольно просторную площадку. Над жаровней шипит продетая на ветку какого-то душистого дерева туша животного средней величины, в котором естествоиспытатель с первого взгляда узнал бы капского дикого (*Sus pascuorum*) или тупорылого кабана. Это был еще всего лишь поросенок, но клыки у него были длинней, чем у старого европейского вепря.

Жозеф, который заведует всеми делами де Вильрожа, чистит ружье и одновременно присматривает за жарким, аппетитный вид и запах которого приводят в явное восхищение двух негров, чье своеобразное одеяние мы описали выше. Их широкие лица, скорей темно-коричневые, чем черные, расплываются от удовольствия при виде этого зрелища, радующего вечно пустые желудки туземцев.

Оба кума расхваливают на своем языке вкусовые достоинства маленького слона – так зулусы зовут кабана из-за клыков, – но не помогают кулинару-европейцу, а только, застыв в позе ленивого блаженства и наслаждаясь бездельем, посматривают на усердствующего в своем непростом ремесле каталонца.

Расседланные лошади мирно пощипывают хилую желтоватую травку, покрывающую поверхность земли вне тени, отбрасываемой баобабом.

Альбер де Вильрож рассказывает кое-что, по-видимому, весьма интересное; Шони слушает своего друга внимательно и не перебивая, лишь время от времени улыбаясь его остротам, которые могли бы вывести из равновесия даже индийского факира.

– Видишь ли, дружище, – говорил де Вильрож, – в жизни всякое случается. Ты говоришь – роман. А роман – это та же правда. Самые, казалось бы, невероятные хитросплетения человеческой фантазии в конце концов воплощаются в действительность. Вот мы с тобой лежим под этим баобабом, который торчит здесь, вероятно, со времен Ветхого Завета. Разве одно это не подтверждает мои взгляды, которые ты назвал слишком смелыми?

– Ну, чисто формально – да.

– Не имеет значения. Повторяю тебе: все случается, даже невозможное.

– И особенно невозможное, – невозмутимо перебил его Александр Шони.

– Напрасно ты шутишь. До сегодняшнего дня события только подтверждали мою правоту.

– Разве что те, что случились с тобой...

– Пусть так. Что касается меня, то я рожден для всяческих приключений, не спорю. Ты помнишь, в какую лихорадку бросали меня романы Гюстава Эмара о приключениях, захватывающие драмы Габриэля Ферри, ожесточенные схватки Дюплесси, эпопеи Фенимора Купера?.. Я впивался в потрепанные страницы, сердце у меня билось, я бывал близок к обмороку, когда читал о подвигах великих искателей приключений... Эти люди казались мне не менее великими, чем великие завоеватели... Грозный Пенд्रे, перед которым трепетали бандиты Соноры,

¹ Баобаб (*Adansonia digitata*) – дерево или, вернее, целый растительный агрегат, обладающий необычайной живучестью; его ствол можно выдолбить, рубить, жечь, а дерево будет продолжать расти; доктор Ливингстон описывает случаи, когда баобаб рос после того, как дерево было срублено, а также установил, что некоторые ветки выросли еще на английский дюйм после того, как ствол был срублен. (Прим. автора.)

отважный Рауссе-Бульбон, неустрашимый искатель славы, перед которым бессильна даже клевета... А скачка по Великому Западу рядом с этим канадцем Буа-Розе, истинным героем долга?.. Я так и видел выжженные солнцем долины, прииски, в которых золото сверкает, как молния, и которые находятся под охраной краснокожих демонов; безрадостные поля, на которых белеют кости воинов, погибших в пустыне, необозримые, но проклятые леса, привлекающие беспомощного человека! Всю мою молодость меня не покидали мечты об этом едва угадываемом рае, о захватывающих страстях, которые так превозносили мои любимые писатели...

– Браво, дорогой мой! Если бы ты говорил не в пустыне – ибо здесь мы в совершеннейшей пустыне, не так ли, – если бы ты выступал так красноречиво перед воспитанниками лицея, преподавая им основы риторики, ты бы сразу мог зажечь кучу юнцов... Но что касается меня, то я давно вышел из того счастливого возраста, когда люди протирают свои короткие штаны на школьных скамьях, и, скажу тебе откровенно, я не вижу ничего райского и захватывающего в том положении, в какое мы попали.

– Эх, прозаический ты человек!

– Ну давай попытаемся рассуждать, по возможности, здраво. Я всего-навсего обыкновенный уроженец Боса, и меня демон приключений никогда не искушал. Я прост, как земля, на которой впервые увидел свет божий. Если бы я родился в каком-нибудь портовом городе, у моря, где корабли все время приходят и уходят и пробуждают в ребенке мысли о незнакомых краях и потребность в передвижениях, было бы другое дело. Морские дали всегда имеют обаяние экзотики, и нельзя от этого отделаться. Но ведь я-то прожил всю жизнь в таких местах, где никто о путешествиях и не мечтает. Я преспокойно делил свое время между хлопотами по имению и парижской светской жизнью...

– И вот ты попал в Южную Африку, к бечуанам, ты сидишь под баобабами, ты жарешь тушу дикого кабана и сейчас будешь с аппетитом ее уплетать. Вот оно как! Теперь ты видишь, что всякое случается, что истина парадоксальна и противоположности сходятся? Ты разорился до нитки и решил, что надо поскорей и честно восстановить свое благосостояние. Но ты выбрал способ довольно-таки странный для человека заурядного, привязанного к своей босеронской земле. Говоря между нами, я вижу в нем ту же самую экзотику, о которой ты только что говорил.

– Пусть так. Но я руководствовался чисто практическими соображениями, не испытывая ни малейшего воодушевления. Прикинув, сколько стоит бриллиант и сколько камней в среднем находит здесь один искатель, я подсчитал, что мне хватило бы нескольких лет, чтоб восстановить свои полтора миллиона, унесенные крахом.

– Но так же верно и то, что по первому зову старого друга ты без колебаний оставил свой участок, возможно изобильный, и отправился к черту на куличики на поиски весьма сомнительного сокровища, в ходе которых ты можешь подвергнуться страшным опасностям, не получить и гроша ломаного, а только зря растратить и время, и здоровье.

– Но, дорогой Альбер, моя дружба обязывает меня сопровождать тебя.

– А! Вот к чему я тебя и вел. Твой прозаизм не существует даже для вида. Ведь ты сделан из того же теста, что и все искатели приключений – разумеется, в самом благородном смысле этого слова. Ибо что, в конце концов, отличает неисправимого охотника за приключениями, если не готовность пожертвовать собой ради чего-то, ради чувства, ради идеи. Ты уже дважды смело отправился в путь без малейших колебаний. Меня это не удивило, ибо я и не сомневался, что ты, с твоей напускной флегматичностью, рано или поздно пустишься в грандиозное приключение.

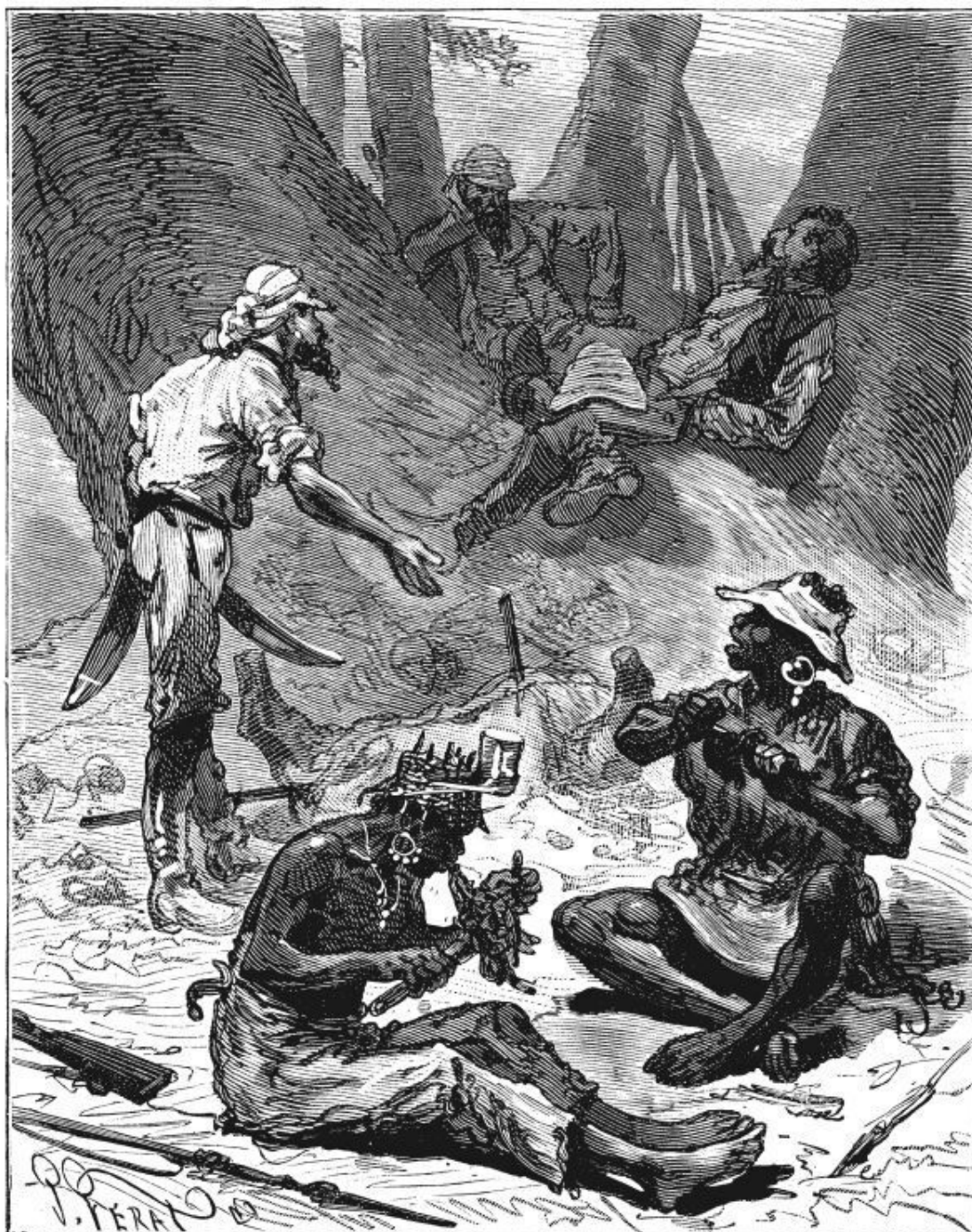
– Тоже заслуга, нечего сказать! В Париже, когда я обеднел, мои знакомые чувствовали себя неловко, встречаясь со мной. Они точно боялись, что я утащу у них бумажник! А что касается моего алмазного участка, который я бросил, то я хотел бы знать, что более достойно

сумасшедшего: отправиться с тобой на поиски этой грандиозной кубышки или копать в грязной яме, в которой можно каждую минуту погибнуть?

– Упрямый ты человек! Ну ладно, поедим жарко́е и двинемся дальше, в страну миллионов.

– Почему не миллиардов?

– Пожалуйста, пускай в страну миллиардов. От миллиардов тоже не откажусь! Когда я отстрою Вильрож, и прикуплю соседние каштановые рощи, и подарю моей Анне бриллиантовый гарнитур, я заживу роскошно, как легендарный Потемкин: я буду сорить алмазами, я буду их раздавать направо и налево. Конечно, некрасиво, когда мужчина увешивает себя этими сверкающими кусочками булыжника. Это могут делать только бразильцы. Им очень нравится быть похожими на ювелирную витрину Пале-Рояля. А я украшу бриллиантами упряжь моих лошадей, ошейники моих собак... не знаю, что еще. Мои лакеи облачатся в ливреи с булавками за сто тысяч франков. Они будут перед всеми выставять мою безумную роскошь, мой дурной вкус. И, однако, далеко не всякий сможет похвастаться таким дурным вкусом.

– Ты сошел с ума!

– Пожалуйста кушать, – прервал его Жозеф, нарезавший на ломтики хорошо прожаренное кабанье мясо, поворачивая его на вертеле.

– Не хватает разве что столовой посуды, – заметил Альбер, – ну да ладно!.. На войне как на войне.

– Если бы нас видели наши бывшие парижские друзья, которые, поди, прогуливаются сейчас между «Тортони» и улицей Друо, вырядившись в свои нелепые рединготы! Воображаю, какие шуточки посыпались бы по нашему адресу!.. – заметил Александр.

– Мы еще больше могли бы посмеяться над ними... Они едут в какой-нибудь модный кабачок и вяло жуют кусочек мяса, обработанного тонким кулинаром. Они выпивают стакан кислого вина, которое потом не могут переварить, а вечером они будут сидеть неподвижно в

каком-нибудь большом зале, разделенном на тесные и неудобные уголки. Там они будут сидеть, как некие Будды, и смотреть, как накрашенные мужчины и дамы встречаются под газовым фонарем и рассказывают друг другу нелепые и вымышленные истории, и наконец, как в песне про Мальбрука, собравшегося в поход, потихоньку поедут домой спать. В то время как мы созерцаем эту пышную природу...

- ...И едим жаркое без хлеба!..
- Здесь чистый воздух! Свобода...
- Мы ее запиваем простой водой...
- Какие великолепные деревья!..
- В их тени мы спим под открытым небом...
- Какие ослепительные цветы!..
- Они кишат скорпионами и тысяченожками...
- Какие птицы в ярких перьях!..
- Какие ленивые, зловонные и грязные негры!..
- Сколько насекомых! Они более разнообразны, чем украшения султанши.
- В том числе комары и муравьи.
- Извольте идти кушать, – повторил Жозеф, прерывая таким образом беседу, которая развлекала двух взрослых, как двух детей.

Обычно, когда мысли Жозефа не бывали заняты ничем особенным, он выговаривал «б» и «в» почти как все. Но когда что-нибудь его беспокоило и он начинал говорить со всей своей каталонской словоохотливостью, то, как это почти всегда бывает с испанцами, эти две буквы менялись у него местами, и речь его порой звучала довольно странно.

– Позвольте, месье Альвер и месье Александр, – сказал он. – Мясо будет холодное. Его не стали вы есть даже жители Валь-д'Арана... а они не неженки.

Затем он обратился к обоим неграм:

– Эй, бы! Вудете кушать? Ну конечно! Тогда забирайте свою порцию...

Негры ели с жадностью, кости так трескали у них в зубах, что крокодил и тот мог бы позавидовать. Европейцы, подивившись этой изумительной способностью поглощения пищи, с которой они раньше не сталкивались, тоже собрались поесть. Но в этом важном деле им мешал невообразимый шум и гам, поднявшийся на другом конце полянки и причину которого от них скрывала густая трава.

Это была какая-то какофония без ритма, лада и названия. Ее производил целый оркестр. Музыканты дули в туземные флейты, в дудки, выдолбленные из слоновых бивней, они били в барабаны и тренькали на струнных инструментах, виртуозы играли изо всех сил, инструменты едва не разрывались. К этим звукам примешивались свирепые вопли, которые, казалось, не могли исходить из человеческого горла.

Трое белых были захвачены врасплох этим шквалом. Всегда готовые к тому, что придется столкнуться с опасностью, они мгновенно схватились за оружие и расположились в трех точках, спиной друг к другу, с карабинами в руках.

Но их опасения были непродолжительны. Все трое разразились громким смехом, когда перед ними предстало зрелище, какого они еще никогда в жизни не видели. Чернокожие, производившие этот шум, шли полукругом и одной только своей бешеной музыкой гнали впереди себя какое-то существо, одетое по-европейски. Оно было похоже на зверя, которого травит разъяренная свора, и пыталось вырваться, но тщетно.

Грохот барабанов, пронзительный визг флейт, рычание струнных, рев духовых приводили его в такую ярость, что он раскачивался от этого незримого смерча, как будто его пытали орудиями для мучений или окатывали водой из пожарных насосов.

Александр, Альбер и Жозеф, сотрясаясь от непреодолимого смеха, были не в силах сохранить свое воинственное настроение – слишком уж необычной была такая форма пре-

следования. Впрочем, сама внешность жертвы могла бы вызвать улыбку у наиболее невозмутимого из граждан Соединенного Королевства. Вообразите себе редко уже встречающийся в Париже тип мелкого канцеляриста лет пятидесяти, с обветренным и загорелым лицом, на котором облупилась кожа; вообразите его в высоком цилиндре, в длинном черном сюртуке с засаленным воротником и лоснящимися рукавами, в брюках орехового цвета недостаточной длины, чтобы доходить до ботинок, которые были совершенно стоптаны. Представьте себе этого человека жадно глотающим вместе с воздухом пыль и грязь. Телосложением он весьма напоминал ящик от стенных часов; посадите на этот ящик плешивую голову с морщинистым лицом и с испуганными глазами; забросьте такого субъекта куда-нибудь к туземцам Южной Африки – и вы получите некоторое представление о человеке, который, опустив голову, изгибаясь и размахивая руками, спасался от бури, поднятой неумолимыми виртуозами.

Наконец он заметил трех европейцев, подскочил от удивления и направился прямо к ним, больше не обращая внимания на своих преследователей.

– Мир вам, братья мои!

– И вам того желаю, – ответил Александр, который покусывал усы, чтобы сдержать смех.

– О неверные! О проклятые! Амалекитяне! – вопил незнакомец.

Теперь он показывал своим преследователям кулак.

Но те, увидев европейцев, и сами перестали шуметь.

– Ладно, сударь, успокойтесь! – в свою очередь сказал Альбер де Вильрож. – По-моему, эти добрые малые не питают к вам особенно враждебных чувств. Единственное, что вам грозит, – это либо оглохнуть, либо на всю жизнь возненавидеть музыку.

– Ах, брат мой, что бы для меня значила пытка, даже сама смерть, если бы мне только удалось пролить свет Евангелия на эти заблудшие души, погрязшие во тьме варварства! Но они упорствуют!..

Эти слова были сказаны по-английски.

Тогда де Вильрож шепнул своему другу:

– Да это никак проповедник! Знаю-знаю, мы от него еще и не такое услышим. Я едва устоял под напором священной диалектики отца Смитсона. Веселого в этом мало, уверяю тебя. Сейчас он вручит нам маленькие Библии...

– Однако скажите, пожалуйста, каковы их намерения? Чего они хотят? Почему обратили против вас эти варварские орудия, как когда-то пожарные, которых маршал де Лобо отправил усмирять бунтовщиков на площади Шато-д'О? – спросил Александр.

– Они хотят изгнать меня со своей территории, брат мой. Меня, мирного человека, который принес им свет истинной веры...

– Изгнать вас?

– Да! Хотя они и считаются подданными ее величества, но живут по своим законам. И если вы пришли к ним с пустыми руками, то есть если у вас нет фургона, нагруженного товарами для обмена, они вас вежливо выпроваживают вон – до самой границы. В этом я убедился на собственном опыте. Я прибыл только сегодня утром, и уже мне приходится убираться.

– К счастью, они не сделали над вами никакого насилия, – сказал Александр. Он уже пожалел, что смеялся над этим беднягой. Узнав о цели его приезда к аборигенам, француз больше не находил его внешность странной.

– Они бы не посмели. Довольно близко отсюда имеются цивилизованные учреждения. Но что я теперь буду делать один и без средств?

– Успокойтесь. Мы вас не оставим. Хотите делить с нами наш скромный стол и сопровождать нас в нашей экскурсии? С нами вы можете не бояться никакой музыки.

– Увы, братья мои, если у вас нет никаких предметов, которые могут утолить их жадность, вы здесь передвигаться не сможете.

– Ну, на сей счет не беспокойтесь. Мы еще и не такое видели. Не правда ли, Александр?

– Еще бы! – ответил Александр Шони со своим великолепным хладнокровием. – Впрочем, мне кажется, что этот маскарад не больше чем шутка. Просто милые чудаки захотели повеселиться.

Во время этого короткого разговора оркестранты подошли к баобабу совсем близко, так что могли бы рукой дотронуться до белых, которых рассматривали с почтительным любопытством. Затем тот, кто, по-видимому, был их вождем, повернулся к Александру Шони, которого он по солидному виду принял за предводителя маленького отряда, и заговорил с ним на ломаном английском языке.

Внушительный арсенал трех европейцев и запасное оружие, которое держали их слуги, видимо, подействовали на черного вождя. Он подал знак, и из густых зарослей мгновенно выскочила целая регулярная рота, вооруженная копьями и старыми ружьями.

Одежда – верней, неописуемые лохмотья, которые висели на этих людях, – придавала им вид одновременно и комичный и свирепый. Это была живая иллюстрация того, как чернокожие, сохраняющие в дикой наготе своей особые черты, полные своеобразия, становятся действительно смешны, стоит им одеться на европейский манер. Вождь был в серой фетровой шляпе с белым пером, в изодранной куртке, в коротких штанах из светлой кротовой кожи, в сапогах с отворотами; он представлял собой законченный пример того, как сын природы превращается в безобразную карикатуру. К воротнику его, по туземному обычаю, были подвешены коробочка, ожерелье, нож, табакерка и хвост шакала, который служит носовым платком.

– Мой белый брат знает, конечно, что за переход через землю бечуанов надо заплатить?

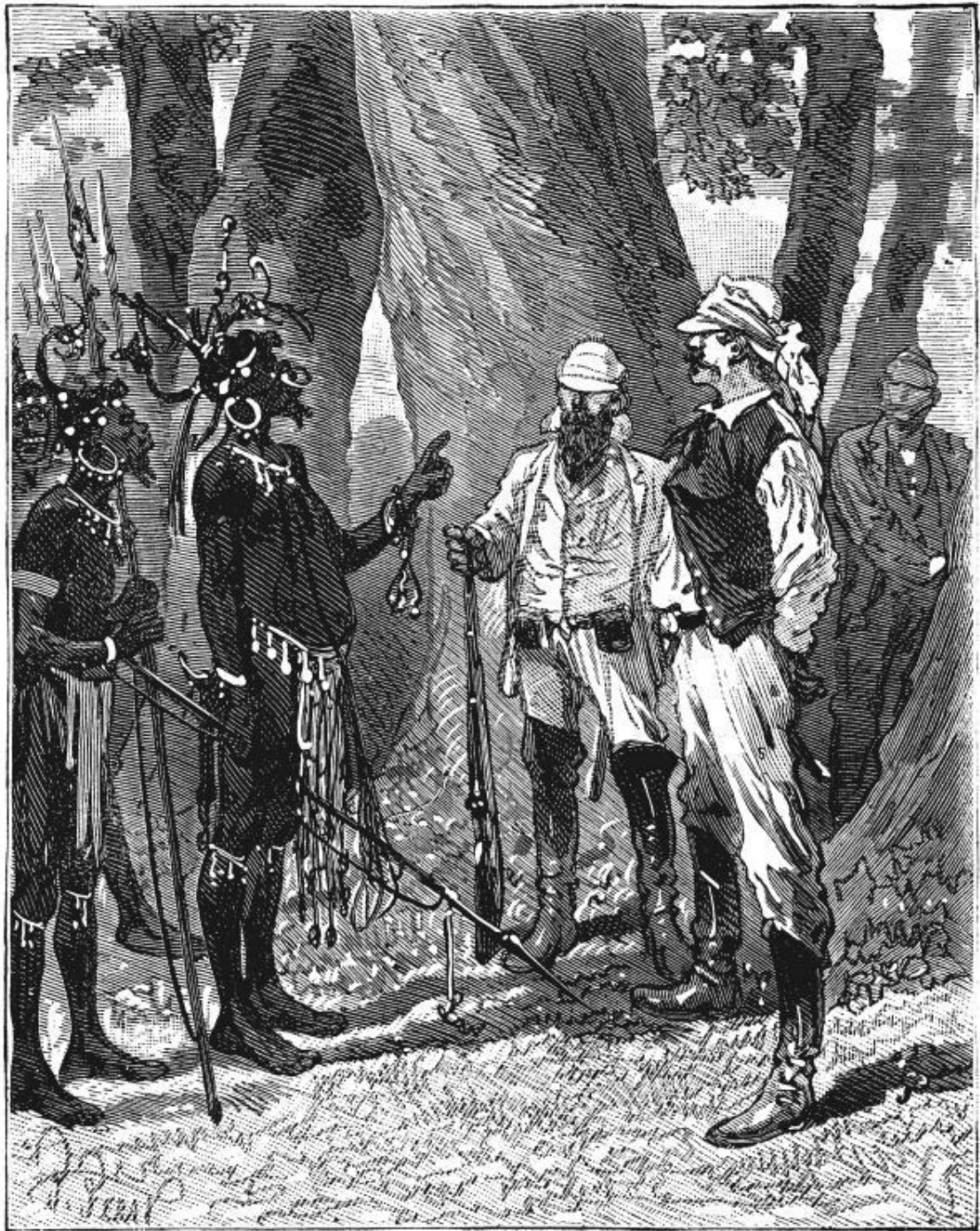
– С удовольствием. Но кому?

– Мне.

– Кто вы?

– Я вождь. Меня послал царь Сикомо.

– Знаете, любезный, уж я лучше заплачу самому господину Сикомо.

Посланец казался несколько растерянным, но скоро освоился и сказал:

- Мой брат даст мне синий фрак, красную рубашку и шляпу с пером.
- У меня нет никакого старья, милый вы мой. Зайдите как-нибудь в другой раз.
- Мой брат даст мне ружье и порох...

– Ваш брат – раз уж на то пошло – даст вам монету в сто су и благословение, если вы хотите. Что касается всего остального, то мы поговорим с Сикомо.

- Но чтобы проводить вас к Сикомо, мне нужен синий фрак.

– Мы это знаем: рубашка, шляпа с пером и так далее. Но мы надеемся обойтись без ваших услуг, так что я не вижу, почему я должен дать вам все эти вещи. Наконец, есть еще одна важная причина, заставляющая меня отказать вам: у меня попросту нет этих вещей.

– То есть как это? – воскликнул вождь с раздражением балованного ребенка. – Белый путешествует без фургона?

– Совершенно верно.

– И белый не имеет вещей, которые он мог бы обменять на слоновую кость?

– Как видите.

– Однако зачем же вы сюда приехали?

– А мы просто прогуливаемся. Для укрепления здоровья.

– У всех белых есть фургоны, и все белые покупают слоновую кость. Почему вы этого не делаете? Кто вы?

– Ну, знаете, любезный, вы мне странным образом напоминаете сельского полицейского. Уж не собираетесь ли вы потребовать у меня документы? Я вам буду благодарен, если вы прекратите этот допрос. Он уже начинает мне надоедать. И еще: раньше вы еле лопотали на каком-то почти непонятном английском языке, а теперь вы вдруг заговорили слишком правильно для жителя этой дикой страны. Вы, быть может, умеете также читать? Тогда я вам сообщаю, что мое имя записано у меня в паспорте, а этот важный документ служит мне в настоящий момент пыжом и лежит у меня в ружье. Если вам угодно его прочесть, я к вашим услугам.

Посланец царя Сикомо опустил голову, получив столь яростный отпор. Он был совершенно сбит с толку.

– Я и мои воины, мы проводим наших белых братьев к Сикомо.

– Ваши белые братья обойдутся без вас и пойдут, куда им заблагорассудится.

Тем временем Альбер де Вильрож знаком велел Жозефу оседлать и взнуздать лошадей. Тот ушел и через минуту вернулся, ведя трех коней под уздцы.

Европейцы вскочили в седла и приказали черным слугам следовать за ними.

– Мои братья не найдут ни чем питаться, ни на чем переправляться через реки, – все еще настаивал вождь.

И так как круг сужался, то Александр, Альбер и Жозеф быстро зарядили свои карабины на случай неожиданного нападения, тактику которого часто применяют аборигены. Щелканье затворов и решительный вид трех европейцев подействовали мгновенно. Ряды сразу разомкнулись, копыта и ружья опустились.

Александр, уже готовый дать шпоры своему коню, стал искать глазами проповедника, чтобы попрощаться с ним, но его преподобие исчез.

– Вперед! – зычным голосом скомандовал Шони.

И трое всадников, сопровождаемые двумя слугами, скакавшими, как антилопы, тронулись в путь, и совершенно беспрепятственно: никто им не помешал.

– Или я сильно ошибаюсь, – сказал Альбер де Вильрож, – или вся эта орда не больше чем сброд самых отъявленных грабителей пустыни. Во всяком случае, раз мы отказались от их услуг, они объявят нам настоящую войну. Довольно скверно для начала. Как по-твоему?

– Ну вот еще! – возразил Александр с поистине галльской беззаботностью. – Если они начнут на нас насаждать, мы их перещелкаем одного за другим, вот и все... А что касается проповедника, пусть сам устраивается как умеет.

А проповедник устроился очень хорошо. Почтительно окруженный своими недавними преследователями, он с великолепным аппетитом уписывал недоеденную кабанью тушу и, оказывая честь жаркому, завел с вождем оживленный разговор, свидетельствовавший об их довольно-таки странной близости.

Его преподобие явно пользовался влиянием среди недавних преследователей, что не совсем обычно для жертвы.

Не была ли вся эта комедия лишь прологом кровавой трагедии?

Глава 4

Чернокожие требуют плату за проход через их территорию. – О французских исследователях. – Не имея ничего другого, три француза хотят платить припасами. – Голод среди туземцев. – Рядом с хищниками африканского континента. – Стадо слонов. – В чем опасность охоты на слонов. – Убит окончательно и бесповоротно. – Ужасное положение. – Под ногами толстокожего. – Волнение Жозефа отражается на его речи. – Раненые гиганты. – Лошадь под Александром пугается, на Александра наступает слон.

Любой, кто представляет себе трудности экспедиции в дикие края, скажет, что затея наших трех путников была безумием. Не столько из-за конечной цели – отыскать клад, самое наличие которого еще могло быть отнесено к царству химеры, сколько из-за почти непреодолимых препятствий, создаваемых и природой, и людьми.

Весело, с чисто французской беззаботностью отправиться на поиски драгоценных камней, зарытых неизвестно где на этом огромном континенте, без проводника, не имея ничего, кроме компаса и грубого чертежа, нанесенного на тряпку, да и то по указаниям невежественного кафра, – конечно, такая затея может принести много бурных переживаний, но главная цель рискует остаться недостижимой, – верней, она не может быть достигнута.

Во все времена и у всех народов исследователи, поставив перед собой цель, пускай даже химерическую, все же иногда успевали сделать памятные открытия. Однако люди, жаждущие неизвестного, верящие легенде об Эльдорадо, все эти изобретатели философского камня и открыватели Северного полюса всегда располагали тем, что им бывало нужно для работ.

Но, в отличие от них, наши три француза пустились в глубину незнакомой страны без припасов, с оружием, которое, как хорошо знают охотники, всегда может выйти из строя, и с лошадьми, которых муха цеце, этот бич Южной Африки, может уничтожить в несколько часов. Как правильно заметил вождь чернокожих, встреченный под баобабом, они не имели фургона, этого дома на колесах, где путешественник всегда может укрыться в непогоду и где, что весьма существенно, он может возить всякий хлам, которым расплачивается за проезд по самым разным территориям.

Между тем надо отметить, что многие африканские царьки чрезвычайно ревниво относятся к неприкосновенности своих владений. Не то чтобы они были так уж свирепы (я говорю главным образом о тех, которых можно встретить между экватором и крайним югом) и не то чтобы они вообще отказывались пускать к себе путешественников, но за разрешение пересечь их территорию они требуют плату, и нередко довольно высокую.

Сколько исследователей застревало на долгие месяцы, едва вступив во владения этих наивных и алчных тиранов! Левайян, Гордон-Камминг, даже прославленный Ливингстон, Андерссон, Чепмен, Бейнс, Болдуин, Эрскин, Баттон, а совсем недавно – лейтенант Кэмерон – всем им пришлось в конце концов, исчерпав аргументы и материальные возможности, менять свои маршруты и, преодолевая новые большие трудности, обходить эти негостеприимные земли. Только один Стэнли сумел противопоставить силу этому налогу на транзит. Но Стэнли, который завалил трупами весь свой путь от Занзибара до Конго, весьма и весьма подорвал дело мирного завоевания Экваториальной Африки.

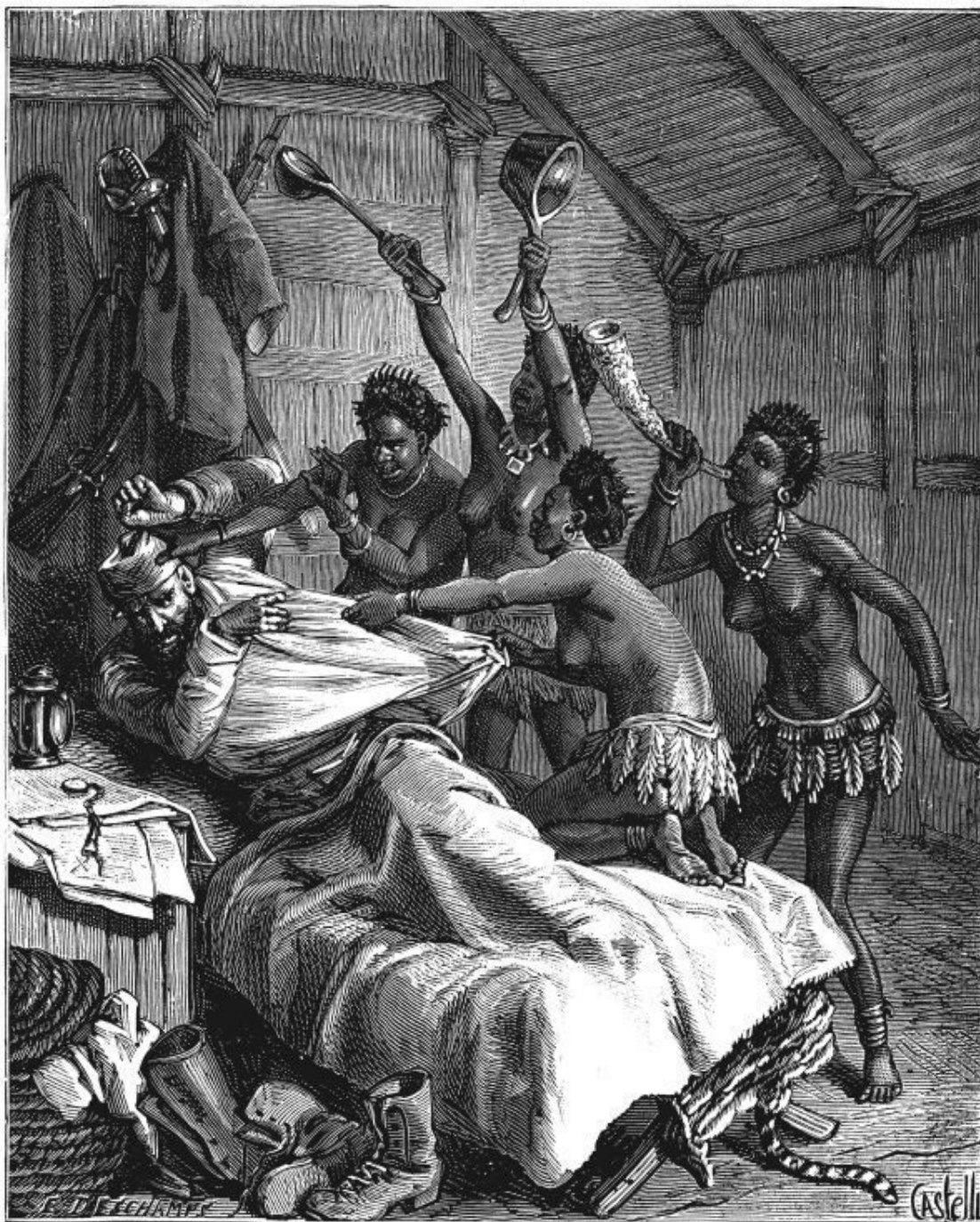
Уверяю вас, я говорю так вовсе не потому, что я француз и затаил обиду на этого англо-американца из-за его безобразного и вызвавшего всеобщее негодование поведения по отношению к нашему славному соотечественнику Саворньяну де Бразза; мое мнение – говорю об этом не без гордости – разделяло большинство серьезных географов и исследователей еще задолго до грубой выходки корреспондента «Нью-Йорк геральд».

В любом случае, англичанин ли он или американец, Стэнли поступил плохо с точки зрения науки и гуманности. Наука имеет неотъемлемые права, но и права гуманности непререкаемы, и не может быть антагонизма между гуманностью и наукой. Сколь же велика разница между этим головорезом и нашими достойными французскими исследователями! И с какой же радостью и гордостью возношу я хвалу своим соотечественникам! Ведь если британский Джек и звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов хранят на себе несмываемые кровавые следы – то наш французский триколор ни разу не замарал себя кровью примитивных народов.

Должен ли я напомнить об уничтожении жителей Тасмании, об истреблении австралийцев, о массовых расстрелах населения Капской колонии, о вымирании краснокожих на Дальнем Западе – и противопоставить этому восхищение, которое снискал у индусов наш великий Дюплекс, или легенду о Самюэле Шамплене, которого прозвали отцом индейцев Северной Америки? Почему мне не привести прославленные имена французских исследователей, которые вдохновляются только благородными примерами и взяли себе за правило человеколюбивый девиз: «Мягкость, убеждение»? Я имею в виду отважного Жана Дююи, открывшего на Дальнем Востоке путь, который тридцать лет искали англичане, и мирно покорившего десять миллионов тонкинцев; я говорю о добром Солейе с нежным профилем апостола – его память чтут даже разбойники Сахары; об энергичном Бро де Сен-Поль Лиасе, который утвердился на Суматре и завоевал дружбу свирепых малайцев; о Байоле, счастливом исследователе Фута-Джаллона; об ученом Дезире Шарне, который вывез из Мексики целую древнюю цивилизацию; о храбром де Бразза, которому мы обязаны колонией в Габоне; о неподкупном правителе Шессе, который дал нам Таити; об Альфреде Марше и Ашиле Раффре, которые обогатили наши естественно-исторические коллекции²; об аббате Дебезе, скончавшемся в трудах на берегу Танганьики, и несчастном Крево, который стал жертвой, потому что не пожелал быть палачом. Они себя вели не как завоеватели, они не появлялись вместе с многочисленными и хорошо вооруженными войсками; они не привозили в колонии продукты цивилизации в виде разрывных пуль. Они были подвижниками, как подлинные посланцы мира и прогресса. Если они и пали жертвами своей преданности науке, то, по крайней мере, они ее не опозорили. И даже наоборот, ибо для великих идей кровь мучеников – лишь благотворная роса.

Что касается предприятия наших героев, то, даже не будучи бескорыстным, оно, однако, не лишено смелости и не ограждено от опасностей. Вильрож и Шони хотели бы продвигаться быстро и без лишних приключений пересечь область, ревниво охраняемую от белых. Трудность удваивается, если вспомнить, что у них нет ничего с собой. Но Альбер де Вильрож при всей своей внешней беспечности был весьма наблюдателен; к тому же он был знаком с трудами тех, кто изучал здешние места до него. На основании всего этого он нашел верный, как ему казалось, способ улаживать всякие трудности.

² См. рисунки О. Кастелли «Альфред Марш в Западной Африке» (с. 51) и «Саворньян де Бразза в Конго» (с. 52). (Прим. редактора.)

– Видишь ли, – сказал он Александру, – сейчас самый разгар засушливого времени года...

– Это нетрудно заметить, – признал Шони. – Трава стала как трут, листья пересохли, а лошади поднимают препротивную пыль.

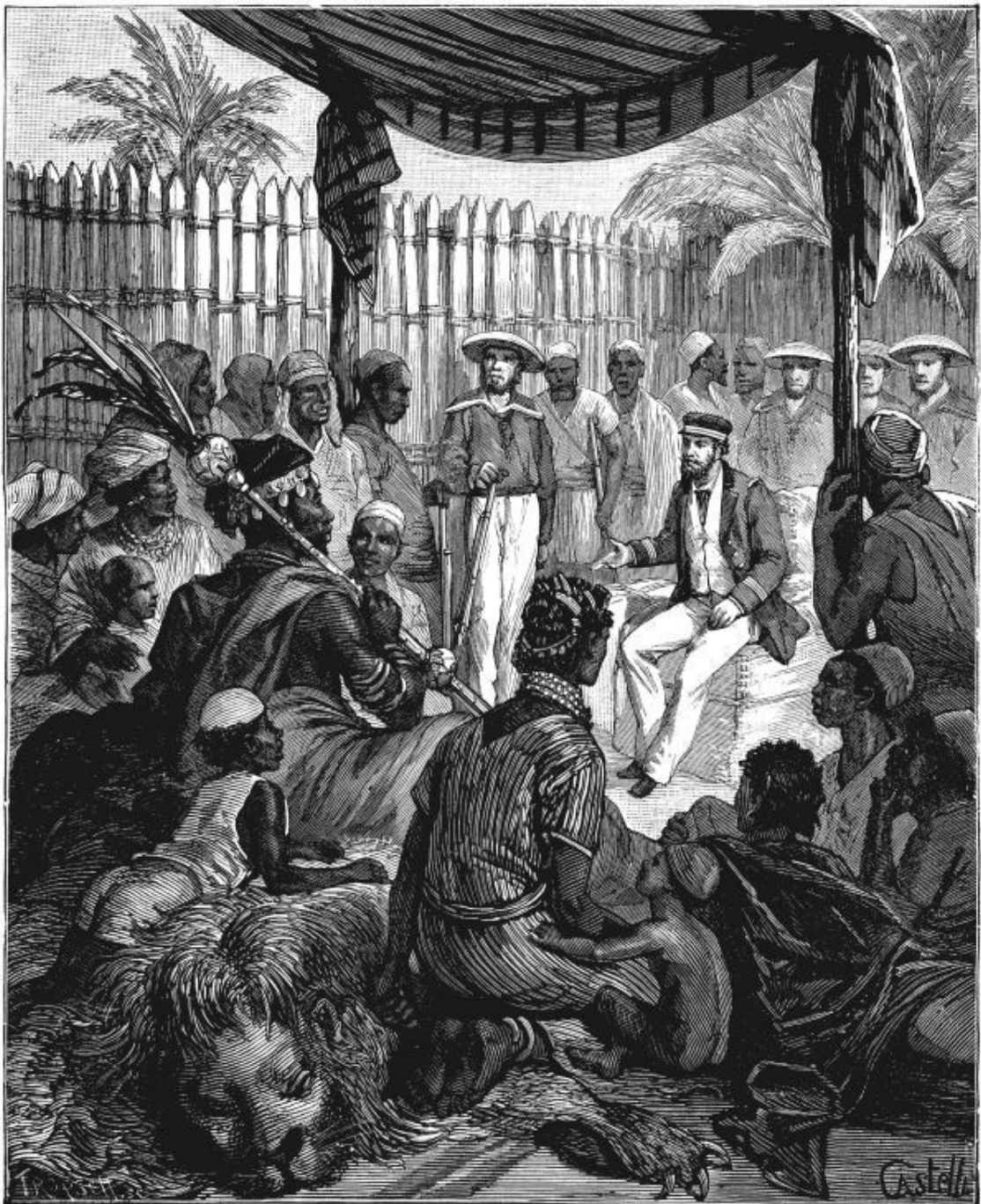
– Вот и отлично!

– А мне и в голову не приходило, что это отлично.

– Сейчас увидишь. Добрые люди, которые живут в этом солнечном краю, никогда не читали нашего дорогого Лафонтена и не знают его милой и поучительной басни «Стрекоза и Муравей».

– С этим трудно поспорить.

– Они не позаботились отложить запасы на нынешнее бедственное время. У них, проще говоря, жрать нечего, и они сейчас пляшут на голодный желудок.

– Мы можем плясать вместе с ними. Этакую «кадриль пустого брюха»!

– Ну что ты! Имея ружья? Неужели ты не смог бы всадить пулю в глаз слону или подстрелить хотя бы простую антилопу с расстояния в сто метров?

– Допустим.

– Вот видишь! Выходит, что мы явились сюда как спасители этих бедняг! Мы охотимся как безумные и наваливаем им целые горы битого мяса. За прохождение по их земле мы платим натурой. Мы наполняем им брюхо. Не я буду, если у них окажутся неблагодарные желудки. Твое мнение?

– Мысль блестящая! Особенно если учесть, что нам не мешает никакой багаж. Весь наш груз – это несколько килограммов пороха и приличный запас пуль, поэтому ничто не будет препятствовать длительным переходам в поисках зверя.

– Значит, ты со мной согласен? Впрочем, мы будем отнюдь не первыми, кто прибегнул к этому способу. До нас им пользовались Бейнс и Чепмен. К нему постоянно прибегал и Болдуин и тоже забот не знал. Я даже думаю, что нам не придется надолго откладывать наше намерение. Видишь эту движущуюся черную линию под холмом? Это негры...

– Вижу, – сказал Шони, подымаясь на стременах. – Уж не ждет ли нас такой же кошачий концерт, как с добрейшим нашим проповедником недавно?

Хорошо зная, как важно поскорее завоевать доверие у чернокожих обитателей африканской пустыни, трое французов, вовсе не желая избежать встречи с новоприбывшими, дали шпоры своим лошадям и помчались галопом по направлению к холму.

А негры, которые там находились, имели самый жалкий вид. В них не было и следа бахвальства и победного чванства группы бродячих оркестрантов. Их было человек сто, в том числе женщины и дети. Исхудалые, изможденные, со впалыми щеками, кожа да кости, они все казались больными какой-то страшной и странной болезнью.

Увидев европейцев, они стали испускать крики радости. Быстро образовав круг, они простерлись на земле и стали подносить руки ко рту и к животу, то есть делали тот выразительный жест, который во всех странах мира означает «я голоден».

– Ах, бедняги! – воскликнул Альбер, на которого зрелище произвело тяжкое впечатление. – Да они чуть живы! Они умирают!..

– Еще бы! – подтвердил Александр. – Вот теперь-то и надо взяться за охоту и дать им возможность пообедать, пока не поздно. Я только боюсь, дичи здесь мало. Что за несчастная страна! Земля растрескалась, словно обожженная глина, родники иссякли...

Один из этих несчастных знал несколько слов по-английски. Дополняя их жестами, он объяснил, что все они являются последними из оставшихся в живых жителей некогда цветущей деревни. Между ними и их соседями возникла ссора, обе стороны взялись за оружие. Была отчаянная борьба, они оказались разбиты, неприятель унес весь их урожай и сжег деревню. В довершение несчастья стоит засушливая погода. Никаких источников существования. Они скитаются по лесам в поисках корней, ягод, диких фруктов, черепах или насекомых. Из-под просохшего слоя земли они выковыривают лягушек, которые там прячутся до наступления дождей. Жалкое пропитание! Многие погибли от голода. Их стрелы и копья не годятся для охоты за крупным зверем, который водится неподалеку. К тому же враги расположились на берегу речки, как раз в том месте, куда приходят на водопой слоны и носороги и где плещутся бегемоты. Несчастные не могут найти даже птичьи гнезда. Обычно они доставали неоперившихся птенцов и зажаривали их живыми, потому что окрепшие птенцы улетают далеко и за ними невозможно охотиться, не имея ничего, кроме «ноббери» – суковатой палки, которую они бросают, правда, с большой ловкостью.

Слова «слон», «носорог», «бегемот» пробудили в наших трех французах охотничью страсть. Свалить такое огромное толстокожее, совершить такой ловкий и смелый поступок, осуществить эту мечту всякого цивилизованного Нимрода и вместе с тем сделать доброе дело – вот вам двойной соблазн, и они даже не подумали ему сопротивляться.

Переводчик вызвался служить им проводником. Они согласились с понятной радостью и отправились немедленно, оставив черным слугам гладкоствольные охотничьи ружья и захватив крупнокалиберные карабины.

После довольно трудного перехода, длившегося не меньше часа, они добрались до почти совершенно высохшей реки, куда обычно приходили на водопой крупные звери. Здесь кончается пустыня и лес подымается высокой зеленой стеной. Нечего и думать о том, чтобы пробраться в эти заросли верхом. Лошадей стреножили и оставили. Проводник советовал соблю-

дать абсолютную тишину. Скоро на водопой придут слоны. Они придут непременно. Видно сразу по свежим следам, что они сюда ходят. Охотники легли на землю, за деревьями, зарядили карабины и стали спокойно ждать.

Не успели они, однако, приготовиться, как издалека в листве послышался шум, похожий на грохот приближающегося поезда. Сходство усилилось еще и благодаря размеренному покашливанию, напоминавшему пыхтение паровоза. Нетрудно было разобрать, что шум идет со стороны чащи, из глубоких проломов, ведущих к реке.

Альбер де Вильрож лежал ближе других. Он приподнялся на локтях и увидел в пятидесяти метрах от себя огромного слона. Александр, расположившийся вправо от своего друга, вскоре заметил на полянке еще восемь слонов. Они шли через поляну гуськом. По их массивным формам, огромной величине, по могучим бивням Александр узнал самцов. Девятый слон, чуть поменьше, замыкал шествие. Это была беззубая самка. Таких буры зовут «сагі сор» – «голая голова».

Смелые охотники зачарованы. Они любят гигантами, шагающими с той уверенностью, право на которую им дает непомерная мощь. Слоны двигаются медленно и торжественно, сотрясая землю и ломая заросли мимозы и баугинии с непреодолимой силой снаряда. Выйдя к спуску, ведущему к воде, они имели совершенно фантастический вид.

Александр выжидал удобной минуты, чтобы выстрелить. Плотно прижавшись к земле, согнув локти под прямым углом и крепко держа карабин в руках, как в сошках, он прицелился в третьего слона, выбирая точку между ухом и глазом.

Альбер, столь же храбрый, но более горячий, вспомнил поучительные слова доктора Ливингстона: «Пусть тот, кто собирается стрелять слонов, станет посреди железнодорожной колеи, пусть он слушает свисток и убежит не раньше, чем поезд будет в двух-трех шагах от него. Тогда он будет знать, позволяет ли ему его нервная система идти на слона».

И в самом деле, нетрудно понять, как опасно тягаться с этим огромным животным, которое бежит, как лошадь в галопе, и не знает никаких препятствий. Этот гигант прорывается сквозь заросли, опрокидывает или ломает все, что ему попадается на пути, вырывает хоботом из земли или растаптывает ногой, след которой имеет до двух метров в окружности, все, что может служить защитой его врагу, и ко всей этой грозной мощи присоединяет ужасный рев.

Каталонец увидел, что все описания, которые он читал у знаменитых охотников, справедливы. Ни Леваяян, ни Андерссон, ни Вальберг, ни Болдуин, ни Дельгорг ничего не преувеличивают.

Позиция, которую занимал Альбер, была крайне неудобна для стрельбы. Он находился как раз против первого слона, но видел только его голову и массивные, колонноподобные ноги. Если бы он хоть мог видеть грудь! Нечего и думать о том, чтобы свалить слона, попав ему в череп, – это все равно что пытаться пробить стальную броню.

Стадо уже на берегу. Река едва ли имела метров двадцать в ширину. У вожака выражение добродушное и одновременно хитроватое. Он с любопытством оглядывает оба берега, затем, моргнув своими маленькими глазками, глубоко втягивает воздух. Хобот выпрямляется и вытягивается в сторону охотника, который видит огромную пасть с отвислой нижней губой и два монументальных бивня. Слоны как будто встревожены. Он медленно оборачивается к своим, как бы говоря им: «Осторожно!» Альберу мешал пень, и он не мог использовать это движение слона. Со своей стороны, Александр не мог понять причины такого промедления Альбера и нетерпеливо бормотал про себя: «Какого же черта он не стреляет?»

Секунды начинают казаться часами. Слоны несколько успокаиваются. Подгоняемые жаждой, они решительно входят в воду, разбрасывая вокруг себя сверкающие брызги, немедленно начинают зачерпывать воду хоботом, поливать себе бока и резвиться, как обычно.

Два оглушительных выстрела, а через полсекунды и третий прокатываются над лесом, как отдаленный гром, и немедленно вслед за ними – пронзительный крик ярости и боли. Это

вопит слон. Кто однажды слышал этот вопль, этот знаменитый рев слона, при подобных обстоятельствах, никогда его не забудет. Один из гигантов, точно сраженный молнией, застывает на какое-то мгновение и затем валится в ужасных судорогах.

Это выстрелил так мастерски Александр. Как человек осторожный, он сохранил неподвижность и сберег свой второй заряд. Обезумевшие слоны убегают, храпя от ярости и ужаса, и исчезают в зарослях баугиний. Однако убегают не все: два из них тяжело ранены.

Жозеф выстрелил одновременно со своим господином. Он стрелял в слона, который смотрел прямо на него. Не надеясь попасть в грудь, он выстрелил в переднюю ногу. Он не мог сделать ничего лучшего. Животное продолжало вопить и, хромая, пустилось вдогонку за стадом. Сейчас можно будет пойти по его кровавому следу.

Альберу не повезло, и положение его стало чрезвычайно серьезным, почти безнадежным. Полагаясь на пробойную силу конической пули восьмого калибра, которую вытолкнули из ствола пятнадцать граммов мелкого пороха, он стрелял в предплечье. Рана должна была быть смертельной. Но, на свою беду, Альбер не учел огромной живучести животного, которое невозможно свалить с первого выстрела. Слон заметил стрелка и ринулся туда, где еще не развеялось облачко дыма. Альбер попытался уложить его вторым выстрелом, но раненое животное передвигалось с быстротой, которую ярость только усиливала, и охотник промахнулся. Не успел он вскинуть ружье, как страшная масса уже раскачивалась у него над головой, грозя раздавить его. Ни бежать, ни хотя бы укрыться не было возможности. Он едва мог защищать свою жизнь.

Александр выскочил из своей засады. Он, разумеется, забыл всякую осторожность и поспешил на помощь своему другу. Альбер сидел на корточках и понимал, что это выгодно только для зверя: сейчас слон либо обхватит его хоботом, либо раздавит ногами. Он кинулся на спину, крепко уперся ружьем в землю и, громко крича, спустил курок. Пуля попала слону прямо в грудь. Оглушенный выстрелом, ослепленный вспышкой, напуганный криками охотника, слон на мгновение остановился, потом повернулся и удрал.

Оба друга вздохнули с облегчением. Они быстро перезарядили карабины на случай, если опасный враг вернется.

– Уф! – восклицает Альбер с нервной дрожью в голосе. – Наконец-то!

– Черт возьми! – отвечает Александр, сжимая его в объятиях. – У меня мурашки побежали по телу. Мне показалось – он тебя раздавил, бедный друг мой. Ты цел?

– Цел и невредим и ничего не понимаю. Если бы я, бросившись на спину, не отодвинулся чуть в сторону, все было бы кончено. Я уже чувствовал, как он дышит хоботом прямо на меня. Что за страшная сила у этих чудовищ! У него в теле сидят две пули по шестьдесят пять граммов каждая, а он ломает толстые деревья, как спички!

– Что мы сейчас предпримем? Тот, в которого я стрелял, не подает признаков жизни. Я думаю, он убит окончательно и бесповоротно. Давай пока этим и ограничимся. У наших голодающих есть чем насытиться – смотри, какая гора мяса!

– Да ни за что на свете! Я еще должен разделаться с этим мошенником. Он нагнал на меня такого страху – я не смогу удержаться от мести! И по-моему, рана у него все-таки смертельная. Было бы грешно не узнать, куда девались его бранные останки. Но ведь Жозеф тоже стрелял. И он уверен, что тоже нанес своему слону серьезную рану. А я его знаю – он свою добычу так не бросит. Однако куда он девался? Эй, Жозеф! Пупон! Где же ты?

Жозеф прибежал, задыхаясь от волнения. Волосы его были взъерошены, лицо и руки исцарапаны.

– Ах, месье Альвер! – кричал он. – Месье Альвер! Я собсем потерял голову! Я думал, что это жиботное раздабит бас б лепешку.

– Успокойся, дружок! Я цел и невредим, как видишь. Но ты-то что делал?

– Зберь стоял прямо протиб меня. Я выстрелил в переднюю ногу, как вы и говорили.

– Попал?

– Еще как! Он кричал, а потом увежал, как заяц.

– Ты, конечно, думаешь, что надобно устроить погоню?

– Упаси воже!

– Как! ты, такой заядлый охотник, и отказываешься от добычи?

– Я-то, конечно, пойду поискать его, но вы – нет!

– Это еще почему?

– Потому что я хочу привезти вас домой в Вильрож в целом виде. Наконец, что я скажу мадам Анне? Она мне строго наказала присматривать за вами.

– Тише! Ей мы ничего не скажем. Давай в погоню! Я уже успокоился, да и ты перестал путать «б» и «в».

– Я считаю, – вставил Александр, – что правильно было бы сесть на коней! Кто его знает, куда нас заведет погоня за ранеными слонами.

– Верно!

Спустя несколько минут три смелых товарища ехали по следам одного из слонов – того, который, отступая, поливал землю потоками крови. Они не прошли и пятиста метров, когда Альбер первым увидел в густой чаще огромное темное пятно. Слон, видимо, умирал. Глухое дыхание еле вырывалось из его пасти. Он уже не пытался идти дальше и только запуская хобот себе в самое горло, выкачивал воду из желудка и обмывал свои раны, из которых текли пенящиеся красные струи.

Александр шел впереди. Он припустил коня, однако подумал и о том, чтобы оставить себе на всякий случай возможность быстро отступить. Когда он был не больше чем в тридцати шагах, слон заметил его, поднял хобот и напал на него, издавая яростные вопли.

У Альбера и Жозефа лошади испугались, встали на дыбы и понесли в чашу. Конь Александра с испугу уперся всеми четырьмя ногами в землю. Он стоял как вкопанный, храпел и не желал или не мог повиноваться своему всаднику, хотя тот до крови вонзил ему шпоры в бока.

Окаменев от страха, конь продолжал неподвижно стоять, даже когда слон был близко. Всадник видел только голову слона и хотел выстрелить, чтобы остановить его. Если бы пуля попала в самую середину черепа и хотя бы даже не пробила черепную коробку, она бы оглушила животное и человек успел бы соскочить с седла и укрыться в чаще. Но в довершение всего конь стал мотать головой, и это мешало всаднику прицелиться.

Слон был в каких-нибудь десяти метрах.

Александр почувствовал близость своей гибели.

Глава 5

Белый носорог. – Он поднимает и коня, и всадника. – «Подожди немного». – Неплохая коллекция заноз. – Африканский слон. – Как устроены бивни. – Взрыв. – Чудовищное пиршество. – Как точно измерить рост африканского колосса. – Жареные ноги. – Жаркое из хобота. – Вес бивней и цены на слоновую кость. – Прекрасное место для цилиндрической пули восьмого калибра. – Сушеное мясо. – Тревога.

Невообразимый, неправдоподобный случай сразу переменял обстановку. С шумом, ломая на ходу толстые ветви, из зарослей на тропу вывалилась огромная, продолговатая, приземистая, передвигающаяся на коротких ногах беловатая масса и пошла прямо на слона.

Это был громадный белый носорог. По-видимому, его во время полуденного отдыха потревожил топот лошадей Альбера и Жозефа, и он с глухим ворчанием удирал.

Слон захрипел и остановился.

Гиганты столкнулись, и силу этого столкновения нетрудно себе представить. Носорог, увидев своего самого опасного врага, пришел в неопишемую ярость. Он крепко уперся всеми четырьмя ногами, нагнул свою безобразную голову, затем с непреодолимой силой подбросил ее вверх и вонзил свой рог умирающему слону прямо в брюхо. Раздался глухой удар, затем треск раздираемых кожных покровов, и на землю из брюшной полости вывалились внутренности. Слон качнулся справа налево, затем тяжело рухнул, даже в последнюю свою минуту стараясь подмять под себя своего врага. Но тот отскочил в сторону с проворством, которого никто не мог бы и подозревать у такой бесформенной массы, и оказался на расстоянии едва одного метра от коня Александра.

А это глупое животное, еще более напуганное, чем раньше, стояло на месте и продолжало мотать головой. Носорог, весь в крови, с омерзительно налипшими к его рогу внутренностями слона, заметил коня, ринулся на него.

Драма разыгрывалась всего несколько секунд. Носорог повторил удар, который только что так успешно нанес слону. Ах! Черт подери, это было нетрудно. Что значат для животного, наделенного такой силищей, всадник и конь! И тот и другой были подброшены в одно мгновение.

Конь перевернулся в воздухе и свалился с распоротым брюхом. Он еще пытался бить ногами, по совершенно бесполезно.

Что же касается всадника, то он не упал, и в этом было его счастье. Александр Шони сохранил полнейшее хладнокровие. Почувствовав толчок, он бросил карабин, привстал на стременах, ухватился обеими руками за ветвь и, будучи прекрасным гимнастом, поднялся на мускулах. Через секунду он уже спокойно сидел на дереве и не без любопытства смотрел, как внизу бушует разъяренный носорог. А тот, хрипло рыча, вертелся вокруг самого себя, перебежал от туши коня к туше слона, наносил им иступленные удары, катался в луже крови и кусках плоти только что убитых животных и ожесточенно нападал на их трупы с бессмысленной животной жестокостью. Затем, по-видимому считая свое дело законченным или же просто устав от такой бешеной гимнастики убийцы, он спокойно ушел в чащу.

Тогда охотник, чудесному спасению которого помогли счастливая звезда и самообладание – два важных козыря в игре удачливого человека, – выждал несколько минут, пока его невольный спаситель уйдет достаточно далеко. Затем он с бесчисленными предосторожностями покинул свое убежище, которое вполне можно было назвать воздушным или возвышенным, подобрал карабин, осмотрел его, убедился в его исправности и щелкнул языком в знак удовлетворения.

– Горячее было дельце, черт возьми! – пробормотал он. – Я остался без коня. Но тут можно сказать, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Это глупое животное могло сыграть со мной еще не такую шутку. Но у меня есть карабин, есть припасы, я могу обороняться.

Он углубился в лес, и внезапно ему почудилось, будто ломают ветви и слышен конский галоп.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Неужели мне предстоит еще раз схватиться с каким-нибудь толстокожим? Ну уж на сей раз подожди ты у меня!..

А шум приближался. Александр даже услышал человеческие голоса. Дрожь пробежала у него по всему телу при мысли, что это Альбер и Жозеф натолкнулись на третьего слона.

Тревога его была непродолжительной, потому что очень скоро перед ним раскрылась картина, которая при всяких других обстоятельствах могла бы рассмешить кого угодно. На полянке, которая образовалась в зарослях после того, как слон и носорог вытоптали растительность, показались верхом на лошадях Жозеф и Альбер. Но в каком виде, великий боже! Жозеф был без шляпы, платье в клочьях, лицо и руки в крови. Он с трудом сдерживал лошадь, белую масть которой трудно было узнать из-за тысяч усеявших ее красных точек.

Надо было видеть ярость этого пылкого каталонца и слышать, какими ругательствами он честил своего обезумевшего от испуга коня. Жозеф выпустил из рук поводья, а уздечка порвалась, и бог его знает, сколько могла бы продолжаться эта безумная скачка, не подвернись здесь Александр и не схвати он коня за хвост.

А рука у нашего приятеля была крепкая, и лошадь это почувствовала: она сразу остановилась как вкопанная, так что всадник вылетел из седла кубарем и выразил свои чувства, обозвав коня мерзавцем.

Альбер выглядел не намного лучше. Вся разница была в том, что он еще кое-как мог править своим конем. Он спешил, пока Жозеф приходил в себя, и буквально остолбенел, увидев, что здесь натворил носорог.

– Да откуда это вы? – спросил Александр, которого необычный вид его спутников и рассмешил и встревожил.

– Черт бы их побрал, этих дурацких коней! – ответил де Вильрош. – Они затащили нас в заросли колючек.

– О, это мне знакомо! Попадешь в такое милое место, и тебе покажется, что там растут одни штыки. Да ты похож на подушечку для булавок! Ты весь утыкан колючками. К тому же они причиняют сильную боль, эти *Wagt een beetje*.

– Как-как?

– *Wagt een beetje*. По-голландски это значит «подожди немного». А по-английски – *wait a bit*.

– Какой ты образованный!

– Вот видишь? Но позволь, я тебе помогу удалить все эти проклятые колючки, которые впиваются в твоё тело. Подожди немного.

– «Подожди немного»?.. Вот уж действительно точнее и сказать нельзя!

Александр извлек из кармана небольшой дорожный набор инструментов, достал ланцет и принялся за дело.

Тем временем Жозеф глазами знатока рассматривал раны слона и лошади, нанесенные носорогом, – у одного на животе, у другой на груди, – и в нем при чудовищном виде этих внутренностей тотчас проснулся страстный любитель боя быков.

– Ничего не скажешь – это хорошая работа, это слабая работенка! Лювой пикадор мог бы гордиться, если бы ему удалось так распороть врюхо выку. Все зрители на plaza кричали вы врабо. Такой корриды я даже в Барселоне не бидал.

Александр ловко извлекал у своего друга занозы, а тот ругался по-каталонски и по-французски и вертелся как черт перед заутреней.

– Тише, тише! – говорил доморощенный хирург. – Ты, пожалуй, и не знаешь, что у тебя в теле торчат образцы всех африканских колючек. Вот смотри: эти две загнутые острые пластинки, похожие на рыболовный крючок с острой иглой посередине, – это «подожди немного»³.

³ Ливингстон утверждает, что в Южной Африке есть много колючих растений и деревьев, снабженных колючками разной величины и формы: прямых, длинных и тонких, коротких и толстых, имеющих вид обыкновенного крючка, или крючка рыболовного, или наконечника копья, или шила; они бывают так крепки и остры, что разрезают кожу, как бритва; стручки, орехи, шелуха – словом, все коробочки, которые содержат семена этих растений, окружены колючками; одни плоские, как монета, и на них торчат две колючки, как раз посередине, чтобы впиться в ногу первого же животного, которое на него наступит и

– Да уж, подождешь! Смею тебя уверить, что поневоле остановишься, когда напорешься на эту дрянь!

– А вот этот маленький клык тоже здорово вас держит. Если вы сделаете резкое движение, чтобы от него избавиться, он воткнет в вас еще парочку колючек, по пять сантиметров каждая. Это *Naak en steek*.

– Легче! Палач!

– Я говорю *Naak en steek*. А вот *Motjiharra*, мать дамарасов, с крепкими крестообразными иглами; а вот мимоза обыкновенная, с белыми шипами, а вот *Wagt een beetje*, или *Asacia detinens*, то есть хватающая акация...

– Да будет тебе! Довольно ковырять мою шкуру, ты изучаешь ботанику на ней, мне от этого еще больше! Хватит!

– Пожалуй, хватит. Я займусь Жозефом, а ты пока отдохнешь.

– Гром и черти! Мне было так больно после этой скачки по проклятым зарослям, что я даже не спросил тебя, как ты-то сам выпутался из беды.

– Да очень просто. Благодаря одному милому носорогу, безвозмездно предложившему свои услуги.

– Ты все шутишь!..

– Я не менее серьезен, чем любой директор хирургической клиники. Давайте, Жозеф, займемся вами.

Каталонец оказался терпелив ко многим испытаниям, но зато Альбер дал полную волю своему дурному настроению.

– Да это просто напасть какая-то! Просто напасть! С тех пор как мы встретили этого чертова проповедника или так называемого проповедника, у нас все валится из рук. Или у него дурной глаз, или пусть меня возьмут черти!

– Ладно уж, успокойся. Я думаю, ты и не такое видал – ведь ты весь свет изъездил. Меня удивляет, что настолько закоренелый путешественник, как ты, обращает внимание на такую ерунду! Куда девался твой недавний пыл? И где твои шуточки насчет важных господ, прогуливающих по парижским тротуарам? Смотри, ведь все у нас устраивается самым лучшим образом! Охота была удачная, за проезд мы заплатили и обеспечили этих несчастных крупной дичью... Дай мне только вытащить колючки у Жозефа, и мы вернемся на реку. Ты сможешь поплескаться, покуда мы займемся моим слоном. А потом я тебя натру жиром этого симпатичного толстокожего. Говорят, нет лучшего средства для заживления ран. А затем мы пообедаем тушеной слоновьей ногой... Если верить путешественникам, это очень вкусная штука.

– Как ни посмотри, ты прав, – ответил Альбер, успокоившись от таких сердечных слов. – Но моя кровь вскипает сильнее, чем раскаленная лава, и я прихожу в бешенство, когда думаю, что мы здесь застрянем, в этом проклятом месте.

– Застрянем? Как это мы застрянем? Почему?

– А ты разве не остался без коня?

– Тем лучше! Я пойду пешком и буду охотиться на своих двоих. Этак я, по крайней мере, не рискую свернуть себе шею. Наконец, я добуду себе лошадь на ближайшем пункте, который попадется нам по дороге.

Восторженные возгласы, скорей похожие на вой, прервали их разговор. Это чернокожие, привлеченные выстрелами и надеждой на обильную еду, двинулись по следам охотников и, увидев на берегу реки животное, убитое Александром, кричали от радости.

перенесет его на большое расстояние; другие, из вида *Uncaria procumbens*, которые называют чертовым когтем, вооружены множеством страшнейших шипов, с помощью которых они цепляются ко всем, кто проходит мимо; когда такое растение впицается в быка, бедное животное чувствует себя беспомощным и начинает мычать от боли. (Прим. автора.)

А наш новоиспеченный хирург уже сложил инструменты, подобрал карабин и ушел в том направлении, откуда доносились крики. Его товарищи следовали за ним, ведя в поводу изнуренных лошадей.

Бечуаны были измучены голодом, и голод торопил их. Однако они ожидали, пока придут законные владельцы туши. На радостях, а может быть, и для того, чтобы как-нибудь скрасить томительное ожидание, они затеяли пляску, в равной мере живописную и бешеную. Тот, который служил нашим европейцам проводником, стоял рядом с тушей и потрясал копьем, которое готов был вонзить ей в бок. Европейцы не могли сдержать возгласов удивления, увидев эту чудовищную тушу. Гигантской величины слон возвышался над водой, как глыба серого гранита. Прирученный слон, встречающийся в Индии, или такой, какого показывают в зверинцах, не выдержал бы ни малейшего сравнения с этим могучим первобытным африканцем, павшим на родной земле. Сраженный колосс внушал восхищение, почти ужас, против которого не устоял бы никакой храбрец. Огромные передние ноги слона достигали берега. Голова лежала на земле, поддерживаемая слегка изогнутыми снизу вверх желтоватыми бивнями. Между двумя бивнями вытянулся в траве хобот, застывший в мертвой неподвижности, продолжая линию, образуемую телом и широким лбом. Характерным признаком слона африканской породы является плоский лоб с легкой выпуклостью, в то время как у слона азиатского имеется посередине лба вмятина. Чрезвычайно сильно развитые уши прикрывают верхней своей частью почти половину шеи, а нижний край достигает груди. На боках кожа серая, крепкая, испещренная глубокими скрещивающимися бороздами, точно на животное накинута грубая сеть. Бока покрыты жесткой, короткой и редкой шерстью. Вся остальная часть туши никакой шерсти не имеет.

Вышина его, должно быть, не меньше четырех метров. Человека, который стоит позади головы, не видно. Правый бивень имел почти три метра в длину. Левый – короче сантиметров на тридцать, окончание его кажется обломанным или стертым. Эта особенность удивила наших европейцев. Однако они не нашли бы в ней ничего удивительного, если бы жили в стране слонов подольше и лучше знали их обычаи. У слона – как у самца, так и у самки – левый бивень всегда короче и легче правого и больше блестит. Это объясняется тем, что, принимая пищу, слон хватается хоботом охапки покрытых листьями ветвей и заносит их в рот слева направо. Таким образом, ветви трутся о левый бивень и с течением времени стирают его. Кроме того, слон имеет привычку ощупывать почву именно левым бивнем. Короче говоря, слон – левша.

Вождь чернокожих все еще продолжал стоять в позе гладиатора, с копьем в руке.

– Да что это ты тут делаешь? – спросил его по-английски Александр, заинтересованный его поведением. – Слон убит, совсем-совсем убит. Его добивать не надо!

– Уйдите, белые вожди! Уйдите! – ответил бечуан.

– Почему?

Чернокожий что-то пробормотал, чего Александр не понял, отошел на шаг и, с силой раскачав свое копье, метнул его слону в брюхо. Затем он с изумительным проворством отскочил назад.

Раздался страшный треск. Кожа на слоне лопнула, образовался разрыв длиной в метр, и через него с шумом кузнечных мехов вырвались газы.

Альбер и Александр были потрясены. К счастью, они стояли чуть в стороне. Но бедняга Жозеф, который следил за каждым движением бечуана, был непреодолимой силой отброшен на самую середину реки.

– Карай! – выругался он и в ярости поднялся. – Бот гадина! Не иначе как у него б жиботе выля торпеда!..

– Ну вот, – хохоча сказал Альбер. – Теперь я понимаю, что проводник давал нам правильный совет. Вот уже часа три, как слон убит. А солнце шпарит. Естественно, что у слона образовались газы во внутренностях и кожа натянулась, как барабан. Говорят, если проколоть

слоновую тушу, которая пролежала на солнцепеке целый день, то взрыв получится такой, точно выпалили из пушки. Я об этом слышал и теперь вполне этому верю... Ну что ж, ешьте! – прибавил он, обращаясь к бечуанам.

Но как бы ни были эти бедняги измучены голодом, они отнюдь не набросились на тушу, вопреки ожиданиям молодого человека. Их вождь отрезал у слона хобот, ловко отделил передние ноги и со всей скромностью и вежливостью поднес эти наиболее лакомые части европейцам.

Затем он сделал знак.

Видели ли вы когда-нибудь, с какой яростью свора сент-юберских собак или пуатвинских полукровок, удерживаемая хлыстом псаря, бросается на припасенную для нее часть оленьей туши, едва лишь доезжащий приподнимет покрывавшую мясо оленью шкуру? Даже если видели, то едва ли сможете представить себе, как на гору слоновьего мяса набросились аборигены Южной Африки. Это была неопишная мешанина из рук, ног, туловищ, содрогавшихся в неистовых конвульсиях. Вооруженные копьями, ножами, топорами, кирками, чернокожие, крича, урча, ревя, взгромоздились на свой чудовищный трофей. Они расталкивали друг друга, дрались на шероховатой шкуре слона, которую им с трудом удавалось вспороть, раздирали мясо руками, рвали сухожилия, ломали кости, купались в крови, валялись в жире, ныряли во внутренности. Голод терзал их все сильнее, они пожирали огромные куски сырого мяса целиком, не разжевывая, резкими глотательными движениями, словно животные на птичьем дворе, которые спешно стараются насытиться. Женщины, мужчины, дети полными пригоршнями поедали жир, куски кишок и все, что легко было проглотить.

Вскоре обнажился слоновий скелет. Среди чернокожих были и такие, кто целиком забрался внутрь слоновьего трупа и вылез оттуда покрытый кровью с ног до головы.

Это чудовищное насыщение длилось час. Затем, когда было уже немало съедено, когда вместо печально запавших голодных животов появились объемистые выпуклости и когда больше никто не жевал, несколько до отвала наевшихся сотрапезников замогильными головами затянули странную заунывную песню.

Проводник не знал, как бы еще доказать свою благодарность трем европейцам, и, вместо того чтобы соснуть на песке и предаться перевариванию только что съеденной обильной пищи, стал рыть довольно широкую и глубокую яму. Когда она была готова, проводник опустил в нее слоновьи ноги, засыпал их золой, углем и хворостом, видимо собираясь оставить их так на всю ночь, как того требуют классические правила местной кухни. Но тут его остановил Александр.

– Мне было бы любопытно узнать, – обратился Шони к своему другу де Вильрожу, – какого роста был мой слон.

– По-моему, это трудно установить.

– Не очень.

– Черт! Во-первых, у тебя нет никаких точных измерительных приборов. Во-вторых, туша лежит на боку. Не вижу, что ты тут сможешь предпринять.

– А у меня на карабине, на прицеле, нанесены сантиметры и миллиметры, так что мне нетрудно отметить дециметр на куске кожи. А затем я перенесу этот дециметр на ремень и сделаю на нем десять делений. Вот тебе и метр.

– Ладно. Единицу измерения ты придумал неплохо. Но это еще не разрешает всех трудностей.

– Не торопись. Я измеряю длину окружности одной ноги слона. Получается метр и девятью сантиметрами. Помножить на два. Получается три метра восемьдесят. Это и есть рост слона.

– Да быть не может!

– Совершенно точно. Этот способ проверил знаменитый исследователь доктор Ливингстон и считает его безошибочным. Но, конечно, он применим только ко взрослым слонам.

– Bravo, дорогой Александр! Ты молодец!

Затем Альбер обратился к вождю бечуанов, который был немало заинтересован его измерениями:

– А теперь, приятель, приготовь нам свое жаркое. Ибо если твои соплеменники уже наелись, то у нас животы все еще подводит.

Бечуан не столько понял слова, сколько догадался, о чем говорит белый, и показал, что несколько ломтей хобота жарятся у него на медленном огне.

– Вот и отлично! И спасибо за внимание. Если вкус соответствует запаху, то блюдо должно получиться восхитительное. Александр, Жозеф! За стол!..

– А хобот и в самом деле восхитительное блюдо! – заметил неугомонный болтун через несколько минут с набитым ртом. – Сейчас, когда наши тревоги миновали и это мясо вливает в меня свежие силы, мне становится неловко оттого, что я поддался дурному настроению.

– Еще бы! О чем тужить? Тебе даже не пришлось искупаться, и все твои ранки засыхают сами собой. Через два дня все пройдет! Но лицо у тебя такое, точно ты дрался с двадцатью злыми кошками.

– Ты прав, не стоит тужить! Тем более что для начала наши дела идут неплохо.

– Теперь у нас, как и у наших спутников, имеется изрядный запас продовольствия.

– Я говорю о другом. Помимо удовольствия от охоты, о котором не стоит забывать, ты не берешь в расчет слоновую кость.

– Верно! Я и не подумал!

– Тогда слушай меня, бескорыстный ты человек! Тебе известно, сколько примерно весят бивни твоего слона?

– Думаю, килограммов сто оба.

– Самое меньшее. А почему слоновая кость, ты знаешь?

– Пятнадцать франков кило, если мне не изменяет память.

– Совершенно верно. Сто раз пятнадцать – это полторы тысячи, если только верно, что арифметика – наука точная. Стало быть, одна остроконечная цилиндрическая пуля, помещенная между ухом и глазом этого честного толстокожего, принесла тебе полторы тысячи франков.

– Здорово! Главное, какой удивительно точный арифметический подсчет. Однако позволь мне заметить, хоть я и рискую добавить ложку дегтя в бочку твоих медовых иллюзий...

– Я слушаю...

– Ты забываешь перевозку.

– Я как раз об этом и хотел сказать. Челюсть второго слона, которого так аккуратно распорол носорог, представляет неменьшее количество товара и, стало быть, неменьшую денежную ценность. А что касается того слона, которого подбил Жозеф, то его мы еще, пожалуй, тоже найдем и о нем поговорим отдельно. Во всяком случае, сегодняшнее утро принесло нам не меньше трех тысяч франков чистого дохода.

– Но опять-таки перевозка этого громоздкого товара...

– Это касается наших лошадей. Мы на них аккуратно навьючим четыре бивня. На ближайшей станции мы оставим бивни на хранение и потребуем их, когда будем возвращаться. А уж тогда одно из двух: либо мы найдем клад, который ищем, и тогда мы эти бивни подарим начальнику станции; или же мы будем возвращаться с пустыми руками. В этом последнем случае мы где-нибудь приобретем фургон и быков и увезем свой товар, не считая всего прочего, что нам удастся собрать.

– Что ж, неплохо. А припасы на обратный путь?

– Наши славные бечуаны показывают нам, как это делается. Они уже отдохнули, и смотри, как они заботливо разрезают остатки мяса на тонкие ломтики. Ты догадываешься зачем? Они развешат это мясо на деревьях на самом солнцепеке и будут держать до полной просушки. Это то, что в здешних местах называется «билтонг», а в Мексике – «тасахо». Они сделают

то же самое со вторым слоном и таким образом надолго обеспечат себя пищей. А теперь мы здесь устроимся самым удобным образом. Уж положись на меня. Скоро ночь, а мы здорово устали. Наши бечуаны разведут костры, чтобы отогнать диких зверей, которых, несомненно, привлекут запахи бойни. Мы расположимся неподалеку от ямки, в которой к нашему обеду тушатся слоновьи ноги – которые в пору назвать не ногами, а подножиями башен. Это будет нам на завтра. А пока – спать! Пусть благотворный сон принесет нам отдых после трудного дня.

Однако этому столь естественному пожеланию не суждено было сбыться. Не прошло и трех часов с той минуты, как глубокая тишина объяла лагерь, как в перелеске, в нескольких шагах от спящих, раздался страшный шум. Европейцы и туземцы вскочили, схватились за оружие и заняли оборонительные позиции. Стреноженные лошади стали беспокоиться и пытались порвать свои путы.

Шум все усиливался, и трое друзей выбивались из сил, чтобы хоть как-нибудь прекратить переполох, в котором слышались крики животных и обезумевших людей.

Глава 6

Четыре разбойника. – Подвиги Альбера де Вильрожа запечатлены неизгладимыми письменами на лицах «Похитителей бриллиантов». – В заброшенном шалаше. – Полуциппотамы-полубизоны. – Его преподобие. – Закат разбойничьего промысла. – Любовь и ненависть африканского бандита. – Воры, пьяницы и картежники. – Еще о сокровищах кафрских королей. – План Клааса. – Письмо и газетная заметка. – Сплетение интриг. – Человек, которому нужен труп!

– Пусть меня возьмут черти и пусть они свернут шеи вам троим, если я хотя бы теперь не избавлюсь от этого проклятого француза!

– Брат мой Клаас, мне кажется, вы опять тешите себя несбыточной мечтой.

– Чума на вашу голову, Корнелис! Вы мне всегда и во всем противоречите! У вас какая-то мания...

– Ладно! Только что вы пожелали видеть когти Вельзевула на моей шее, теперь вы призываете на мою голову чуму. Брат мой Клаас, вы заговариваетесь.

– У брата Клааса потемнело в глазах.

– Вы хотите сказать, Питер, «покраснело»: он видел кровь.

– Оставьте меня в покое, Корнелис! И вы тоже, Питер! Что я вам, бабенка какая-нибудь? Подумаешь, видел кровь!.. Да для меня что человека резать, что цыпленка – одно и то же.

– Я понимаю, резать кафра или готтентота... Но человека нашей расы – это все-таки, знаете, другое дело.

– Это был всего лишь еврей. Я так же спокойно всадил нож ему в горло, как зарезал его собаку. Больше того: у собаки все-таки были клыки, она могла защищаться. А тот еврей сопротивлялся как барашек.

– Тогда я не понимаю, почему вы волнуетесь. Я вас никогда не видел в таком состоянии. Вы меня удивляете и даже тревожите.

– Меня взволновала встреча с французом, пропади он пропадом!

– Надо было в таком случае обойтись с ним так, как вы обошлись с тем нехристом.

– Да ведь вы знаете, что он какой-то демон. Он так же силен, как любой из нас, и при этом куда ловчей и изворотливей.

– Ну уж это положим! Я вас не понимаю! Этот сумасброд вызвал вас на дуэль, а вы были достаточно глупы, чтобы пойти стреляться с ним и промахнуться. Вдобавок вы едва не ухлопали отца той молодой особы, руки которой добивались! А теперь вы сплетаете вашему сопернику венок из мирта и лавра и считаете, что он стоит выше таких храбрецов, как мы?

Клаас, брат мой, я только что сказал, что вы видели кровь. А сейчас я утверждаю: да вы просто слепец!

– Ладно! Будет вам! Раскаркались, как вороны! Его-то тут нет. Он, однако, не очень-то испугался всех нас, вместе взятых, и у вас еще остались достаточно убедительные доказательства на лицах. Взять хотя бы тебя, Корнелис. Ты, конечно, задавака, а все-таки если бы он всадил тебе револьверную пулю не в глаз, выбив половину орбиты, а в самый центр лица.

– Выстрел был меткий, не спорю. Но что из того? Я с ним еще расплачусь при первом же удобном случае.

– А вы, Питер? Почему бы вам не пойти попросить его, чтобы он еще раз сломал свою саблю о ваш череп?

– Дурак! Я потому и сержусь на вас, что у вас была полная возможность свести с ним счеты, а вы...

– Вы, по-видимому, забыли, – возразил тот, кого называли Клаасом, не обратив внимания на то, что ему не дали договорить, – как великолепно он вел отступление, а ведь мы держали его на прицеле. Три недели подряд он разгадывал все наши хитрости, обходил все наши ловушки и сумел не попасться нам на глаза. Он как будто знает местность лучше нас. И когда он наконец соизволил попасться, дело кончилось тем, что двое из нас остались лежать там, на поле битвы. А с ним еще была женщина, которую ему надо было оберегать. Я вас уверяю, это не человек, а демон!

– А нельзя ли узнать, как вам удалось избавиться от него?

– Конечно! Я затем и пригласил вас в эту конуру, чтобы рассказать вам все, что я сделал, и каковы мои дальнейшие планы.

– Говорите, мы вас слушаем.

– Хорошо. Только вы, ваше преподобие, сходите осмотрите местность, нет ли какой-нибудь опасности. Благо у вас глаз как у сервала и слух как у спрингбока. А я тем временем прополощу себе глотку и соберусь с мыслями.

Четвертый субъект, до сих пор хранивший молчание, встал и удалился неслышными шагами хищника, выходящего на охоту.

Еще стояла глухая ночь. До рассвета было не меньше двух часов. Помещение, в котором происходило описываемое нами тайное совещание, вполне заслуживало нелестного названия конуры, данного ему Клаасом. Несколько плохо сколоченных досок, щели между которыми были кое-как заткнуты смесью глины с просяной соломой, и полусгнившие листья вместо крыши – вот и все. Мебель соответствующая. Постелью служила груда листьев, набросанных в углу; вместо стульев – бычьи черепа с рогами, заменявшими подлокотники; вместо стола – не очищенный от коры пень, на котором слезилась сальная свечка. Три огромных длинноствольных ружья с тяжелыми прикладами прислонены к стене. Нетрудно узнать в них те почтенные голландские ружья, которые не изменили своего вида за полтора столетия. В Трансваале и в Оранжевой республике колонисты передают их из рода в род и пользуются ими еще и поныне, несмотря на все достижения современного оружейного дела.

Единственное изменение, которое привнесли эти отчаянные рутинеры, заключается в курковой системе. Да и на это потребовался упорный труд двух поколений. Конечно, этот старый железный лом не может выдержать никакого сравнения с современным карабином, однако в руках таких прекрасных стрелков, как буры, он все еще представляет весьма грозную опасность. На столе стояли большие, наполненные кап-бренди бычьи рога с ремнями из кожи гиппопотама, на полу валялись сумки, в каждой из которых можно было бы поместить трехмесячного теленка, как зайца в ягдташе босеронского охотника.

Эти громадные ружья, безразмерные сумки и рога, вмещающие достаточно водки, чтобы напоить целый взвод, вполне соответствовали росту и телосложению хозяев. В хижине находились три гиганта в возрасте от тридцати до тридцати пяти лет. Помесь бизона с гиппопотамом.

Шесть футов роста. Длинные, круглые, толстые, тяжелые, неотесанные туловища, к которым прикреплены до безобразия могучие конечности, делали их похожими на людей другой породы и другого века. Лица, обожженные горячим африканским солнцем, не имели той бледности, которая свойственна креолам Гвианы и Больших Малайских островов. Это – широкие простоватые лица с правильными чертами, и все же есть в них грубость и жестокость, свойственные крупным толстокожим.

Все трое носят одинаковые куртки и штаны из желтоватой кожи. Это платье исцарапано колючками и покрыто пятнами жира и крови – крови людей и животных. Все три гиганта поразительно похожи друг на друга. Однако благодаря некоторым неизгладимым особым приметам, которые имеют двое из них, спутать их невозможно. Эти особые приметы – последствия страшной борьбы, на которую намекал субъект, называемый Клаасом.

Корнелис – кривой. Вместо левого глаза у него страшный, лилового цвета шрам, по-видимому полученный от выстрела в упор из мушкета.

У Питера на голове, от бровей до темени, тоже великолепный рубец, проложенный, как пробор, посередине головы и делящий шевелюру на две абсолютно симметричные части. Вид этого рубца наводит на мысль о добром клинке и твердой руке, но также и о черепной коробке, не боящейся испытаний.

Несколько слов, оброненных Клаасом в минуту дурного настроения, заставляют предположить, что к этим двум шедеврам пластической хирургии причастен Альбер де Вильрож. Все трое сидят молча: они ждут возвращения своего разведчика. Внезапно и одновременно, с точностью в движениях, которая восхитила бы прусского капрала, они хватают рога, откупаживают их, высоко поднимают и льют себе прямо в глотку, глухо урча, как урчат звери, утоляющие жажду.

Их товарищ появился в эту минуту как из-под земли. Его появление казалось чудом. Несмотря на обостренность чувств этих детей природы, ни один из белых дикарей не слышал его приближения.

– Эге, ваше преподобие! – громко смеясь, воскликнул кривой Корнелис. – Откуда вы, дьявол вас побери, взялись? Правда, у меня всего один глаз, но он видит хорошо, а уж слух у меня лучше, чем у любого кафра...

Гримаса, которая могла бы сойти за улыбку, прорезала на секунду лицо вошедшего, затем оно снова превратилось в непроницаемую и мрачную маску. Этот человек представлял поразительный контраст со своими тремя товарищами. Если в них можно было с первого же взгляда узнать буров – а точнее, Boors (мужланов), как англичане называют буров, живущих вне общества, – то у этого все черты выдавали уроженца метрополии.

Он был так худ и тощ, что в холодную погоду у него, должно быть, мерзли кости. Костлявый и гибкий, он походил на глисту и вряд ли весил больше ста фунтов. Помятый сюртук и штаны орехового цвета лишь подчеркивали его страшную и смешную худобу.

Но если такое облачение могло вызвать насмешку в здешних местах, тем паче что его дополнял высокий цилиндр, то уж зато всякая охота шутить пропадала при виде его стальных серых глаз, мрачно смотрящих из двух дырочек, его безбородого лица, изрезанного морщинами, его застывшего оскала. Закрытый рот, как будто лишенный губ, изобличал холодную и неумолимую жестокость, а большие волосатые уши придавали этой унылой физиономии выражение одновременно и зловещее и комичное.

Ничего не ответив Корнелису, он шелкнул пальцами. Звук был похож на треск кастаньет.

– Ничего, – сказал он тихо, как бы приглушенным голосом, – можно говорить. На прииске Нельсонс-Фонтейн все спокойно. У нас еще два часа впереди до рассвета. Больше, чем нам нужно.

– Нас никто не слышит?

– Ну вот еще! – беспечно ответил тот. – Какой же это черт продерется сюда через три ряда колючих кустов алоэ и молочая, которые охраняют нашу хижину? Кто найдет проход, усеянный колючками, по которому вы сами с трудом пробрались? И наконец, кому придет в голову, что бедный священник водит делишки с тремя самыми опасными бандитами? Не будем тратить время попусту. Говорите, Клаас. Продолжайте, друг. Опишите нам всю вашу экспедицию, не пропустите ничего. Я хочу все знать. Наша безопасность и охрана нашего будущего богатства требуют полного доверия.

– Золотые слова, ваше преподобие! Перехожу к делу. Не стоит, я думаю, повторять вам, что мы не имеем средств. Вы знаете не хуже меня, что дела идут из рук вон плохо и что нашему маленькому предприятию грозит безработица, и на довольно неопределенный срок. Не то чтобы алмазов стали добывать меньше – напротив. Но, несмотря на то что прииск недавно

открыт, искатели стали осторожны. Маклеры вооружены до зубов и в одиночку не ходят, а полицейские удвоили бдительность. Все боятся, товар вывозится под необычайно бдительной охраной. О том, чтобы захватить эти волшебные камешки силой, и думать нечего. Точно так же нечего думать и о том, чтобы как-нибудь хитростью пробраться на склад: тебя схватят тотчас же и предадут суду Линча без промедления.

– Клаас, брат мой, вы говорите, как с амвона!

– Тише! – резко оборвал оратор. – Не сбивайте меня, иначе я потеряю нить. Дело в том, что мы сами виноваты. Мы забыли меру. Не так ли, ваше преподобие? Если бы не вы, мы бы уже давно болтались на хорошо намыленных пеньковых веревках. Но вы, старый мошенник, вы – наше провидение в черном одеянии. Только благодаря вам знали мы день за днем, час за часом, что делается на прииске. Это вы указывали нам, какие дела можно повернуть и когда именно. Вам помогало ваше звание священнослужителя, которое вы себе так смело присвоили. К тому же вы выполняли ваши духовные функции с такой ловкостью, что ни один черт не узнал бы в этом слуге Божьем одного из самых отъявленных мерзавцев в поселке.

– Потом! – перебил его преподобие, внутренне польщенный этим признанием его заслуг.

– Просто я хотел отдать дань почтения тому, кто руководил нами до сих пор и чьи удачно выполненные замыслы принесли нам благосостояние...

– Увы, оно непрочно, это благосостояние! Не будь вы самые горькие пьяницы и самые отчаянные картежники во всей колонии, вы бы теперь были богаты, как лорды...

– А вы? Если бы вы не соединяли в вашей священной особе все пороки, какие вы приписываете нам, и еще много других, вы бы теперь были не бедней самого губернатора.

– Что ж делать, – возразил его преподобие, – человек – создание несовершенное. Потому что мы и остались без гроша и без видов на будущее.

– А у меня есть план! Вы уже знаете, что я прибыл из Кейптауна, где договорился относительно результатов нашей последней операции. Гроши. Но случай привел меня в гостиницу, где остановился мистер Смитсон с дочерью и зятем. Не могу описать, какое впечатление произвела на меня эта женщина! Она является мне во сне. Сильное впечатление произвел на меня и еще один человек – этот француз де Вильрож. Я ненавижу его больше, чем кого бы то ни было на свете. Ах, с каким удовольствием пошарил бы я кинжалом у него в груди!

– Клаас, брат мой, вы мельчаете.

– Скоро вы увидите, мельчаю ли я и настолько ли меня ослепили две страсти – любовь и ненависть, – чтобы я забыл интересы «Похитителей бриллиантов». Ни мистер Смитсон, ни его родные даже не подозревали, что я нахожусь рядом с ними. А я сумел следить за каждым их шагом, я жил их жизнью, я проник в их тайны. Я, грубиян, белый дикарь, который как будто только на то и годится, чтобы выследить гиппопотама, – я чувствовал себя в большом городе так же привольно, как в здешних пустынях.

– Наконец-то! Узнаём нашего брата Клааса.

– Так вот, они тоже остались без средств. И ни на что они сейчас не рассчитывают, кроме одной сумасшедшей, абсурдной идеи, в которую никто на свете не поверит, а я, возможно, единственный верю.

– Говорите, Клаас! – перебили заинтересованные слушатели.

– Вы слышали легенду о неисчислимых сокровищах кафрских королей, об этой невероятной груде алмазов, припрятанных где-то на Замбези, недалеко от порогов?

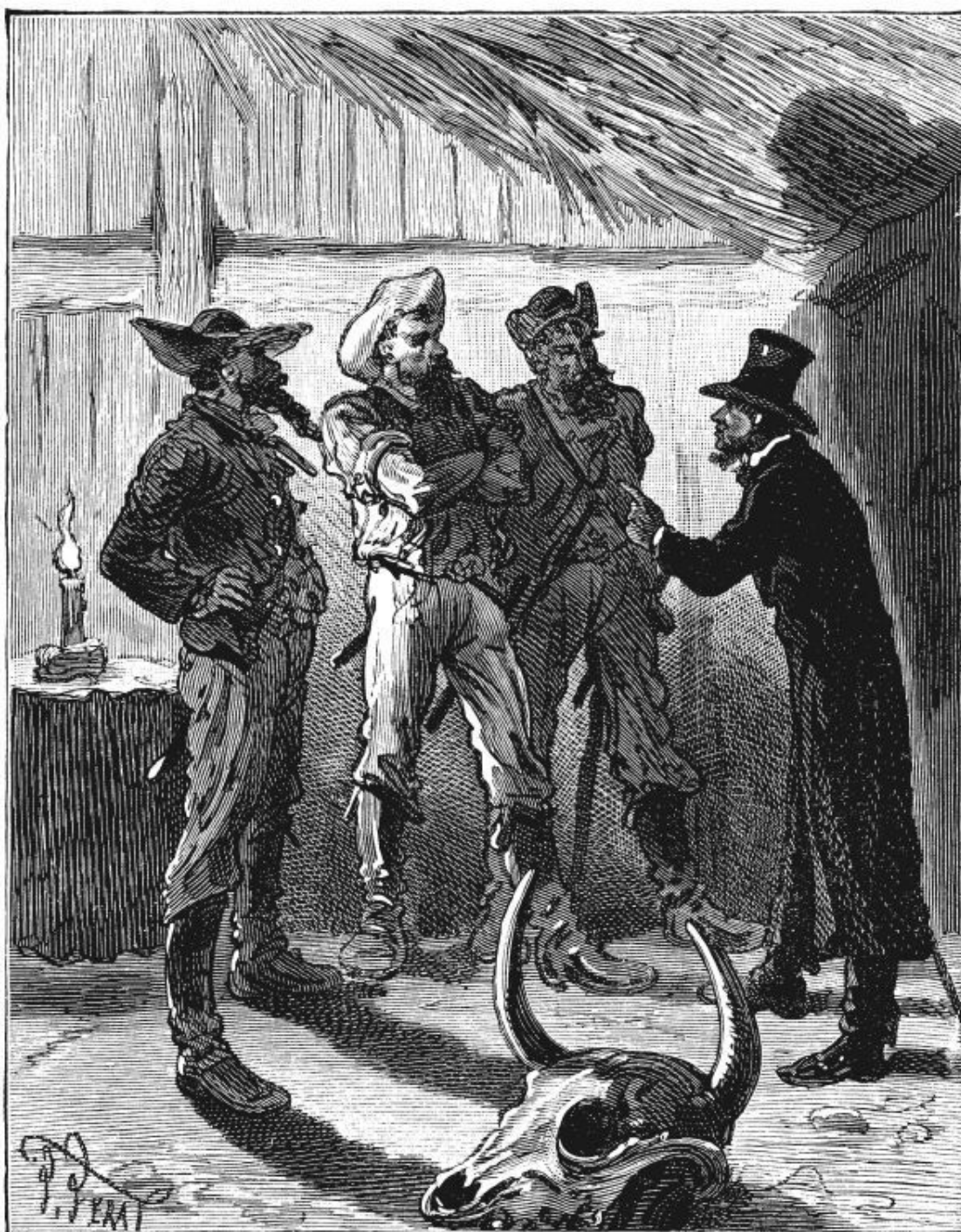
– Бедняга тронулся умом, – перебил его преподобие, – а мы теряем время на то, чтобы выслушивать глупую болтовню.

Клаас пожал плечами, пропустил себе в глотку изрядную струю пойла и весьма холодно продолжал говорить:

– Тайну о сокровищах им выдал кафр Лакми. Вы знавали этого чудака. Я держал его над жаровней и пропекал ему пятки, но ничего не мог из него вытянуть. А у них есть карта

местности, – это я знаю наверняка. И они твердо уверены, что найдут этот клад. До такой степени, что сам этот проклятый Вильрож лично отправился на поиски. Я не выпускал его из виду и незаметно проводил до Нельсонс-Фонтейна, где он был вчера вечером. Я слышал, как он там говорил с одним французом-землекопом. Вильрож взял его в компаньоны. Я даже чуть было не получил пулю от этого компаньона, когда подслушивал, о чем говорили в палатке. Если бы у меня была хоть крупинка сомнения, достаточно было того, что я услышал, чтобы оно рассеялось. Самый факт существования клада абсолютно неоспорим, и я уверен, что они его найдут.

– Ну что ж, дело ясное. Надо следовать за ними, а потом, когда они найдут клад, надо будет освободить их от этого бремени. Самые простые идеи всегда самые верные.

Клаас скроил презрительную улыбку и с видом некоего превосходства, обычно не свойственного ему, оглядел своих слушателей:

– Плестись по их следам мало – надо их сопровождать. Надо что-то придумать такое, чтобы быть принятыми в их общество. Но это невозможно – они слишком хорошо нас знают.

– А мне это вполне доступно, – заметил его преподобие, на которого подействовала самоуверенность бандита.

– На вас я и рассчитывал.

– И совершенно правильно, друг мой. А я, со своей стороны, охотно повидаю наших бывших помощников, западных бечуанов. Мне нетрудно будет набрать среди них хоть целую команду и бросить по следам французов. Таким образом французы получают почетную охрану, которая будет состоять из самых отчаянных головорезов Южной Африки.

– Хорошо! Недаром я на вас надеялся. Повод для встречи с французами и присоединения к ним по-детски прост. Скоро будет война между кафрами и англичанами. Я сужу об этом по безошибочным признакам. А вы якобы сопровождаете несчастных беженцев, которые пересекаются на север, чтобы спастись от войны и основать там колонию.

– Ну, Клаас, вы молодец! Пока что ваш план совершенно безупречен.

– А все потому, – мрачно ответил бандит, – что меня днем и ночью гложут две безжалостные страсти. Во имя любви и ненависти я способен на все, даже на добрый поступок.

– Вы могли бы присоединить к этим двум страстям еще и жадность.

– Не знаю. Я люблю, и я ненавижу. Вот и все. Конечно, я хочу участвовать в дележе, если, как я надеюсь, нам удастся забрать у проклятого француза его клад. Но я бы отказался от своей доли, если бы мне позволили вырвать у него сердце из груди и если бы я мог держать в своей власти ту, воспоминание о которой стало для меня сладостным и мучительным кошмаром.

– Вот и отлично! – сказал его преподобие. – Я пускаюсь в путь сегодня же, собираю всех наших молодцов из племени бакалахари, догоняю французов, стараюсь во что бы то ни стало завоевать их доверие, произношу проповеди направо и налево и в конце концов становлюсь их неразлучным спутником. А вы что думаете делать в это время?

– Корнелис и Питер останутся здесь и будут дожидаться меня. А я возвращаюсь в Кейптаун.

– Ничего не понимаю!

– В двух словах. Я буду краток, потому что время-то не ждет. Надо, чтобы жена Вильрожа уехала из города: там она находится в безопасности. Пусть выедет сюда. Напасть на нее в пути и похитить – пара пустяков.

– Это несомненно. Но как вы ее заставите пуститься в путь?

– А уж об этом, преподобный отче, тоже вы должны позаботиться. Я-то сам ни читать, ни писать не умею, а вы сейчас же нацарапаете мне письмецо и заметку в газету. У вас есть бумага и чем писать?

– Найдется.

– Хорошо! Сочините-ка мне письмо, которое Вильрож, якобы будучи тяжело ранен, продиктовал некоему человеку – все равно кому. Пишите, что состояние его внушает самые серьезные опасения и что он нуждается в тщательном уходе. А уж доставку письма я возьму на себя. Она его получит и сразу тронется в путь.

– Так. А газетная заметка о чем?

– Об убийстве еврея-купца. И вину надо взвалить на французского авантюриста.

– Никто никогда не поверит.

– Заметка появится в печати на другой день после отъезда этой дамы. Так что ее внезапный и поспешный отъезд будет похож на бегство и только внушит подозрение.

– Постойте, но вы привлечете целые орды полицейских!..

– Подумаешь! Вы их знаете так же хорошо, как я. Они безобидные твари.

– Но ваши намерения?

– Закрывать Вильрожу, по крайней мере на время, доступ в колонию. А так как его жена будет в наших руках, у него не хватит времени оставаться в Кейптауне и доказывать свою невиновность. Он все пустит в ход, чтобы освободить жену, но ему придется обходиться собственными силами и нельзя будет обратиться за содействием ни к англичанам, ни к бурам Оранжевой реки из-за возможности потерять драгоценное время, потому что его тотчас арестуют по обвинению в убийстве.

– Ничего нельзя прибавить к тому, что вы сказали, друг Клаас. Вот вам обе бумажки. Заметка для газеты сложена в длину, а письмо – квадратиком. Смотрите не перепутайте.

– Будьте спокойны. А теперь отдохнем. Скоро будет обнаружено убийство еврея и ограбление повозки. Я тоже там буду и постараюсь толкнуть полицию на ложный след.

– Только опасайтесь мастера Вилья. Кстати, вы нашли в фургоне нечестивца что-нибудь стоящее?

– Пустяки. Но не в этом дело. Мне был нужен труп, покойник. И я его нашел.

Глава 7

Размышления самонадеянного, но нерешительного полицейского. – Человек, который верит в предчувствия. – Концерт диких зверей. – Кто рычал – лев или страус? – Шакал охотится, лев забирает добычу. – Новый подвиг опытного охотника. – «На помощь!» – У льва в пасти. – Своевременный выстрел. – Бред. – Шина. – Жаркое из слоновьей ноги для цивилизованных гурманов. – Мнение доктора Ливингстона о южноафриканском льве. – Появление его преподобия, который узнает в раненом мастера Вилья.

Мастер Виль, полицейский с приисков Нельсонс-Фонтейна, считал себя самым ловким из всех сыщиков Объединенного Королевства, но все же он был вынужден сознаться самому себе, что задача, которая свалилась ему на голову, полна необычайных трудностей. Если весьма лестное мнение, которого он держался насчет своих личных талантов, и толкнуло его ввязаться в это, скажем прямо, путаное дело; если он поначалу увлекся, что не совсем обычно для представителя англосаксонской расы, – то зрелое размышление подействовало на него охлаждающе, как ледяной душ.

Волнение, вызванное загадочным убийством торговца, улеглось в несколько минут, словно по волшебству. Весь прииск снова принял свой обычный деловой вид: на участках стучали кирки; скрипя поднимались и опускались по железным тросам кожаные мешки; люди, которых ночное происшествие отвлекло было на минуту, работали с обычным упорством. Тут, черт возьми, у каждого хватало своих забот, чтобы не слишком долго думать о вещах посторонних. Вот если бы убийцу тут же, на месте, поймали и линчевали, тогда другое дело – тогда они, пожалуй, потратили бы несколько минут на то, чтобы посмотреть повешение. На приисках так мало развлечений! Но что им за дело до слез осиротевшей девушки, потерявшей единственную опору в жизни? Что им до более или менее неприятных размышлений полицейского, занятого распутыванием загадочной драмы?

Текли часы, но мастер Виль не знал, что предпринять. А тут над самонадеянным сыщиком еще стали подтрунивать коллеги, их насмешки сыпались градом на полицейского. Их грубые шутки заставляли его держаться нарочито уверенно, хотя никакой уверенности у него не было, – по крайней мере, создавалась видимость, что он благодаря им отвлекался от своих забот.

– Ладно, ладно! – угрюмо отвечал он. – Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Занимайтесь своими делами, а мои вас не касаются. Я у вас не прошу ни совета, ни помощи. Мне нужен отпуск. Если мне откажут, я все равно устроюсь. А все остальное беру на себя...

Мастер Виль принял героическое решение. Он запихнул в сумку необходимые вещи, приготовил оружие, оседлал коня и пустился в путь. Он обошел все алмазное поле, осмотрел все участки, тщательно осведомился обо всех, кто уехал и кто приехал, и убедился, что, кроме буров и французов, ни один посторонний на прииске не показывался.

Хотя здесь и работала добрая тысяча человек и среди них хватало темных личностей, которых легко можно было заподозрить в каком угодно преступлении, в том числе и в том, жертвой которого стал еврей, сыщик все время думал только о трех французах и трех бурах. Это была навязчивая мысль, какое-то смутное, но неодолимое предчувствие.

«Да почему бы и нет, в конце концов? – рассуждал Виль. – Эти французы едва появились и сразу исчезли. Тот, который здесь работал, виделся с убитым вечером незадолго до убийства, а ночью они скрылись. Все это наводит на нехорошие мысли. Но, с другой стороны, три тяжеловеса-бура тоже, по-видимому, изрядные жулики. С какой целью могли они сюда пожаловать на столь короткий срок? Один из них преподнес мне ножны. А зачем? Чтобы помочь мне или чтобы сбить меня с толку? Однако не могу же я разорваться на части и пуститься по всем этим следам одновременно. Буры разделились и пошли в разные стороны: один – на юг, двое – на запад. Французы подались на север. Какого черта им нужно на севере? Все-таки мне надо выработать какой-нибудь план. Здесь я задерживаться не могу, иначе я стану всеобщим посмешищем. Надо выследить или тех или других. Но кого? Орел или решка? Буры или французов? Я больше склоняюсь в сторону французов. Потому что предмет, который я нашел на месте убийства, мог принадлежать только убийце, а мои буры слишком большие мужланы, чтобы владеть подобными драгоценностями! Ну что же, так и быть, махнем на север. Там я и раскрою истину».

Едва покончив со своими колебаниями, мастер Виль стал укрепляться в мысли, которая, как мы видели, нелегко ему далась. Считая, что лучше ошибиться, чем оставаться в нерешительности, он пустился в путь, нисколько не думая о неизбежной потере службы, если его поиски окончатся неудачей, что, в конце концов, тоже было весьма вероятно. И еще – пусть объяснит тот, кто умеет объяснять такие вещи, – наш полицейский, хотя и был человек весьма положительный, слепо верил в предчувствия и, как мы видим, ошибался лишь наполовину. Впрочем, верно и то, что предчувствия, вероятно, заставят его совершить огромную оплошность.

Напасть на след трех французов было легко в краях, где жили только негры или колонисты, потому что они ничуть и не старались скрыть или замести свои следы. Полицейскому почудилось в этой беспечности не что иное, как доказательство закоренелости преступников, а заодно и сознание ими своей безопасности. До границы английских владений было едва каких-нибудь два дня ходьбы, а задержать их на чужой территории, где власти чрезвычайно ревниво охраняют свои прерогативы, мастер Виль не мог. Но преступники – сыщик не сомневался, что они преступники, он бы дал голову наотрез, – от него не уйдут. И, как говорится, что отложено, то не потеряно. Вильям Саундерс решил не отставать от них ни на шаг, сопровождать их в любое место, куда им только захочется сбежать, но в конце концов схватить их и предать в руки карающего закона, едва только они неосторожно ступят ногой на английскую землю. Для человека такой закалки, как мастер Виль, время, расстояние, лишения, болезни не имеют ровно никакого значения!..

И он повторил недавние слова рудокопов: «Will, for ever!»

Альберу де Вильрожу и Александру Шони не сразу удалось разобраться в шуме, который внезапно поднялся на берегу реки, там, где были убиты слоны и где произошло столь гранди-

озное пиршество. Лошади, стоявшие на привязи, взвились на дыбы и делали отчаянные, но напрасные усилия, чтобы вырваться, но в конце концов покорно застыли на месте. Однако их била дрожь, и они судорожно фыркали и храпели, глядя в сторону опушки. Туземцы, отяжелевшие от огромного количества только что съеденного мяса, спали глубоким сном и, проснувшись, еле могли двигаться. Большинство из них разлеглись на траве, как сытые удавы.

Один только проводник сохранял хладнокровие. Покуда трое европейцев брались за оружие и делали это с тем спокойствием, какое присуще подлинным храбрецам, проводник, дитя природы, старался проникнуть взглядом в густые заросли, которые едва освещала луна, затянутая белыми облаками. Наступило несколько секунд покоя, затем в тишине ночи раздался трепещущий звук, точно вырвавшийся из металлического горла, – как если бы хищный зверь, потревоженный в своем царственном одиночестве, поднял свой голос, полный недоумения и гнева. Затем этот шумный раскат перешел в глухое прерывистое рычание, от которого стали дрожать листья и которое оглушило наших не столь испугавшихся, сколь заинтригованных европейцев.

– Лев... или страус, – сказал черный проводник на своем ломаном английском языке.

– Как это – страус? – с недоумением спросил Александр. – Разве это страус?

Его прервал неопиcуемый шум. В непроходимых африканских зарослях поднялась буря звуков. Только что слышанный вопль был для нее как бы сигналом. Она прокатилась по берегу и, подобно отдаленному грому, замерла над рекой. Сила этих дьявольских звуков была такова, как если бы мимо проехала сильно нагруженная повозка или на полной скорости промчался поезд. Эти ужасные голоса доносились справа и слева, и путешественники понимали, что невидимые музыканты расположились вокруг всего их бивуака. Нетрудно было догадаться, что их много – оркестр, так сказать, был в полном составе. Наконец послышались крики на высокой ноте, подобные звукам дудки, их сменили пронзительные звуки фанфар и всех прочих медных инструментов.

– Это не страус! – крикнул проводник Александру в самое ухо. – Это лев!

– Почему?

– Я слышу шакала. Он вышел на охоту для льва.

– Невозможно, чтобы один-единственный лев поднял такой шум. Их, должно быть, не меньше полудюжины.

– Ты прав. Но тех привлекает билтонг, который проваливается на деревьях, а также запах жаркого из слоновьей ноги, которое тушится в ямке.

– Но тот лев, о котором ты говоришь...

– Он вожак. Он великий лев, и он ест только живую добычу. Сейчас он преследует газель или буйвола. Шакал ведет его по следу, как охотничья собака.

– А мы что будем делать в это время?

– Ничего. Нам ничто не грозит. На нас львы не нападут. Они слишком боятся человека, в особенности белого человека.

– Ты меня удивляешь. Но это не важно. Все-таки неприятно, когда тебя будят таким манером. Если бы я мог различить в темноте хоть одного из этих крикунов, я бы с радостью послал ему пулю восьмого калибра – просто чтобы заставить его с минутку помолчать.

– На, смотри!..

Облака, закрывавшие луну, разошлись, и ночное светило залило лесную лужайку ярким, почти дневным светом. Молодой человек отчетливо увидел в тридцати шагах от себя резко очерченную черную, неподвижную, как пень, массу и узнал в ней льва, величественно сидящего на задних лапах.

Александр не был человеком впечатлительным, но и он оторопел.

Как же это? Добычей, столь легко и добровольно подставляющей себя под его выстрелы, был лев, великолепный царь Африки, гроза долин и лесов? Он, скромный босеронский Ним-

род, заброшенный по прихоти судьбы в необозримую пустыню Калахари, сможет повторить легендарный подвиг великих охотников? Всего каких-нибудь двенадцать часов назад он убил слона, – колоссальное, сильное, хитрое, почти неуязвимое животное, а сейчас он еще подстрелит льва?

Все эти соображения, описывать которые было бы слишком долго, молнией пронеслись у него в мозгу в ту минуту, когда он медленно поднимал ствол карабина. Он искал мушку и увидел ее блеск как раз над головой зверя. Оружие оставалось две секунды неподвижным в его руках, затем из ствола вырвался огонь. Густое облако дыма еще застилало стрелку глаза, и он еще ничего не видел, а лев, пораженный огромной пулей весом в шестьдесят пять граммов, сделал десятиметровый прыжок и свалился, издавая ужасное рычание, в котором смешались боль и ярость.

– Здрóрово, Александр! – весело крикнул Альбер де Вильрож. – Ну и стрелок же ты, черт побери! Бьюсь об заклад, что ты попал этому милому котенку прямо в голову. Полюбуйся, как он извивается! И как он сжимает мордашку лапами, точно он хочет вырвать оттуда твой кусочек свинца! Не старайся по-пустому, приятель: позади этой пульки было пятнадцать граммов тончайшего пороха.

Выстрел заставил временно умолкнуть всех диких зверей. Некоторые из них уже, по видимому, знали, что это за гром. И только лев, рана которого была смертельна, стонал жалобно, но все более и более тихо. Александр сменил патрон и собирался выстрелить второй раз, когда в нескольких шагах от него раздался хруст ветвей и крик ужаса и страха. Это был отчаянный призыв, издаваемый человеческим голосом. Он был настолько душераздирающим, что все три француза вздрогнули. Если вспомнить, как близко находились львы, то несчастного, который молил о помощи, надо было считать человеком конченным.

– Сюда! На помощь! – кричал он. – Погибаю! I am lost!

Альбер, как человек смелый, но безрассудный, был готов броситься туда, откуда доносились крики, но почувствовал на плече тяжелую руку Александра.

– Спокойствие, дружище! Ты хочешь пойти на верную смерть?

– К тому же бесполезную, – добавил Жозеф.

– На помощь!

Крик, ставший уже совсем слабым, как шепот, прозвучал в последний раз и замер.

Затем послышался глухой шум, какой могло бы произвести тяжелое тело при падении, и лужайку медленно пересек крупный лев, державший в пасти какую-то белую массу. Трое друзей оцепенели. В этой массе, которую хищник нес с такой же легкостью, с какой кошка несет мышь, они узнали очертания человеческого тела.

Совершенно машинально Альбер вскинул карабин на плечо и выстрелил – можно сказать, не целясь! Любому охотнику, оказавшемуся в отчаянной ситуации, приходилось стрелять чисто инстинктивно, наугад – и, как правило, с полным успехом.

Выстрел с плеча заставил льва резко остановиться. Он выпустил добычу и медленно сел. Держа голову прямо, он широко раскрыл пасть и, обернувшись в сторону своих неожиданных противников, устрашающе зарычал. А когти его впились в несчастного, который не подавал признаков жизни, и словно месили его бесчувственное тело.

Альбер, Жозеф и Александр хладнокровно прицелились.

– Пли! – скомандовал Александр.

Три выстрела слились в один. Хищник выпрямился во весь рост, стал пятиться на задних лапах, как лошадь, поднявшаяся на дыбы, сделал три или четыре шага и свалился.

Несмотря на все мольбы проводника, который не без оснований боялся последних судорог агонизировавшего зверя и заклинал их не двигаться с места, они все трое бросились к несчастному, который лежал, распростершись на земле. Покуда Альбер добивал выстрелом льва, Александр поднял раненого и перенес его к костру. Это был европеец, и на первый взгляд

в крайне плачевном состоянии. Длинные кровавые полосы пересекали всю его спину, а одна рука, по-видимому пострадавшая от клыков хищника, беспомощно свисала.

Несколько капель холодной воды привели его в чувство. Он приоткрыл глаза и тотчас закрыл их, едва бросив растерянный взгляд на своего спасителя. Затем он стал бормотать что-то бессвязное, как человек, терзаемый неистовой одержимостью. Странная вещь: слова, что он произносил в бреду, в общем-то простительном в его состоянии, не имели никакого отношения к опасности, которой он столь счастливо избежал. Казалось, его терзали воспоминания о каком-то загадочном убийстве, и он все говорил о жертве, о суде Линча, о полиции и об убийцах.

– Что нам делать с этим беднягой? – спросил Альбер, умело оказывая помощь раненому – этому его научила бродячая жизнь путешественника.

– Я и сам не знаю, – ответил Александр. – С одной стороны, мы не можем взять его с собой: у нас не хватает перевязочных средств и для самих себя, но, с другой стороны, не можем же мы бросить его.

– Я того же мнения. По-моему, у него сломана рука. Я постараюсь наложить ему шину. Затем, если только он сможет удержаться, мы посадим его на одну из наших лошадей и доставим на ближайшую станцию.

– Но какого черта он здесь таскался, в этом гиблом месте, да еще ночью?

– Возможно, этот несчастный спасался от расправы. Тут какая-то мрачная драма.

– А может быть, это преступник, которого мучает совесть? Ибо не надо забывать, что мы там оставили довольно-таки пестренькую публику...

Альберу все не удавалось уложить сломанную руку незнакомца в лубки, наспех вырезанные охотничьим ножом, и он сделал раздраженный жест.

Тогда черный проводник, видя тщетность его стараний, сказал ему шепотом:

– Слушай меня, вождь, и подожди минутку. Если хочешь, я наложу этому белому перевязку по нашему способу.

– Пожалуйста! Мне кажется, что я только напрасно мучаю его. К счастью, он снова потерял сознание, и обморок, по крайней мере, позволяет ему не страдать от боли.

Чернокожий окинул опушку быстрым взглядом, затем, увидев молодое деревце приблизительно такой же толщины, как сломанная рука незнакомца, сделал на коре несколько продольных надрезов и весьма умело содрал ее. Затем он обложил корой раненую руку и перевязал гибкой лианой.

Наложение этого простого и остроумного устройства, весьма сходного с шиной, какими широко пользуются наши хирурги, принесло пострадавшему немедленное облегчение. Он зашевелился, попросил пить, жадно сделал несколько глотков и сразу глубоко заснул.

Тем временем над лужайкой поднялся аромат готового жаркого. Жозеф обратил на это внимание и прибавил, что после всех пережитых треволнений очень хочется есть, ибо переживания прогнали сон и ожесточили аппетит путешественников.

– Ты чертовски прав! – сказал Альбер. – Вчера нам поневоле пришлось отказаться от кабана как раз в ту минуту, когда мы собрались поесть. Я того мнения, что нам бы следовало попробовать слоновьей ноги.

Неутомимый черный проводник разбросал тлеющие угли, лежавшие на поверхности, и с бесконечными предосторожностями выгреб туземное блюдо из ямки. Ноги толстокожего животного невероятно разбухли и стали неузнаваемы. Но вид у них был соблазнительный, и они весьма вкусно пахли. Все трое голодных путешественников приблизились с понятной поспешностью.

– Да ведь это блюдо, достойное короля! – воскликнул Альбер, набивая рот.

– Оно достойно императора, сатрапа, набоба! – поддержал Александр. – Грош цена медвежьей лапе!.. Грош цена свиному окороку с трюфелями или без!..

– Нет, вот уж никогда не увидят современные Лукуллы такое вкусное блюдо на своем столе! Ни за какое золото не купят они ничего подобного...

– Просто непостижимо, как это такое грубое, тяжеловесное животное, как слон, может дать такое тонкое и деликатное блюдо.

– Я больше не удивляюсь тому, что дикое четвероногое, зовущееся царем лесов, тоже пришло понюхать аромат, идущий из этой незатейливой харчевни.

– А ведь правда! Я так увлекся нашими гастрономическими делами, что забыл о диких зверях. А проводник еще утверждал, будто один вид белого человека внушает львам непреодо-

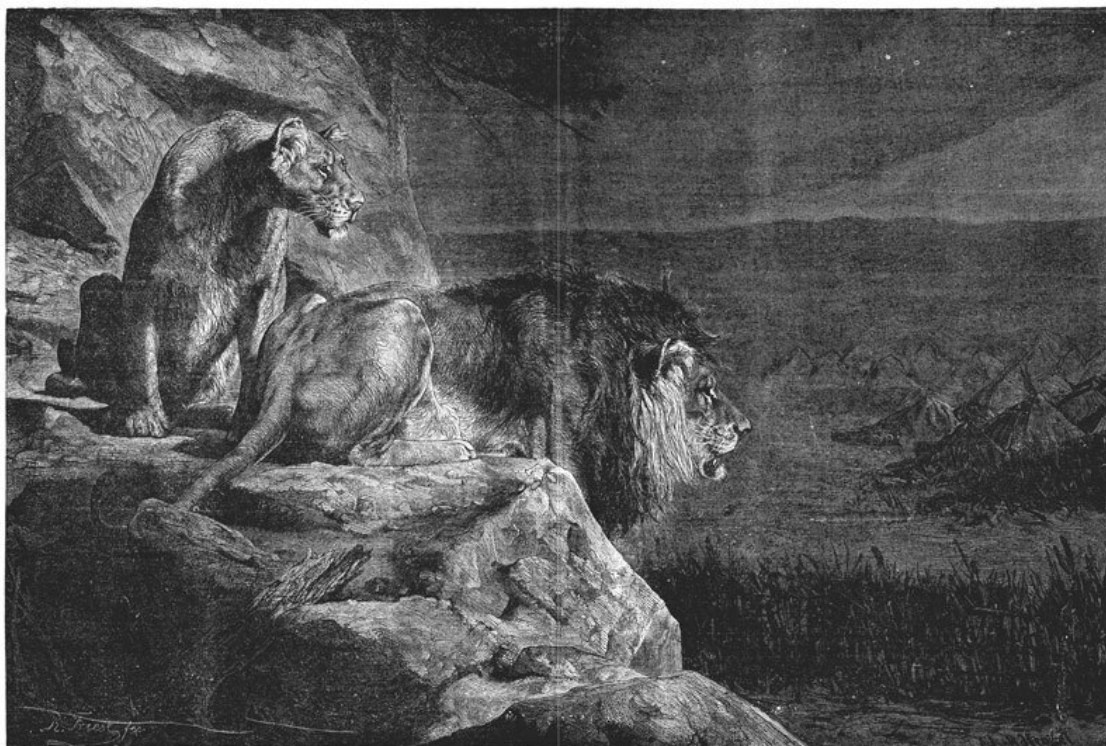
лимый ужас. Взгляните на беднягу, который валяется на траве, – вот вам убедительное опровержение.

Это замечание было сделано по-английски, и проводник, почувствовав себя задетым, ответил своим гортанным голосом:

– Я помню почтенного белого человека по имени Дауд⁴. Он-то прекрасно знал, что лев – трус и нападает только на более слабых. Какой это подвиг – зарезать блесбока, ньялу или антилопу гну? Я, например, сопровождал Дауда и Ма-Роберт⁵ на озеро Нгами. Два льва напали на буйволена. На буйволицу они напасть побоялись. Но она ринулась на одного из львов, подняла его на рога и убила наповал. А второй удрал, как последний трус. В другой раз Дауд спал ночью под кустом. Он лежал между двумя мужчинами моего племени. И вот они забыли поддерживать огонь, и уголь почти погас. Вдруг подошел лев. Он стал рычать, но не набросился на людей, которые лежали в нескольких шагах от него. Он не посмел броситься даже на быка, который стоял в кустарнике. Лев увидел белого человека и ушел подальше и только ворчал до самого рассвета. А ты разве не знаешь, что, когда белые люди стали стрелять дичь и отогнали ее далеко от краалей, голодные львы съедали своих детенышей, но не решались нападать на людей твоего племени?

– Все это верно, – ответил Альбер, – однако сегодня ночью у нас под самым носом произошло как раз обратное. Я бесконечно уважаю мнение прославленного путешественника, но, видимо, он не всегда бывает прав. Наконец, исключения всегда возможны.

Не в укор нашим героям, а лишь для сведения читателя я не могу устоять против желания познакомить его с тем, что писал о южноафриканских львах доктор Ливингстон⁶. Пусть слова столь авторитетного человека опровергнут ошибочные утверждения кабинетных путешественников или рассказы писателей, которые, добросовестно заблуждаясь, составили себе преувеличенное мнение о той опасности, какую представляет встреча со львом.

⁴ Чернокожие Южной Африки называли этим именем доктора Давида Ливингстона. (Прим. автора.)

⁵ Имеется в виду жена Ливингстона. (Прим. автора.)

⁶ См. гравюру на с. 101: на путешественника Давида Ливингстона нападает лев. (Прим. редактора.)

«Днем, – пишет знаменитый английский исследователь, – лев останавливается на одну-две секунды, чтобы осмотреть встреченного им человека. Затем он начинает медленно ходить вокруг и отдаляется на несколько шагов, не переставая озираясь. Затем он ускоряет шаг, и наконец, когда ему кажется, что его уже не видно, он пускается наутек, скача, как заяц. Днем нет никакой опасности, что лев нападет на вас, если только вы его не тронете. И то же самое ночью, если светит луна. В лунные ночи чувство безопасности бывало у нас так велико, что мы очень редко привязывали быков и они спали рядом с фургонами, в которых располагались мы сами; зато в темные или дождливые ночи, если только где-нибудь поблизости находился лев, можно было быть уверенным, что на лошадей и волов он нападет непременно.

Если вы встретили льва среди бела дня, то и тогда, вопреки распространенному мнению, вы увидите зверя далеко не величественного. Он попросту немного крупней самого большого дога, которого вы когда-либо видели, и очень напоминает зверей собачьей породы⁷. Его морда несколько не похожа на ту, что нам знакома по гравюрам. Нос переходит в собачью морду, и он мало похож на того льва, каким его традиционно изображают художники.

То, что заставляет современных художников изображать льва с вымышленными чертами, вынуждает сентиментальных сочинителей описывать львиный рык как один из самых ужасающих звуков, какие есть на земле. Мы слыхали это „величественное рычание царя зверей“; конечно, можно испугаться, особенно ночью, если оно примешивается к раскату южного грома, если ночь такая темная, что после каждой вспышки молнии вы чувствуете себя совершенно ослепшим, а дождь идет такой, что ваш костер гаснет и ничто вас не защищает: ни дерево, ни даже ваше ружье, ибо оно мокро и первый выстрел будет неудачен. Но если вы находитесь в фургоне, тогда другое дело, тогда вы слушаете рычание льва без страха и без почтения.

⁷ Лев с собачьей мордой водится в Южной Африке; он меньше других львов. (Прим. автора.)

Страус кричит так же громко, но никогда человек его не боялся. Я высказал это утверждение несколько лет назад, но оно было взято под сомнение. Поэтому я тщательно проверял его у европейцев, которые слышали и льва и страуса. И спрашивал их, могут ли они установить какую-нибудь разницу между *рычаньем льва* и *рычаньем страуса*. И все признавали, что никакой разницы не замечали, с какого бы расстояния им ни приходилось это слышать.

Наконец, охота на льва с собаками почти не опасна, если сравнить ее с охотой на индийского тигра, потому что затравленный лев оставляет охотнику полную возможность спокойно прицелиться и стрелять не спеша.

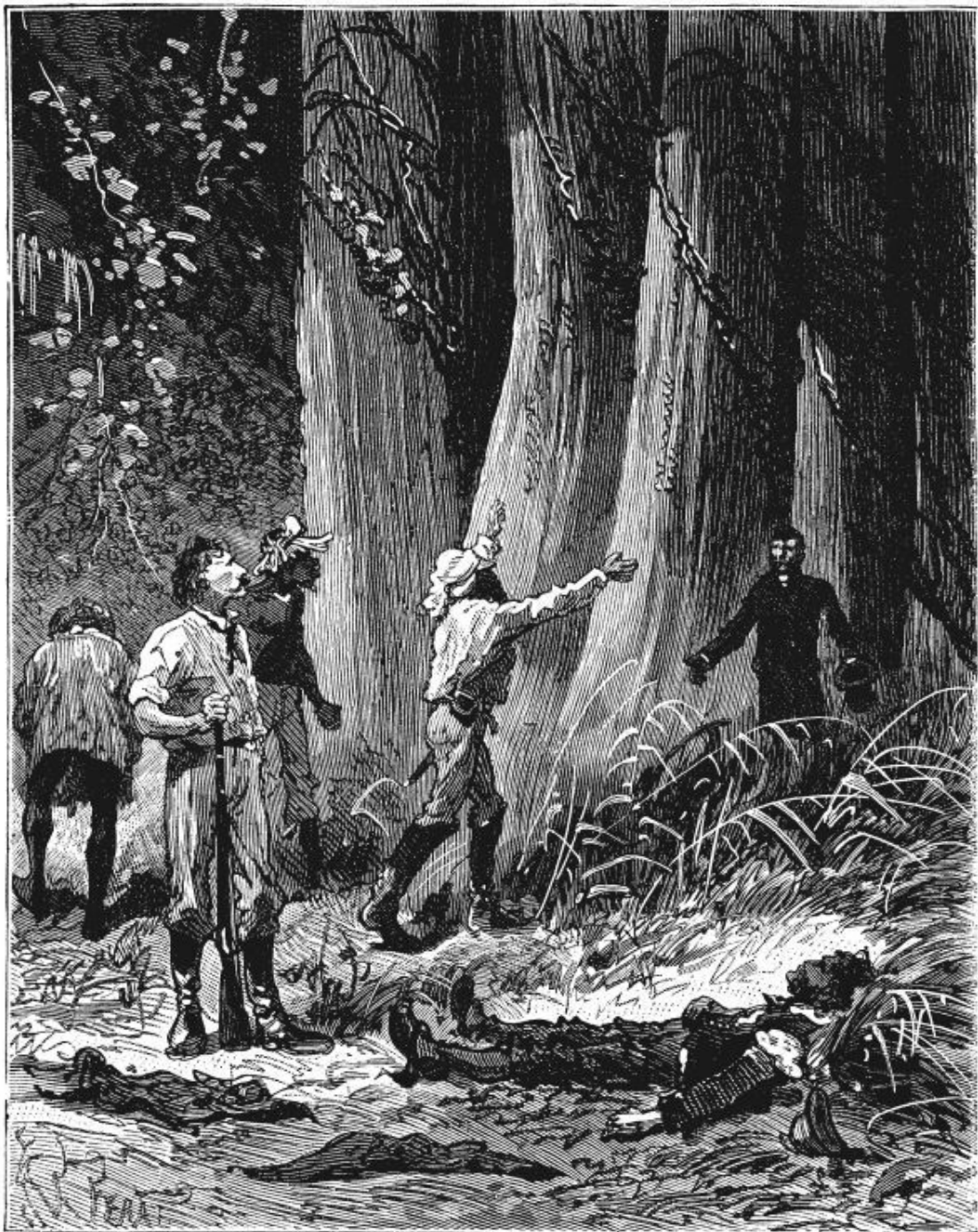
Надо рассчитывать на частые встречи со львами во всех тех местах, где водится много дичи. Они выходят на ловлю группами по шесть и по восемь голов. Но, во всяком случае, скорее можно быть раздавленным на улицах Лондона, чем съеденным львами в Южной Африке, – если только не охотиться за ними. Судя по тому, что я видел и слышал, ничто не может остановить человека смелого...»

Занималась заря, и трое французов, освежав убитых ночью львов, собирались выйти на поиски раненого слона.

Проснулся больной. Он казался более спокойным и уже не смотрел на своих спасителей так растерянно.

Радостными кликами было встречено появление нового лица, которое нетрудно было узнать по непривычному наряду.

– Как! – с обычной своей сердечностью воскликнул Альбер де Вильрож и бросился к новоприбывшему. – Это вы, ваше преподобие? Черт возьми! Мы рады видеть вас! Вам удалось-таки удрать от ваших бродячих музыкантов? Очень хорошо! Садитесь, поешьте! Остатков нашего пиршества вам с избытком хватит на завтрак, если вы голодны. А мы отправляемся на небольшую экскурсию. Вы ведь, надеюсь, не против?

– Тысяча благодарностей, господа. Я тронут вашим милым приглашением. Я действительно изнемогаю от голода и усталости.

Затем, случайно взглянув на раненого, он едва сдержал дрожь, пробежавшую у него по всему телу.

«М-да! – сказал он самому себе. – Что сие означает? Здесь мастер Виль!.. Виль, полицейский из Нельсонс-Фонтейна! Неужели он что-то подозревает? Во всяком случае, будем начеку!»

Глава 8

Полицейский и бандит. – К путникам присоединяются один проводник, один шпион и один враг. – Пустыня Калахари. – Питательные клубни и арбузы. – Применение перкуссии в пропитании. – Бушмены и бакалахари. – На что идет желудок дикой полосатой лошади квагги. – Жажда. – Рябчик – дурная примета. – Четвероногие, могущие обходиться без питья. – О чем говорят следы носорога. – Невидимый водоем в Калахари. – Вода. – Иссякший источник. – Катастрофа.

И полицейский и лжемиссионер были оба слишком заинтересованы в том, чтобы не упустить троих европейцев из виду, поэтому они быстро спелись и стали понимать друг друга с полуслова. Его преподобие – до поры до времени мы будем называть его так – сумел с дьявольской ловкостью использовать отсутствие хозяев, отправившихся на поиски слона, которого ранил Жозеф. Его преподобие был ласков, наивен, он говорил умно и убедительно и обвел полицейского вокруг пальца, как нормандский барышник. А полицейский, со своей стороны, был убежден, что покорила бедного миссионера.

Несмотря на всю свою слабость, мастер Виль голову, однако, не потерял. Костлявую антипатичную фигуру миссионера он слишком часто видел в Нельсонс-Фонтейне и, встретив его здесь, не мог рассчитывать, что сам останется неузнанным. Стало быть, приходилось как-нибудь объяснить, что он делал здесь, на подступах к пустыне Калахари, в ту минуту, когда французы столь удачно вытащили его у льва из пасти. Но мастер Виль не смущался ни капли. Он выдал себя за американского матроса, который бросил свое судно в Дурбане. Нужда якобы заставила его поступить в колониальную полицию, но ему надоело прозябать на ничтожной должности. Когда в Нельсонс-Фонтейне произошло убийство и начальник послал его на розыск убийц, он решил дезертировать. Он якобы увидел, что это дело не сможет принести ему ни малейшей пользы, ибо в случае удачи честь и выгоду присвоит себе начальник. А в случае неудачи, на которую, конечно, и следовало рассчитывать больше всего, единственной наградой за все его труды будет ругань. Поэтому он и решил сбежать. Он хотел пробраться на голландскую территорию, но, пытаясь перейти вброд какую-то речку, сбился с пути, заблудился в лесу и в конце концов, потеряв лошадь, свалился без сил рядом со слоном, которому распорол брюхо носорог. Его разбудил ружейный выстрел Александра, и он направился по звуку, когда внезапно почувствовал, что его схватили, зажали в железные тиски и уносят вглубь леса. Он потерял сознание и очнулся только здесь, на бивуаке.

Его преподобие сделал вид, что верит всей этой глупой выдумке так же свято, как церковным догматам, а сам ломал себе голову только над одним вопросом: знает ли ищейка о его причастности к убийству владельца фургона или не знает? А вдруг начальнику полиции взбрело в голову бросить каких-нибудь ловких сыщиков по следам трех буров? А вдруг мастер Виль отслеживает именно его самого? Это предположение, далеко не лишнее оснований, нисколько, впрочем, не тревожило преподобного отца. Сейчас ему, в общем, никакая непосредственная опасность не угрожала, ибо они уже больше не находились на английской территории, и лучше было иметь полицейского рядом с собой – это позволит избавиться от него, когда наступит время.

Он скоро сообразил, что оказал слишком много чести изобретательности этого самонадеянного господина: тот всячески старался держаться в обществе французов, притом не внушая им никаких подозрений.

«Вот здорово! – подумал его преподобие, борясь с сильным желанием смеяться. – Да если бы Клаас, Корнелис и Питер заплатили этому дураку, он не должен был бы сделать ничего лучшего. Пусть меня возьмут черти, если он сам не осуществит полностью первую часть нашей

программы и если он не уверен, что еврея убили именно эти три француза!.. Воистину полиция – чудесное учреждение! Этот чудак способен арестовать своих спасителей при первом же удобном случае. Не возражаю! Пожалуйста! Во всяком случае, он не станет болтать с ними об убийстве. С этой стороны никакой опасности нет».

– Послушайте меня, мастер Саундерс, – сказал он раненому, – ваше положение вызывает у меня большое сочувствие. Я отлично понимаю, что в вашем плачевном нынешнем состоянии вам невозможно искать убежища у буров. Я-то сам не больше чем бедный миссионер. У меня нет ничего, кроме доброго сердца и великого желания принести несчастным дикарям свет истинной веры. Я намерен добраться до Замбези. Как мне кажется, наши путешественники держат путь туда же. Оставайтесь со мной. Если хотите, продедем путь вместе, а когда вернемся, то миссионерское управление – а оно, как вы знаете, довольно богато – сумеет вознаградить вас.

Мастер Виль с восторгом принял это предложение, так чудесно соответствовавшее его собственным планам. Альбер и Александр, которые сразу к нему привязались, потому что оказали ему такую услугу, тоже одобрили план его преподобия. Они были очень далеки от того, чтобы догадаться, с каким мерзавцем имеют дело.

И вот небольшая группа, пополненная двумя новичками, уходит в пустыню Калахари. Негры, надолго обеспеченные пищей (третий слон был найден мертвым примерно в десяти километрах), проводили их благословениями. Что же касается чернокожих слуг, то они взвели все трудности и опасности, могущие встретиться в пути, и почли за благо исчезнуть.

Один лишь проводник, в котором знакомство со знаменитым Ливингстоном зародило живую симпатию к белым, согласился их сопровождать. У них не было никаких мелких вещей, какие так любят наивные местные уроженцы, но этот славный малый поверил французам на слово, когда они обязались вознаградить его по окончании путешествия. Он попрощался со своими и отправился в качестве проводника пересекать огромное и пустынное пространство, лежащее между 29° и 20° южной широты.

Это был чистокровный бечуан, и звался он Зуга. Прекрасное знание местности делало его весьма ценным, прямо-таки незаменимым членом маленькой экспедиции, ибо все остальные пустились в опасное путешествие несколько легкомысленно.

Действительно, хотя пустыня Калахари поросла густой травой, хотя там и произрастает множество разнообразных растений и встречается не только густой кустарник, но и крупные деревья, она, однако, не менее, а, пожалуй, более иссушена и безводна, чем необъятная Сахара. Ее именно потому и называют пустыней, что в ней нет рек и крайне редко встречаются родники. Это – огромное пространство, местами пересеченное руслами иссякших рек и населенное разнообразнейшими видами животных, в том числе некоторыми породами антилоп, организм которых весьма мало нуждается в воде. Почва здесь песчаная – очень мелкий, бледного цвета песок, то есть почти чистый силиций. Вдоль русла высохших рек лежат наносные породы, затвердевшие на солнце, не менее прочные, чем скала, и не пропускающие воду. В период дождей здесь образуются естественные водоемы, в которых вода сохраняется долго. Среди обильных и густых трав тут и там встречаются участки, где почва совершенно обнажена или покрыта ползучими растениями. Их корни сидят очень глубоко, но сами они подвергаются сильнейшему действию солнца и обладают некоторыми странными особенностями. Так, многие из них имеют корни в виде клубней и могут одновременно утолять и голод и жажду в засушливое время, когда нет никакой иной пищи и никакого питья. Наконец, благодаря любопытной своей приспособляемости волокнистые корни одного из этих растений превращаются в клубни, когда растению необходим для произрастания известный запас влаги. Это растение принадлежит к породе тыквенных. Оно меняет свой вид в зависимости от почвы, на которой произрастает, и дает пунцового цвета огурец, пригодный для еды. Другое растение, которое туземцы зовут «мокоми», принадлежит к разряду травянистых и ползучих. Оно дает по

несколько крупных клубней, величиной с голову человека, которые располагаются по кругу под землей. Туземцы находят их благодаря остроумному приему, для которого нужен весьма чувствительный слух. Они берут камень, бьют им по земле, и разница в звуке показывает им, где есть клубни и где их нет. Эта невероятная сноровка туземцев восхитила бы наших врачей, которые по звуку определяют, какие изменения произошли в человеческом организме. Встречается также великолепный, восхитительный арбуз (*Cucumis caffer*). Туземцы зовут его «кэмэ». Это освежающее и одновременно укрепляющее растение. Оно является благодеянием не только для человека, но и для животных. Травоядные, как слон и носорог, хищники, как лев, гиена и шакал, и даже грызуны ценят этот дар природы, удовлетворяющий самым разнообразным вкусам.

Живут здесь племена бушменов и бакалахари. Бушмены, которых некоторые этнографы относят к семейству готтентотов, малорослы, хотя не следует причислять их к карликам. Они кочевники, никогда земли не обрабатывают и не разводят домашних животных. Это страстные охотники, вся их жизнь проходит в беспощадном преследовании дичи, которую они тут же, на месте, и съедают вместе с корнями, травами и дикими плодами, сбор которых возлагается на женщин. Бушмены худы, жилисты, неутомимы и, подобно арабам в пустыне, способны переносить необычайную усталость и неслыханные лишения.

Бакалахари, которые являются ответвлением бечуанов, напротив, трудолюбивые земледельцы и скотоводы. Они терпеливо обрабатывают землю мотыгой, хотя неблагоприятная почва ничего не дает им за их труды, кроме небольшого количества арбузов и тыкв. Корни, немного проса, козье молоко – таково скудное питание этих бедных людей.

Целую неделю бродили по этой затерянной на юге пустыне пятеро европейцев и их чернокожий проводник. Много довелось им перенести лишений, и если ложиться спать на голодный желудок приходилось все же не каждый день, то нехватка воды мучила беспрерывно. Уже на второй день пришлось бросить все шесть слоновых клыков, которые были нагружены на одну из лошадей. Ей много надо было работать, чтобы всех обеспечить продовольствием, и не следовало ее переутомлять навьюченными на нее бивнями. Александр, Альбер и Жозеф по очереди садились на нее и пускались по следам антилопы, буйвола или жирафа. Вторая лошадь служила только для перевозки мастера Виля, у которого рука поправлялась очень медленно. Что касается его преподобия, то он в своем шелковом цилиндре и развевающимся сюртуке шагал как человек, которому все обычные потребности чужды.

Пять дней назад Александр подстрелил кваггу (*Equus quagga quagga*) – однокопытное, похожее на зебру, но меньше ростом. Полосы, столь чудесно украшающие зебру, квагга носит только на шее, на голове и боках. Проводник Зуга отложил в сторону желудок животного, утверждая, и не без оснований, что нельзя пренебрегать самым лучшим сосудом для перевозки питьевой воды. Зуга наполнил его водой из довольно грязной лужи, и это был весь запас путешественников на целых два дня. Вот уже сутки, как выпита последняя капля и всех мучает нестерпимая жажда. Особенно тяжело полицейскому: у него лихорадка, он кричит и бредит и производит впечатление буйнопомешанного. Между тем ему досталось больше всего воды, его спутники из-за его раны героически отказались каждый от части своей воды в его пользу, и он получил больше, чем другие. Это была большая жертва, но бедняга не мог ее оценить, так как совершенно потерял голову. Лошади едва тащились, а люди передвигались тяжело – у них горело в горле, губы потрескались, язык покрылся язвами и кружилась голова при каждом шаге.

Зуга пытается приободрить их: он говорит, что поблизости есть источник и вечером будет много хорошей воды. Однако очертания местности не дают оснований рассчитывать на близость родника, который мог бы спасти от верной смерти несчастных путешественников. Сколько видит глаз, все безжизненно и однообразно. Повсюду выгоревшая трава, повсюду островки сухого песка, тощий кустарник или сморщенные деревья. Нет больше арбузов, нет соч-

ных клубней. Несчастные обитатели этой пустыни уже давно поглотили все, что содержало хотя бы каплю влаги.

Альбер де Вильрож знает Южную Африку по своим прежним путешествиям, ему знакомы тайны этой унылой земли. Жестом, полным отчаяния, показывает он проводнику на стайки рябчиков, которые взлетают, часто хлопая крыльями. Рябчик, вообще говоря, птичка зловещая: он питается насекомыми и водится на земле безводной и выжженной. И никакой другой птицы не встречали наши путники. Все говорило о полной заброшенности и безжизненности этих мест.

– Терпение, вождь! – пробормотал проводник в ответ. – Терпение и надежда!

– Да ты сам посмотри, друг мой Зуга: ведь здесь все без исключения живые твари принадлежат к тем породам, которые могут почти совершенно обходиться без воды. Увы, мы не наделяны этим счастливым свойством! На, смотри, еще один стенбок. А вот дукер. И целое стадо гемсбоков. С самого утра встречаются только канны, куду, спрингбоки, дикобразы и страусы. Ты отлично знаешь, что все эти проклятые твари могут жить в здешнем пекле, как саламандра в огне, и даже не замечать, что нет воды.

Проводник улыбнулся и пальцем, сухим, как корень лакрицы, показал на свежий большой и глубокий след животного.

– Носорог, – сказал он просто.

– А хоть бы и так! Что это доказывает?

– А то, что все животные, которых ты перечислил, могут удаляться от воды на пятьдесят и шестьдесят миль, а носорог дальше чем на семь-восемь миль от воды не уходит. Вот, смотри!..

– Я вижу далеко-далеко стадо жирафов.

– А эти антилопы гну, которые убегают влево?

– Ну и что? Четвероногих здесь много. Есть и буйволы, и зебры, и импалы.

– Да, но там, где есть жирафы, гну, буйволы, зебры, импалы и носорог, – там должна быть и вода – и не дальше чем в семи-восьми милях.

– Ну, друзья, – сдавленным голосом воскликнул тогда Альбер, – потерпите еще немного! Кажется, мы спасены.

Лошади, которым инстинкт, видимо, подсказал то же самое, подняли головы и зашагали веселей. А людей приободрила надежда, и они удвоили усилия. В сосредоточенном молчании прошагали еще три часа, затем и люди и животные, полностью обессилев, остановились в чаще, среди кустов и деревьев из семейства стручковых, покрытых лиловыми цветами.

– Здесь! – с торжествующим видом сказал Зуга.

– Но я вижу только песок! – с отчаянием в голосе возразил де Вильрож.

– Пить! Пить! – хрипел мастер Виль.

Но проводник правильно оценил эту песчаную, чуть вдавленную посередине прогалинку, напоминающую таз. Дно ее было истоптано животными и носило отпечаток многих копыт. Зуга, видя, что его белые спутники изнемогают, молча сел на корточки и стал усердно разгребать песок руками.

– Что это ты делаешь? – спросил его Александр.

– Рою колодец. Можешь помочь?

– Конечно. Что надо делать?

– То, что делаю я. Рой! Но у тебя нежные руки, и они слишком слабы. Скоро все твои пальцы будут в крови. Возьми свою саблю и копай ею.

– И мы добудем воду?

– Да.

- Ты уверен?
- Насколько может быть в чем-нибудь уверен слабый человек.
- А если ты ошибаешься?
- Тогда придется идти еще три дня, пока мы не встретим новый источник.
- Для нас это было бы равносильно смерти.
- Успокойся, белый вождь, вода здесь есть. Смотри, песок уже становится влажным.

Александр, который страдал от жажды меньше других, не сидел сложа руки во время этой беглой беседы. Альбер, Жозеф и миссионер, побуждаемые его примером, старались изо всех сил и рыли с ожесточением. Мастер Виль и тот дотащился и стал царапать землю здоровой рукой.

Таким образом они вырыли яму шириной в два метра и столько же в глубину. Зуга вскоре был вынужден умерить их пыл, предостерегая не пробивать дна ямы, представляющего довольно твердый, не пропускающий воды слой, иначе вода мгновенно исчезнет и больше не вернется.

Инстинкт не подвел проводника. Когда доморощенные землекопы дошли до этого прочного слоя, со всех сторон стала медленно просачиваться чистая, прозрачная и прохладная вода, но шла она не снизу, не из твердого дна, а из стен колодца.

Путешественники изнемогали от усталости. Им показались столетиями последние минуты ожидания, покуда драгоценная влага не собралась в таком количестве, что можно было удовлетворить их насущные потребности.

Затем пришли радость, буйство, безумие, легко понятные всякому, кто под палящим зноем Африки пережил пытку жаждой, с которой никакая другая пытка сравниться не может. Всякая осторожность была забыта. Эти несчастные, у которых из-за обильного выделения пота сгустилась кровь, у которых из-за температуры доменной печи сохли внутренности и которые исхудали, как после двухнедельной голодовки, бросились на благодатный источник и стали с жадностью диких зверей поглощать воду, возвращавшую их к жизни.

Проводнику пришлось чуть ли не силой оттащить их от ямы, над которой они стояли на коленях, не думая о том, что неумеренность грозит им смертельной опасностью.

Затем вволю напоили лошадей, и Александр, боясь, как бы не иссяк этот поистине чудодейственный источник, о существовании которого никто и не подозревал всего несколько часов назад, наполнил водой про запас желудок квагги.

– Ты предусмотрителен, – улыбаясь, сказал проводник. – Это хорошо! Ты великий вождь. Но будь спокоен – завтра утром здесь опять будет полно воды. Нам хватит на все время. А потом мы яму засыплем, чтобы животные не продавили дно своими копытами. А теперь поедим.

Несколько ломтиков сушеного мяса и два жареных рябчика составили весь обед, и он был съеден с превосходным аппетитом, после чего все легли спать, устраиваясь поудобнее на теплом песке. Развели костер, ночь наступила очень быстро.

– Я не очень любопытен, – сказал Альбер негромким и неясным голосом, каким люди говорят засыпая, – но мне все же хотелось бы знать происхождение этого чудесного источника, который наш славный Зуга открыл столь непонятным образом. Местность, насколько видит глаз, была ровная, ни подъемов, ни впадин, так что тут и речи не может быть о подземных течениях, которыми питаются артезианские колодцы. Вода, просачивающаяся здесь сквозь песок, не достигает высокого уровня и не пробивается наружу. Наконец, и водоупорный слой не может распространяться слишком далеко. Тут какая-то загадка, и я никак не могу ее разгадать...

– А вы не полагаете, – вмешался его преподобие своим трескучим голосом, напоминающим шуршание саранчи, – вы не полагаете, что вода идет из источника, который теряется в песках? По Калахари, должно быть, еще совсем недавно проходило много рек. Мы часто встречаем высохшие русла. Я бы скорее считал, что низшие, более глубокие слои земной коры

не пропускают воду и этим мешают ей испаряться. Допустите попросту, что на протяжении такого водонепроницаемого слоя, покрытого песком, есть изменения в уровне. Тогда в более низком месте вода проступит тотчас, едва будет удален песок. Я просто высказываю вам свое предположение, ничуть не претендуя на роль первооткрывателя.

– Вы, пожалуй, правы, ваше преподобие. Я вам благодарен за объяснение. Этот гигроскопический вопрос не давал бы мне спать... Господа, спокойной ночи!

Солнце едва-едва стало выплывать из-за чащи, заслонявшей горизонт, когда спящих разбудил крик боли и отчаяния, вырвавшийся из уст проводника.

Все вскочили, чуя беду. Действительность – увы! – оказалась мрачней самых мрачных предположений: совершенно иссяк источник. Посреди углубления, дно которого, по-видимому, кто-то ночью топтал, все увидели дыру, в которую вода ушла до последней капли. Колодез безвозвратно утерян.

– Гром и молния! – воскликнул в ярости Александр. – Какой негодяй это сделал?! Кто посмел совершить такое варварство? Человек или звери? Лучше бы мне сделали такую дырку в груди!..

– Не верю я, – сказал ошеломленный Альбер, – что дикий зверь приходил сюда на водопой, в двух шагах от нас. Да и следов никаких не видно.

– А что бы ты хотел увидеть на этих движущихся песках? Они не хранят следов... Постойка, одна лошадь отвязана. Может быть, это глупое животное и является нечаянным виновником непоправимого несчастья?

И в довершение несчастья желудок квагги, в котором хранился запас воды, который Александр сделал накануне вечера, валялся на земле, распоротый и пустой. Было похоже, что широкое рваное отверстие сделано зубами грызуна.

Вся предусмотрительность Александра оказалась напрасной. Последние запасы воды погибли из-за нашествия мышей пустыни. Это была полная катастрофа.

Глава 9

Человек, который не любит лошадей. – Разведчик. – Бушменский крааль. – Люди пьют кровь. – Как утолить жажду. – Как бушмены роют колодезы. – Воду держат в скорлупе страусовых яиц. – Мастер Виль начинает жалеть, что отправился в путь. – Почему его преподобие так легко сносил лишения. – Капля воды в пустыне. – Укус никаколу. – Героическая самоотверженность. – Чамбок.

При виде непоправимой беды, в которой могла быть виновата лошадь, Александра, несмотря на все его обычное хладнокровие, охватила ярость. Он вскинул карабин, прицелился и готов был сразить животное пулей.

Но Альбер, на сей раз более спокойный, быстро отвел ружье.

– Ты с ума сошел! – сказал он своему другу, ослепленному гневом. – Мало тебе одной беды? Ты забываешь, что лошади еще будут нам не то что полезны, а прямо-таки необходимы.

– Если только какая-нибудь из них не сыграет с нами поганую шутку. Нам положительно не везет с лошадьми. Из-за лошади я чуть-чуть не был раздавлен слоном, тебя и Жозефа лошади понесли в заросли, и вы спаслись только чудом, а теперь нам предстоит погибнуть от жажды опять-таки из-за лошади!.. Нет, право, это уж чересчур. Таких помощников убивать надо!..

– Да будет тебе, успокойся! Я вижу, твоя старая ненависть к лошадям только усилилась...

– Я действительно давно их ненавижу, но теперь они мне стали омерзительны.

– Карай! Я не разделяю твоих взглядов. По моему мнению, напротив, лошадь – необходимый помощник путешественника. Сейчас я, кстати, вскочу на этого невольного виновника

и отправлюсь в разведку. Вы следуйте за мной, и побыстрее: мне кажется, стоит поторопиться, надо использовать время, пока солнце еще не печет вовсю. Как твое мнение, Зуга?

– Правильно, белый вождь. Отправляйся. Но будь осторожен, ибо мы на земле бушменов, а они, когда видят белого, способны на всякую гадость.

– Почему?

– Потому что недавно сюда приходили белые и полубелые и покупали людей...

– Работоторговцы? – с негодованием воскликнул молодой человек. – Но я считал, что эта гнусная профессия упразднена.

– Увы, нет. За водку, за табак, за ткани черные вожди делают набеги на краали, похищают жителей и отдают их людям, у которых белые лица и длинные бороды.

– Ну уж если и меня примут за такого гнусного барышника, мне будет нетрудно оправдаться. Зато уж сами барышники пусть лучше не подходят ко мне слишком близко. Во всяком случае, спасибо за совет. Я еду. До скорого свидания.

Мастер Виль взгромоздился на другую лошадь, нагруженную среди прочего боеприпасами, запасным оружием и провиантом, и все тронулись по следам всадника, которого уже скрывала густая трава.

Первый переход проделали молча. Александр, опустив голову, предавался размышлениям и перекачивал во рту перламутровую пуговицу от своей шерстяной рубашки. Жозеф шел за ним след в след и молчал. Позади, непроницаемый и мрачный, плелся миссионер. Шествие замыкал грустный Виль, который уже, быть может, раскаивался в своей глупой затее и, во всяком случае, испытывал неловкость от сознания, что столь многим обязан великодушным преступникам.

В полдень сделали привал и позавтракали. Завтрак был мрачный. Без питья билтонг застревал в горле несчастных жаждущих и не мог пройти по пищеводу. Было такое ощущение, точно жуешь паклю. Вдобавок начинало беспокоить долгое отсутствие Альбера, так что решили не задерживаться, хотя зной стоял безжалостный.

После мучительного дня, сложность которого легко представить, наступила ночь. Пришлось остановиться, несмотря на то что запасы энергии путешественников еще не иссякли. Развели огонь, и Жозеф кое-как собрал поужинать, но никто к еде не притронулся. Мысли об Альбере перешли в мучительную тревогу. Александр изнемогал от усталости и жажды, но усидеть на месте не мог. Несмотря на ночное время и опасность повстречаться с дикими зверями, он уже собирался выйти на поиски своего друга, когда послышался тяжелый, заглушенный конский топот. Александр и Жозеф закричали от радости, увидев Альбера. Забыв усталость, они бросились ему на шею:

– Ну, дружище, и заставил же ты нас тревожиться! Ты, надеюсь, цел и невредим? Какие новости? Нашел ли ты воду? Говори!..

– Право, я и сам не знаю, – весело ответил Альбер, соскакивая на землю. – Я, во всяком случае, набрел на нечто вроде деревушки. Мое появление вызвало невероятную растерянность. Но поберегись-ка. Дело в том, что я загнал лошадь. Сейчас она упадет. Смотри, как бы она тебя не задела, когда начнутся судороги. Хорошо, что мы тогда ее не убили, потому что она здорово мне послужила. Но она окажет нам еще одну услугу. Вы, вероятно, умираете от жажды, как я понимаю.

– В буквальном смысле слова. У меня нет сил говорить. Виски у меня сжало, как клещами, а огонь костра кажется кроваво-красным.

– Ну вот, я и привез вам попить.

– Правда?

– Конечно правда! Питье не очень вкусное, но что уж там – в темноте пить можно. А я пил и днем.

– Оттого ты так весел?.. Давай!

– Пожалуйста. Но должен тебе объяснить...

– Никаких объяснений. Давай скорей. Я выпью все. Даже если это кровь.

– Вот ты сам все и сказал. В Мексике, пересекая пустыню Сонора, мы всегда так делали.

Мне не раз случалось в подобных обстоятельствах пустить кровь лошади и пить прямо из вены, преодолевая отвращение. Только что я вскрыл шейную вену этому бедному буцефалу, прильнул ртом к ране и напился. Это меня сразу подкрепило. Я наложил перевязку из шипов мимозы и ниток, выдернутых из назатыльника, и кровотечение приостановилось. Надо извлечь шип, и кровь потечет снова. Тогда можно будет пить. Конечно, противно до тошноты, но ничего не поделаешь. Сейчас я ей свяжу ноги... Готово. Ты нашел?

– Не могу... Не могу пить... кровь.

– Торопись... Она подыхает... Видишь, она уже хрипит!..

Его преподобие лежал на животе, уткнувшись лицом в песок, но не пропустил ни одного слова из советов Альбера. Он встал, шатаясь подошел к лошади, которая уже агонизировала, обнял ее за шею и стал пить ее кровь, как вампир. Наконец он оторвался, заткнул рану пальцем и, обернув измазанное кровью лицо к жаждущему Жозефу, сказал ему глухим голосом:

– Ваша очередь. Еще не поздно.

Каталонец колебался секунду. Лошадь сделала резкое движение, палец лжемиссионера соскользнул с надреза, и длинная красная струя пролилась на землю. Альбер прижал голову лошади коленом:

– Да пей же... Кровь уходит, а это ваша жизнь!.. Она уходит из ваших жил...

Жозеф, преодолевая отвращение, долгими глотками пил ужасный напиток и сделал знак Александру, но тот мотнул головой в знак отказа.

– Нет, я никогда не смогу, – пробормотал он с неопишуемым отвращением.

– Вспомни, малокровные женщины и дети ходят на скотобойни и стаканами пьют кровь только что зарезанных животных!..

– Возможно! Но что касается меня, все мое тело трясет от отвращения... Мастер Виль, пейте, если вам угодно.

Полицейский не заставил повторять это приглашение. Он тоже прильнул ртом к ране, и обескровленное животное забилося в судорогах. Это было как бы последнее возмущение жизни против смерти, последняя дрожь, последний хрип. Кровь перестала течь. Благородное животное было мертво. Оно отдало свою кровь, чтобы спасти четырех человек.

– Бедная лошадка! – сказал Александр, расчувствовавшись. – Если она даже и была, сама того не зная, виновата перед нами, она искупила свою вину. – Затем он обратился к Альберу: – Ну, расскажи, что ты видел. Деревню? И там поднялся переполох? Там где-нибудь поблизости должна быть вода. Я очень обессилел, но сутки я еще продержусь.

– Я действительно видел какие-то шалаши. У нас в Европе в них не смогли бы жить и собаки. Метрах в пятистах оттуда я встретил группу женщин, человек двадцать, они сидели на земле. У них был довольно жалкий вид. Заметив меня, они быстро собрали страусовые яйца, штук по десять каждая, уложили их в сетки и панически пустились наутек. Я хотел их догнать и всячески успокаивал, но безрезультатно. Ни одна мне не ответила, и ни одна не сумела понять мои выразительные жесты. Когда я дошел до их хижин, яйца куда-то исчезли. Странно, но мужчин было всего несколько человек. Они смотрели на меня равнодушно, без видимой враждебности. Но они тоже не понимали меня или не хотели понимать. Потеряв терпение, я решил вернуться к вам.

– Вождь, – сказал тогда Зуга, – в этом краале живут бушмены. А женщины, которых ты встретил, несли в яичной скорлупе запасы воды. Нам бушмены воды не дадут, а яйца запряваны так, что никто их не найдет. Однако это ничего не значит. Я сам сумею найти источник, и вы сможете напиться. Надо выйти до восхода солнца и отправиться к бушменам. Кто знает, быть может, когда они увидят, что вы такие же люди, как Дауд, и что вы не покупаете черных людей, они сами придут нам на помощь.

Проводник рассуждал правильно. Бушмены, дикие обитатели южноафриканской пустыни, боятся набегов работорговцев и даже чужих бечуанов, поэтому они селятся далеко от воды или не говорят, где берут ее. Законный инстинкт самосохранения так развит у них, что они закапывают в землю сосуды с водой и разводят на этом месте костры. Когда им бывает нужно немного воды для личного потребления, они прибегают к довольно необычному приему. Но при их ограниченных возможностях и когда приходится быть постоянно начеку, им ничего другого не остается. Женщины укладывают в мешок или сетку штук двадцать, двадцать пять страусовых яиц, верней – пустую скорлупу. В этой скорлупе проделана дырочка, в которую можно просунуть палец. В скорлупах они переносят воду и хранят ее. Они отправляются к роднику, засыпанному песком, и руками разгребают ямку. Дойдя до твердого слоя, они берут полый тростник длиной сантиметров в семьдесят, прикрепляют к одному концу пучок травы и втыкают этим концом в яму. Когда это сделано, они ее снова засыпают песком, но так, чтобы верхний конец тростника оставался свободным. Через этот свободный конец они ртом втягивают в себя воздух до тех пор, пока через траву медленно, трудно не начинает подниматься вода. А воду они изо рта, глоток за глотком, переливают в яичные скорлупы, но не сплевывая, а спуская по соломинке. Я говорю «по», ибо вода стекает по ее наружной стороне, не проникая внутрь.

Каждый может убедиться, насколько превосходен этот способ, – стоит только попробовать наполнить водой бутылку, стоящую на некотором расстоянии от сосуда, из которого вода вытекает, или пустить струю вдоль какой-нибудь ветки, приставленной по диагонали к тому сосуду, который надо наполнить.

Когда сосуды наконец полны, женщины уносят их в крааль и тщательно закапывают. Пусть явится неприятель или чужеземец – он сможет разграбить все село и обыскать всю округу, но воды не найдет ни капли. По этому поводу рассказывают характерную историю, показывающую, что для бушмена недостаток воды является первостепенным средством самозащиты.

Однажды в бушменский крааль пришли умиравшие от жажды бечуаны и попросили воды. Бушмены ответили, что воды у них нет, потому что сами они никогда не пьют. Бечуаны, убежденные в том, что их обманывают, решили разоблачить этих негостеприимных кочевников. Они караулили денно и нощно, совершенно погибая от жажды, но надеясь, что в конце концов вода все-таки выйдет из своего укрытия. Несмотря на все свое упорство, они через несколько дней отчаялись добиться успеха.

– Як! Як! – кричали они в ужасе. – Надо поскорей удирать отсюда! Это не люди!

А бушмены обманывали своих бдительных непрощенных гостей и каждый день пили воду из своих подземных запасов.

Не стоит слишком распространяться о тех новых муках, какие претерпели наши несчастные путешественники, прежде чем добрались до краалья, открытого Альбером де Вильрожем. Скажем только, что они шли, верней, тащились пятнадцать мучительных часов, почти не останавливаясь. Они понимали, что если остановятся на более или менее продолжительное время, то у них не будет сил снова подняться.

Мастер Виль больше, чем когда бы то ни было, проклинал свою сумасшедшую затею и свое честолюбие и уже тосковал по скромной должности, которую занимал в Нельсонс-Фонтейне. Теперь это уже был не самоуверенный, подталкиваемый радужными надеждами сыщик, чьему имени предстояло вскорости прогреметь вплоть до самой метрополии. Теперь он охотно согласился бы снова подставить себя под шуточки коллег, лишь бы ему дали вернуться в их среду. Да что там – за стакан воды он, Вильям Саундерс, сам пошел бы выполнять теперь все работы вместе с разными проходимцами, приговоренными к принудительным работам.

Совсем другое дело – его преподобие. Вот кого не покидала мрачная энергия. Казалось – по крайней мере, внешне, – что этому человеку чужды обычные человеческие потребности. Он говорил мало, никогда не жаловался и только шагал и шагал. Спутники не переставали восторгаться его непреклонной твердостью и, по простоте, приписывали ее одной только его горячей вере, не подозревая, конечно, что имеют дело с гнусной алчностью и бессовестным двуличием. Каждую ночь мерзавец ненадолго отлучался к своим чернокожим сообщникам, которые следовали за караваном на небольшом расстоянии, и получал от них продукты и воду, отсутствие которых так тяжело переносили несчастные французы, их проводник и полицейский.

Единственное, что интересовало лжемиссионера, были сокровища кафрских королей. Каждый миг его мысль, перелетая пустыню, переносилась на Замбези. Там он видел сверкание драгоценностей, обладание которыми, как он рассчитывал, должно было принести ему и его сообщникам вожаемое богатство, так долго и с таким трудом разыскиваемое. Ему казалось, что смерть делает свое дело слишком медленно. Он охотно помог бы курносой, чтобы поскорей завладеть картой, находившейся у одного из трех французов. Он только не знал, который именно из них держит при себе этот драгоценный документ, и опасался испортить все дело неверным шагом или бессмысленным преступлением.

Ни Альбер, ни Жозеф, ни Александр не делали ни малейшего намека на цель своего путешествия, и бандит никогда ничего не заподозрил бы, если бы не рассказы бура Клааса. У его преподобия и в мыслях не было убивать французов руками своих сообщников. Напротив, он не исключал, что, будучи людьми осторожными и искушенными, французы и вовсе не взяли карты с собой. Они могли тщательно ее изучить и хорошо запомнить, так чтобы, придя на место, уметь обойтись без нее.

Их не только не следовало убивать, но, если нынешнее тяжелое положение затянется, надо будет даже помочь им.

И так как всему приходит конец, даже страданиям, то, дойдя до предельного изнеможения, путники увидели бушменский крааль. Мужчины, должно быть, ушли на охоту, а у женщин и детей появление белых вызвало обычный страх, смешанный с любопытством.

Зуга, крепкий, точно он был сделан из бронзы, перенес все тяжкие лишения относительно легко. Он поддерживал Александра, который еле волочил ноги. Обращаясь к женщине, которая толкла просо в ступе, он два раза умоляющим голосом сказал ей:

– Метце! Метце! (Воды! Воды!)

Женщина подняла голову. В ее черных глазах промелькнуло выражение сострадания, но она быстро его подавила, даже как будто устыдилась этого непроизвольно обнаруженного чувства, и с усердием продолжала свое однообразное занятие.

– Женщина, – сказал проводник, – этот белый человек – друг черных людей. Он и его спутники – такие же люди, как Дауд. Они не уведут в рабство воинов пустыни. Они накормили воинов Калахари, которые умирали от голода. Дай им напиться.

У Александра подкашивались ноги. Его могучий организм был сломлен и обречен на гибель. Альбер и Жозеф бредили, мастер Виль хрипел. Один только лжемиссионер смотрел на всех своими бесстрастными и пронзительными глазами.

– Женщина, – повторил Зуга, – дай пить этим белым. Я отдам за них мою кровь.

Бушменка молча поднялась, вошла в шалаш и вернулась через несколько минут, неся две скорлупы страусовых яиц, наполненные свежей, прозрачной водой.

Путники, уже почти агонизировавшие, пили жадно, хотя проводник экономно отмерил каждому совсем небольшую порцию. Вернувшись к жизни, они едва были способны пробормотать слова благодарности и тотчас заснули тяжелым сном.

Не прошло и часа, как этот целительный сон был прерван пронзительными криками. Две женщины склонились над ребенком, который кричал, показывая ногу.

– Что случилось? – спросил Александр.

Одна из женщин, как раз та самая, которая дала им пить, смотрела на бедного малыша, и глаза ее наполнились слезами.

– Он укушен, – наконец с трудом выговорила женщина.

Затем она взяла ребенка на руки и, страстно его целуя, подала европейцу.

У малыша уже опухла ножка, и на месте укуса, на светло-коричневой коже, образовалось серое пятно. Две капельки крови, как два рубина, просочились из двух маленьких ранок.

– Это змея пикаколу, – с грустью пробормотал Зуга. – Сам Дауд не знал средства против этого укуса. Женщина, твой ребенок умрет.

В это время из одного шалаша вышел старик. Он холодно осмотрел рану и, покачивая головой, подтвердил:

– Пикаколу...

Ничего больше он не сказал и лишь молча следил за быстрым действием яда. Нога у ребенка распухла и распухла, и бледноватое пятно подымалось к бедру.

Мать сидела на земле. Она молча плакала крупными слезами и судорожно прижимала к себе малыша, который издавал душераздирающие крики.

– Ты уверен, что умрет? – спросил у проводника Александр.

– Через полчаса. Против укуса пикаколу средств нет.

– Клянусь, эта несчастная женщина заслужила нашу благодарность. Я попробую заплатить ей долг. Альбер, – обратился он к своему другу, – у нас нет никаких прижиганий, и, похоже, нет даже жаровни с углями. Высыпь мне порох из одного патрона. А ты, Зуга, скажи женщине, что я попытаюсь вырвать ребенка из лап смерти, но ему будет больно.

Мать отдала малыша беспрекословно и устремила на белого человека взгляд, полный нежности и доверия.

Из своего дорожного прибора Александр достал ланцет, сделал на месте укуса два крестообразных надреза, раздвинул края и нажал, чтобы выжать кровь, которая все не вытекала.

Затем после секундного колебания он взглянул на скорбящую мать, увидел жаркую мольбу в ее глазах, полных слез, и посмотрел на ребенка, которого сотрясала страшная судорога.

Альбер как будто угадал, что переживает его друг, и у него сжалось сердце. Он побледнел, но не сделал ни малейшего движения, чтобы остановить сопряженную со смертельным риском безумную попытку Александра.

Преодолевая страх, Александр прильнул ртом к одной из ранок и стал отсасывать кровь, время от времени сплевывая покрасневшую слюну.

Напрасно пытались вмешаться и его преподобие, и полицейский.

Не слушая их и не отвечая им, Александр прильнул ко второй ранке и стал из нее также отсасывать кровь, отравленную ядом ужасной змеи. Решив, что отсосано достаточно, он повернулся к Альберу.

– Порох! – кратко сказал он. – Высеки огонь! Зажги трут...

Каталонец все предвидел и все приготовил.

Александр крепко зажал раненую ножку, насыпал немного порошу на одну из ранок и поднес трут, каким они обычно пользовались для разжигания огня. Порох вспыхнул, поднялось белое облачко, запахло жженым мясом. Ребенок корчился и кричал.

– Хорошо! Давай дальше! Этого мало. Начнем снова.

В три приема он повторил ту же болезненную операцию, не обращая внимания на отчаянные крики маленького страдальца.

Несчастная бушменка снова подняла свои заплаканные глаза и опять посмотрела на француза взглядом нежным и глубоким, как у антилопы. Героический француз понял ее немой вопрос.

– Надейся, женщина, – сказал он мягко. – Твой ребенок будет жить.

Его прервал внезапный раскат саркастического хохота, за которым последовал нечеловеческий крик.

Александр резко повернулся, как если бы сам наступил на змею. Он остолбенел, увидев чернокожего с тяжелой колодкой на шее, который со всех ног бежал к ребенку. Малыш уже тем временем перестал плакать. С диким криком негр схватил его на руки и стал судорожно сжимать в объятиях.

Тут снова раздался смех, похожий на скрежет пилы, и длинный бич из кожи гиппопотама, опустившись на спину несчастного бушмена, оставил на ней кровавую полосу.

Глава 10

Процессия рабов. – Работоторговцы. – Что такое чамбок. – Так ему и надо! – Искушение. – Благодарность – добродетель чернокожих. – Праздник в краале. – Пирушка у туземцев. – Корни, кузнечики, гусеницы, ящерицы, черепахи и лягушки. – Остроумное устройство печи. – Пиво в плетенке. – Приготовления к большой охоте.

Европейцы были поглощены наблюдением за героическим и безумным поступком Александра, а мать умиравшего ребенка была целиком во власти своего горя и своей надежды, поэтому никто не заметил, какая мрачная процессия неожиданно показалась в долине, направляясь в сторону беззащитного краала. Человек пятьдесят негров с закрученными за спину руками и со связанными ногами, как у приговоренных к смерти, медленно плелись под конвоем вооруженных до зубов мулатов со зверскими лицами. Несчастные негры изнемогали от усталости и умирали от жажды. Из утонченного варварства их привязали за шею по двое к одному бревну в три метра длиной и с развилками на обоих концах. Прикрепленные друг к другу этим двойным ярмом, негры были лишены возможности хотя бы повернуть голову. Так они и плелись, спотыкаясь на каждом шагу, безжалостно подгоняемые чамбоком⁸. В довершение всего несколько женщин, несших за спиной маленьких детей, были так же скованы попарно и подвергались тому же бесчеловечному обращению.

Подлые барышники, которые перегоняли это человеческое стадо, были одеты по-европейски: они носили куртки и хлопчатобумажные штаны, широкополые соломенные шляпы и сапоги со шпорами. Их лица, на которых застыло выражение жестокости, были бы страшны, даже если бы с ними пришлось повстречаться в стране цивилизованной. А уж в этой дикой и заброшенной пустыне они были до того омерзительны, что и рассказать трудно.

Александр, Альбер, Жозеф и даже мастер Виль не могли поверить своим глазам. Как! В XIX веке, в нескольких переходах от английских владений еще встречаются злодеи, занимающиеся возмутительной торговлей людьми? И в жилах этих чудовищ течет наполовину кровь тех самых черных народов, которыми они торгуют, и наполовину кровь белых! Какая мерзость!

Александр, еще чувствовавший на себе молчаливый взгляд матери спасенного им ребенка, внезапно ощутил приступ того бешеного гнева, с каким не умеют совладать люди, обычно спокойные. Только что он смело рискнул собой, чтобы спасти жизнь ребенка. Он не мог сохранить хладнокровие, когда его самоотверженности был брошен такой вызов.

Этот негр, который завыл после удара бичом, но лицо которого все же сияло сверхчеловеческой радостью, не мог быть никем иным, как отцом спасенного малыша. Своими зоркими глазами сына природы он издали увидел, что здесь происходит, и понял великодушный поступок белого. Сделав отчаянное усилие, он сломал свое ярмо и подбежал к ребенку. А кон-

⁸ Бич, которым погоняют волов, запряженных в повозку: это огромная полоска кожи гиппопотама или носорога длиной в два метра, толщиной сантиметра в четыре у рукоятки и постепенно сужающаяся; чамбок предварительно хорошо просушивают, затем обрабатывают деревянной колотушкой, после чего он получает удивительную прочность и гибкость; средней силы удар, нанесенный быку, вырывает у него шерсть и оставляет след, который держится целый день. (Прим. автора.)

воир-мулат, делая вид, что заподозрил попытку к бегству, безжалостно вытянул его чамбоком и рассмеялся, когда улыбка радости несчастного отца смешалась со слезами и с кровью.

На француза это зловещее веселье подействовало как пощечина. Он резко выпрямился во весь свой гигантский рост, подскочил к насильнику, вырвал у него чамбок и так хватил его этим самым чамбоком по скотской роже, что тот сразу облился кровью.

– Это белый из Европы! – пробормотал мулат сдавленным голосом. – Это настоящий белый!

– Да, мерзавец, я белый, и я европеец, и ты мне сейчас за все ответишь! На колени, презренная тварь! На колени перед всеми этими людьми, которых ты лишил свободы!

И поскольку тот, охваченный жутким страхом, не послушался этого повеления, Александр нагнул его крепкой рукой атлета и со всего маху швырнул на землю.

Крик радости вырвался у чернокожих, когда они увидели, что возмездие близко. Но другие работорговцы, сообразив, что положение становится угрожающим, приготовились к борьбе.

– Бросить оружие, или я сейчас же застрелю этого мерзавца! – приказал им неумолимый мститель. – Альбер, Жозеф, возьмите их на мушку! И пулю в лоб тому, кто шевельнется.

Когда работорговцы увидели, что на них смотрят стволы крупнокалиберных карабинов, рассчитанных на слонов, они поняли, что белые незнакомцы одержали победу. Тогда они поспешно побросали ружья на землю. И хорошо сделали, потому что оба наших каталонца, Альбер и Жозеф, были в таком состоянии, что еще немножко, и они бы застрелили работорговцев, как гиен.

Пусть не удивляется читатель, что три случайных человека смогли так сразу отбить у мулатов всякую охоту к сопротивлению. Надо знать, как велик у этих первобытных народов престиж чистокровных белых, насколько он выше престижа людей со смешанной кровью, особенно тех, кто происходит от португальцев и туземных женщин. Эти презренные полукровки бесчеловечно жестоки в обращении с чернокожими, но один лишь вид европейца внушает им почтение.

– А теперь, – сказал Александр, – чтобы искупление было полным, ты и твои достойные товарищи, освободите-ка этих людей, которых вы хотели угнать! Развяжите их! И живей!

Покуда у мулата страдала только шкура, он молчал. Но когда под угрозой оказался его карман, он заволновался и попробовал сторговаться. Жадность сильнее страха.

– Но позвольте, *senhor branco*, эти люди принадлежат мне. Я купил их... И дорого за них заплатил... Я их купил у родного брата царя Сикомо. Я должен доставить их на Вааль, бурам. Им там будет очень хорошо. Смотрите, как они здесь несчастны, в этой пустыне, где нечего ни пить, ни есть... А там о них будут заботиться. Вот что, белый сеньор, если вы хотите купить их у меня, я их уступлю вам без всякой наживы. Не захотите же вы этак вот разорить бедного человека, я надеюсь. Вы мне заплатите за них сколько хотите и когда хотите. Слово белого человека свято.

– Ах, трижды мерзавец! – воскликнул Александр, которому эта беседа уже начала надоедать. – Ну погоди же, я тебе заплачу сейчас же! И с лихвой! То, что ты получил от меня чамбоком по роже, пока только задаток. Подожди минуту, сейчас мы произведем полный расчет.

Подкрепляя свои слова делом, он поднял чамбок, который все время судорожно сжимал в руке, и стал так добросовестно обрабатывать шкуру негодяя, что тот, задыхаясь, запросил пощады и милости.

– Развяжи этих людей, – приказал ему Александр, которого эта экзекуция над работорговцем несколько утихомирила – он уже чувствовал, что его нервы успокаиваются.

Несчастные невольники, почуяв свободу и видя, что их враги обезврежены, стали кричать от радости. Некоторые пытались поломать свои «бревна рабства», как здесь называют деревянные колодки, надеваемые на невольников.

Освободитель, желая, чтобы его приказание было выполнено в точности, сделал неграм знак не шевелиться. Затем он взял за ухо мулата, тяжело дышавшего после полученной трепки, и, проведя его по рядам, заставил развязать одного за другим всех невольников, и в первую очередь женщин. Альбер и Жозеф, держа в одной руке тесаки, другой рукой схватили каждый по одному мулату, и даже мастер Виль схватил здоровой рукой пятого и поволок его, несмотря на сопротивление. Один только преподобный довольно растерянно смотрел на шестого мулата. Но этот последний, видя, что все его сообщники поневоле покорились и развязывают путы на невольниках, подчинился беспрекословно. Он был счастлив, что дело обошлось для него без проклятого ремня.

Не прошло и пятнадцати минут, как справедливость восторжествовала – невольники получили свободу. Колодки были свалены в кучу, а Зуга, угадывая мысли белых, развел костер и бросил «бревна рабства» в огонь. Бушмены затеяли бешеную пляску, на которую шестеро работаровцев смотрели разочарованно и понуро.

– Вы нарушили самые священные права человека! – строго сказал им Александр. – Вы лишили этих людей свободы. Я мог бы отдать вас им на растерзание, но мы судьи, а не палачи. Я ограничусь тем, что отберу у вас оружие. Идите на все четыре стороны. Где-нибудь вы найдете себе веревку. Марш!..

Укрошенные тоном и взглядом молодого человека, негодяи робко поглядывали на бушменов, которые, вероятно, с удовольствием разорвали бы их на куски. Опустив головы и побросав все свое оружие, они медленно удалились.

Александр позвал проводника:

– Собери все эти ружья, сабли, ножи, раздай людям – пусть у них будет чем защищать свою жизнь и свободу.

Затем он резко обернулся, почувствовав какое-то теплое и мягкое прикосновение к своей руке. И тотчас лицо его, доселе бледное от гнева, осветилось доброй улыбкой: он увидел бушмена и его жену, склонившихся над заснувшим ребенком.

Бушмен весь сиял от счастья. Тихие слезы текли из его черных глаз, и он их не сдерживал. Одна из этих жемчужин, в тысячу раз более ценная, чем настоящий жемчуг, упала Александру на руку.

Тут раздался веселый голос Жозефа:

– Карай! Теперь, когда бся эта падаль ушла, а доврые вушмены бернулись домой, можно немного и побеселиться! Не прабда ли, месье Альвер?

И действительно, в этот день в краале был праздник. Бушменам хотелось достойным образом чествовать своих белых заступников. На стол поставили все, что было, и европейцы увидели такие яства, о существовании которых никогда и не подозревали.

Много было блюд не только странных, но даже таких, на которые наши друзья, несмотря на их отвагу, поглядывали с опаской. Сначала пошли вкруговую красивые тарелки, искусно сплетенные из трав и наполненные зелеными гусеницами лопане, которые имеют до десяти сантиметров в длину. Бушмены набросились на них с жадностью. Затем гостям подали второе блюдо. Это были личинки некоего крылатого насекомого, покрытые сладковатой слизью. Насекомое называется «мопане». Этим именем туземцы обозначают, собственно, дерево, на котором данное насекомое живет. Европейское название дерева – баугиния. Оно очень красиво, но обладает странной особенностью, вследствие которой его листья дают мало тени. В жаркие часы дня они свертываются и подставляют солнечным лучам только жилки. А в складках этих листьев находит себе приют маленькое съедобное насекомое⁹. Жареные кузнечики, эти воз-

⁹ По словам М. О. Уэствуда, личинки, которые можно найти на листьях баугинии и которые едят африканцы, относятся к семейству листолюбок отряда равнокрылых, по размеру они небольшие, но весьма прожорливы, похожие встречаются в листьях эвкалипта в Австралии. (Прим. автора.)

душные креветки, как их шутливо назвал Альбер, имели у наших европейцев немного больший успех. Вид больших сушеных ящериц, сухих, как вяленая треска, вызвал у Жозефа тошноту. Зато он налег на восхитительный корнеплод, имеющий до метра в окружности. По-бушменски он называется «маркуаэ». Его сочная и питательная мякоть тает во рту и напоминает сметану. Затем ели камерос и каанапс, похожие на картошку, но сладкие. Они были поданы в вареном виде, и люди, которые несколько дней не видели никакой горячей пищи, ели их с аппетитом.

Белые не соблазнились ни гусеницами, ни ящерицами, ни личинками, но отдали честь питательным растениям и были уже сыты, когда торжественно внесли новое блюдо. Восхитительный запах, который оно издавало, хотя было плотно закрыто в глиняных котлах, стал еще больше раздражать аппетит, так что лакомства вегетарианские были отставлены.

Альбер без всякой церемонии поднял крышку с первого котла, в котором легко мог бы поместиться средней величины теленок. Там оказалось штук шесть черепах. Они были приправлены ароматными травами и варились вместе с панцирями.

– Браво! – воскликнул каталонец. – Хотя ящерица и друг человека, но не в вареном виде! Да здравствуют черепахи!

– И лягушки! Да здравствуют лягушки! – воскликнул Александр, хватая второй котел. – Вот это уж вполне французское кушанье местной или, скорее, национальной кухни. Отказаться от него было бы не то что неблагодарностью, но просто-таки преступлением против кулинарии. Господа англичане, – обратился он к его преподобию и к полицейскому, – не угодно ли?

Но оба гражданина Соединенного Королевства, у которых это милое земноводное еще не завоевало симпатий в качестве еды, ответили выразительной гримасой отвращения.

– Напрасно, господа, поверьте моему опыту. В Нельсонс-Фонтейне мне не раз случалось дополнять обед этим блюдом, и я, право, не знаю ничего вкусней.

– Что черепахи и лягушки встречаются на алмазных полях, где поблизости имеются болота, меня ничуть не удивляет, – заметил Альбер с полным ртом, – но не понимаю, как они попали в здешние выжженные места?

– Я тебе объясню, – сказал он, продолжая есть. – Но прежде всего я должен отметить, что бушмены готовят их гораздо лучше, чем мой бывший повар-китаец. Он попросту варил их в кастрюле, а наши хозяева, по-видимому, ставят их в духовку.

– Как – в духовке? Я здесь не вижу никакой духовки.

– Ну вот! Неужели я должен тебе описывать Южную Африку? Ты, кажется, исколесил ее с севера на юг и с востока на запад, в то время как я ничего не видел, кроме своего участка в Нельсонс-Фонтейне!

– А все-таки объясни! Я не настолько самолюбив.

– Да ведь очень просто. Видишь этот конусообразный холм? Ты, быть может, принимаешь его за хижину? Ошибка, дорогой мой. Это муравейник. Наши бушмены проделали у самого основания отверстие, просунули туда огонь и выжгли коренных обитателей. Потом они хорошенько все прочистили, и получилась прекрасная печь. Ею пользуется вся деревня. Каждый, как ты сам теперь видишь, варит, жарит и печет в ней что хочет.

– Ладно, а при чем тут лягушки и черепахи? Они правда восхитительны. Но посмотри, какие они крупные. Особенно лягушки. Если у них и голоса соответствующие, то это должны быть басы-профундо, они должны заглушать рычание льва и крик страуса. Взгляни-ка на эту. Она не меньше пулярки. Да и вкусом не хуже.

– Местные жители зовут их... Вот я уже и забыл!

– Здесь их зовут матламетло¹⁰, – напомнил его преподобие, который до сих пор раскрывал рот только для того, чтобы поглощать пищу. Он ел с жадностью человека, который страдает солитером.

¹⁰ *Ruxicephalus adsperses* доктора Смита. (Прим. автора.)

– Матламетло, вот именно! Благодарю вас, ваше преподобие. Туземцы думают, что эти лягушки падают с неба.

– Шумная манна, я вам доложу! И тяжеловесная!..

– Ах ты, Фома неверующий! Во всяком случае, в дождливое время года они живут в лужах, которые образуются на здешних твердых грунтах. Когда наступает засуха, матламетло устраивают себе жилища под кустами и прячутся там до новых дождей. Они выходят только в дождь, а дождей здесь не бывает месяцами. Этим пользуется громадный паук, которому нужно ткать паутину: он закрывает ею весь вход в убежище лягушки. Но лягушку это спасает от комаров. Так что, когда бушмены выходят на охоту, они не упускают случая поднять этот занавес, зная, что найдут здесь добычу. А что касается поверья об их небесном происхождении, то вот чем оно объясняется. Перед грозой, когда вот-вот пойдет дождь, лягушки выползают из своих норок и начинают громко квакать, напоминая обезьяну-ревуна. А бушмены страшно боятся молнии. Они прячутся у себя в хижинах, накрывшись кароссами¹¹. Их поражает оглушительное кваканье, и они уверены, что так громко квакать могут только небесные создания. Что касается черепах, то они тоже водятся в песке, осевшем на дне высохших луж. До начала дождей они находятся в состоянии глубокого летаргического сна, если только их не пригласят на пирушку вроде сегодняшней.

– Вот уж поистине чудная страна! – пробормотал Жозеф, уписывая туземное рагу. – Все в земле: корни, вода, животные; воду носят в яичной скорлупе и пиво подают в плетенках. Ведь эта кислятина – пиво? Не так ли, месье Александр?

– Кислятина? – возмутился Александр. – Да ведь это пиво из сорго! Прекрасное пиво!..

– Оно вполне может выстоять против лучших страсбургских и мюнхенских сортов, – прибавил Альбер. – Но меня не меньше удивляет посуда. Ведь это плетенки! Они сделаны из растительного волокна. Но посмотрите, как вкусно! Они совершенно водонепроницаемы, как тканые рукава пожарных помп!

– Твое сравнение поистине точное. Больше того – выражение «корзина с пивом», здесь означающая сосуд для жидкого содержимого, в Европе могло бы быть понято совсем иначе, ведь у нас слово «корзина» употребляется совсем в ином случае.

Пирушка в честь освобождения, героями которого были европейцы, получившие все почести, затянулась до поздней ночи и закончилась плясками, каких гости еще не видали. Если судить по фантастическим телодвижениям, которые танцующим подсказывала африканская Терпсихора, их радость была ни с чем не сравнима, разве только с их неутомимостью. А ведь всего неделю назад эти бедные люди, выйдя на охоту, были пойманы враждебным племенем, вступившим в союз с португальскими мулатами-работорговцами! Но каких только чудес не совершает и с людьми первобытными, и с людьми цивилизованными магическое чувство свободы!

Несмотря на бешеную пляску и обильные возлияния, какими она сопровождалась, утро застало жителей краала бодрыми, как стадо спрингбоков – антилоп-прыгунов.

Поскольку из-за подлого нападения работорговцев сорвалась большая охота, на которую ушли все здоровые мужчины, а бушменам все же хотелось продолжить увеселения, они пригласили своих новых друзей на грандиозную облаву. Засуха вызвала сильную нехватку продуктов, так что устроить облаву было необходимо, и решено было закончить ее грандиозной травлей, во время которой сотни, а быть может, и вся тысяча животных должна была попасть в хопо.

Как ни хотелось нашим трем приятелям продолжать путь на север, они не могли отказаться от приглашения. Да им и самим необходимо было спокойно провести хоть несколько дней в краале: во-первых, чтобы восстановить силы, во-вторых, чтобы закрепить дружбу с бушменами, на помощь которых они еще рассчитывали в будущем.

¹¹ В Южной Африке кароссами называют большие плащи, сделанные из звериных шкур. (Прим. автора.)

Мастер Виль вполне основательно сослался на свою больную руку и изъявил желание остаться в деревне. Проповедник, который до сих пор ничего не проповедовал по причине отсутствия слушателей, нашел наконец, где применить свои таланты, и стал всерьез наставлять на путь веры бушменских женщин и детей. Это позволило ему уклониться от столь светского развлечения, как охота, и он тоже остался в деревне.

А глотнув от души местной водки из плодов дерева вроде сливы, называемого «муцуни», бушмены решили немедленно приступить к приготовлению хопо. На это требовалось не меньше двух дней.

Европейцы, охотно согласившиеся принять участие в охоте, постарались использовать эти сорок восемь часов передышки с наибольшей пользой.

Глава 11

Мысли человека, верящего в ясновидение. – О гигантских мимозах. – Утерянный медальон. – Облава. – Что такое «хопо». – Антилопы, жирафы, буйволы, зебры, квагги, канны, куду. – Охотничий праздник. – Невиданное скопище южноафриканских зверей. – Паника. – Избиение. – Что произошло, когда ранили кваггу. – Нос к носу с огромным крокодилом. – Обезоружен. – Смертельная опасность.

– Знаете, дружище Жозеф, ваши суеверия подарите бушменам! Где это видано, чтобы белый человек так расстраивался из-за сновидения!

– Из-за сновидения, месье Александр? Карай, скажите лучше – из-за страшного кошмара.

– А хоть бы и кошмара. Но ведь вы проснулись, и неприятные вещи, которые вы видели, исчезли?

– Что вы! Они все еще стоят у меня перед глазами, и мне страшно. Знаете, мы, каталонцы, верим в ясновидение.

– А бушмены и бечуаны верят, что их колдуны могут вызвать дождь! Впрочем, они правы, в конце концов. Когда их колдуны несколько недель подряд заклинают солнце, луну и звезды, дождь все-таки начинает идти... раньше или позже.

– Да, но, знаете, месье Александр, ясновидение...

Александр только рассмеялся.

– А ты, Альбер, – спросил он своего друга, – ты тоже видел кошмар этой ночью? Ты нем как рыба; и бледен, как саван того привидения, которое посетило Жозефа. Эх вы, горцы солнечных краев! Вы забыли, где родились и где находитесь! Вы бродите в густом тумане, в обществе героев Вальтера Скотта – всяких гномов, кобольдов и домовых. Не забывайте, что мы находимся в Южной Африке. Здесь все призраки и привидения можно потрогать руками, и легенды нашего Старого Света здесь еще хождения не имеют.

Альбер де Вильрож, всегда казавшийся веселым, тоже обнаружил в этот день какую-то странную озабоченность.

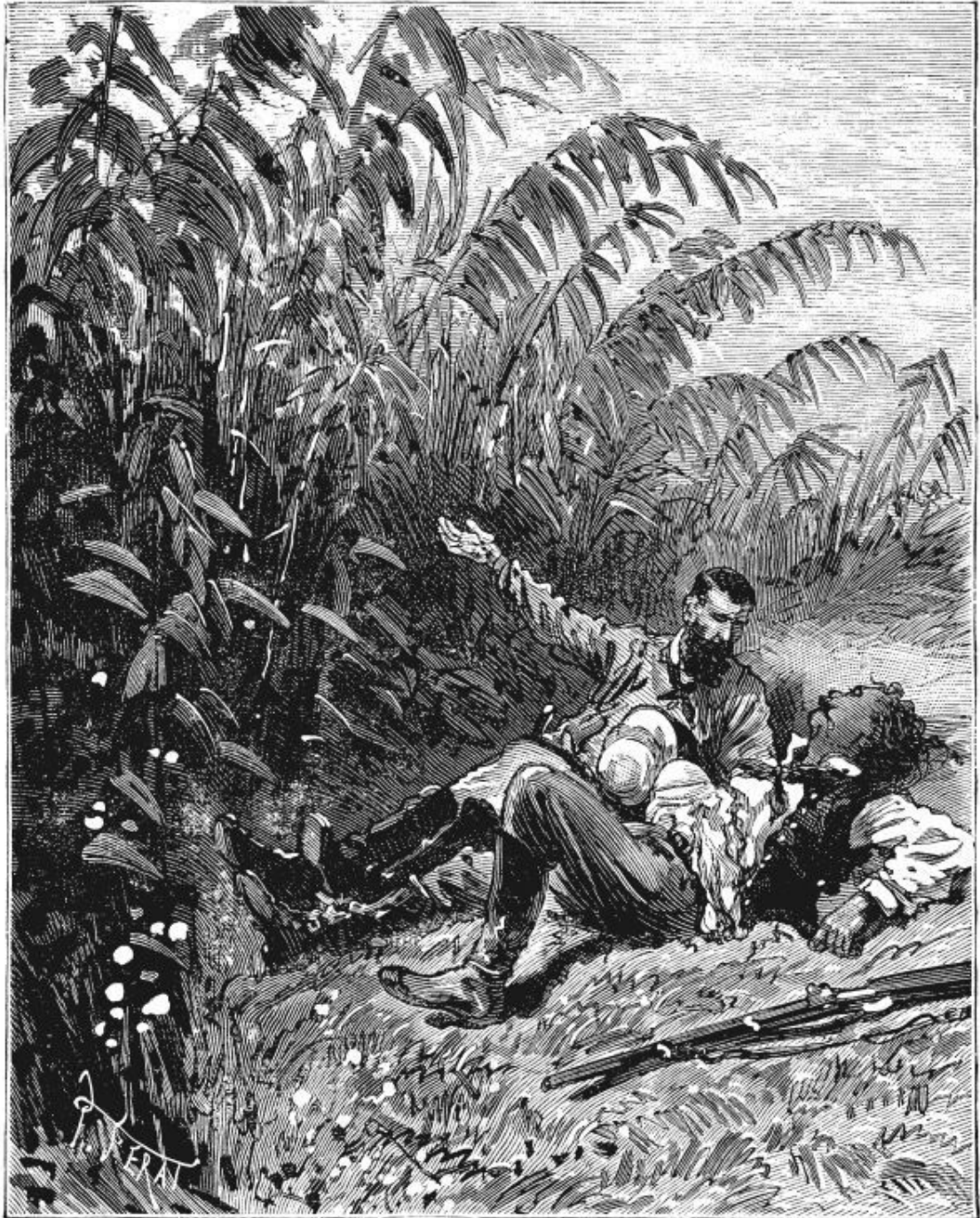
– Ах, дорогой мой Александр, – ответил он угрюмым, почти страдальческим голосом, – усилиями разума можно иногда разогнать страхи, которые нагнало ночное сновидение. Однако у некоторых особенно чувствительных субъектов сны вызывают совершенно реальные мучения.

– Так! Вот тебе еще один перепуганный!..

– Можешь смеяться сколько угодно, ведь тебе-то организм позволяет поплевывать на все предчувствия такого рода! А мы, южане, народ нервный, и от иных переживаний нам бывает не так легко отделаться. Взгляни на эту гигантскую мимозу, под которой мы лежим. Ты не находишь, что есть что-то общее между чувствительностью ее нежно-зеленой листвы к разным

метеорологическим влияниям и моей душой, которую терзают таинственные ночные сновидения?

– Знаешь, у тебя получается какая-то смесь метафизики с ботаникой, и я ничего не понимаю.

– Сейчас объясню. Еще вчера это прекрасное дерево было величественным и пышным. Его ветви смело поднимались вверх, к небу, и нежные листья сладострастно принимали поцелуи солнца. А сегодня оно выглядит больным, ветви обвисли, листья свернулись – короче, больное дерево.

– Да ведь приближается гроза. И меня уже мучает мой застарелый ревматизм, а ведь я-то далеко не мимоза.

– Значит, ты допускаешь, что растение может заранее, за несколько дней или часов, предчувствовать приближение разных явлений природы? А человек, человеческая мысль не может, по-твоему, предчувствовать катастрофу?

– Конечно не может! Не будем смешивать причину со следствием. Мимоза съеживается оттого, что воздух насыщен электричеством. А твой разум поразило...

– Мой разум поразило то, что он видел во сне, и он чувствует – или ему кажется, что он чувствует, – приближение опасности.

– Да, но атмосферное электричество и гроза – вещи вполне реальные, а твоя опасность вымышленная.

– Этого ты не знаешь!..

– Ты просто болен, друг мой. У тебя лихорадка, вот ты и несешь какую-то околесицу.

– Да нет же! Заметь, все у нас в экспедиции пошло плохо с самого начала.

– Вот уж чего бы я не сказал! Правда, у нас были приключения, и довольно-таки сложные, но ведь мы очень хорошо выпутались из всех бед. И мы все-таки хоть и потихоньку, а приближаемся к цели нашего путешествия.

– Я не об этом говорю. Со мной однажды случилась неприятность. Я не хотел тебе даже и рассказывать, но сегодня она мне как-то очень уж отчетливо припомнилась, и все из-за этих ночных сновидений. Когда мы уходили из Нельсонс-Фонтейна, я потерял медальон с портретом Анны. Не знаю, где, в каком именно месте и в какую минуту я его потерял. Возможно, когда мы были в фургоне у того торговца. Так или иначе, но на другой день, когда я захотел взглянуть на портрет моей любимой – украдкой, поскольку любовь моя скромна, – я увидел, что цепочка оборвана, а медальона нет.

– Конечно, – мягко сказал Александр, – это большая потеря, я не буду спорить. Однако, дорогой мой Альбер, ты потерял только портрет. А ведь оригинал остался, и он возместит тебе твою потерю. Конечно, это досадно и грустно, но ведь эта беда поправима, и с ней можно примириться.

– Я и примирился. Не ребенок же я, черт возьми! Однако поверь, несмотря на все успокоительные слова, которые мне подсказывает рассудок, я не могу побороть мрачные предчувствия в отношении Анны.

– Вполне естественный результат разлуки.

– Хочу так думать. Но сегодня ночью я видел Анну. Она умоляла помочь ей, у нее был такой душераздирающий голос, она так страшно кричала, что я проснулся весь в поту. Я был как сумасшедший. У меня стучало в висках, теснило в груди... И тут появляется Жозеф, и у него тоже расстроенный вид. Оказывается, что ровно в ту же самую минуту ему тоже привиделась Анна в каком-то отчаянном положении. Но что это с тобой? Ты так побледнел...

– Ничего. Это со мной бывает... Нервы... – ответил Александр и подумал про себя: «А вдруг они правы? Я не знаю госпожи Анны де Вильрож. Но она жена моего названного брата, и я люблю ее, как сестру. А ведь и мне приснилось, что она переживает страшные затруднения и зовет на помощь...» – Другу же своему он сказал: – Дорогой мой, твоей жене ничто не грозит. Она живет со своим отцом в большом городе, и у нее не может быть иных забот, кроме самых обычных, свойственных для цивилизованной жизни. А что касается нас, то мы должны выполнить определенную задачу. Нам нельзя быть малодушными, надо идти вперед и вперед. Пустыня иногда действует расслабляюще на самых закаленных людей, но это проходит. А мы целых два дня ничего не делаем. Да еще такие переживания. Конечно, это тоже повлияло. Но пора седлать коней и отправляться в путь. Сутки в пути по направлению к тайнику, где лежат сокровища кафрских королей, – и все будет забыто.

– Я, кстати, хотел тебе сказать по этому поводу два слова, пока мы одни.

– Пожалуйста! Его преподобие успешно сбывает свой запас проповедей, а мастер Виль ему помогает, как будто он всю жизнь ничем другим не занимался. Говори, мы с Жозефом слушаем.

– Надо было бы еще раз и самым тщательным образом просмотреть карту.

– Мне это не нужно, я твердо полагаюсь на свою память. У меня в голове все очертания местности: и базальтовая стрелка, и весь островок, расположенный у порогов, и три акации. Все это я могу воспроизвести по памяти.

– А ты, Жозеф?

– Ну, знаете, у меня для таких вещей голова неподходящая! Вот если бы я там разок побывал, то уж второй раз нашел бы это место с завязанными глазами. Вы вперед идите, а я уж пойду за вами по пятам. Покажите мне место издали. Если это вершина крутой скалы, я взберусь, как ящерица. Если надо нырнуть в соленую или пресную воду – пожалуйста. Если надо пуститься в лес – пожалуйста. В чащобе я сориентируюсь не хуже, чем в каштановых рощах на склонах Мон-Капей. В болото – пожалуйста. По болоту я скольжу еще лучше, чем по снегам Канигу. Но чтобы я разбирался в этой черно-белой мазне, в этой тарабарщине, – нет, этого вы от меня не требуйте. Я отказываюсь. Это по вашей части, вас даже латыни учили...

– Ладно, – философски заключил Александр, – ничего не поделаешь. Я вижу, Жозеф относится к топографии враждебно. Тем хуже и для него, и для топографии... Но поскольку мы не имеем в виду расставаться, то это значения не имеет. А теперь послушай моего совета: давай уничтожим эту карту. Бог его знает, что может случиться. Мы можем заболеть, нас могут ранить или захватить в плен, а этот документ не должен попасть в чужие руки.

– Если хотите, – сказал Жозеф, – доверьте его мне. В случае опасности я всегда сумею его уничтожить.

– Точно, это идея! На, возьми. И не забывай, что ты держишь при себе все наше богатство.

Сорок восемь часов, которые были нужны на изготовление хопо – огромной туземной ловушки, в которую должны были попасть звери после облавы, – истекли.

Депутация от бушменов пришла в полной военной форме официально пригласить французов. Охота должна была скоро начаться.

Его преподобие и мастер Виль были поглощены своим благочестивым занятием и снова изъявили желание остаться в краале. Александр, Альбер и Жозеф были готовы в одну минуту и пошли с бушменами, которые должны были расставить их на хорошие места и позаботиться обо всех их нуждах.

Участие в такой грандиозной облаве, в которой наши три француза могли бы увидеть южноафриканскую фауну во всем ее разнообразии, конечно, весьма привлекало этих трех заядлых охотников, но они все же не могли подавить тяжелые воспоминания, оставленные ночным кошмаром и последующим разговором.

Особенно был расстроен Жозеф. Его напускная веселость никого не обманывала, и славный малый решил не упускать своих спутников из виду, боясь, как бы с ними не случилось какой-нибудь беды.

Покуда приглашенные на охоту загонщики из соседних племен уходили далеко, на свои места, бушмены, счастливые, как дети, показывали своим новым друзьям хопо, и французы без долгих объяснений поняли его незатейливое устройство.

Представьте себе два частокола вышиной в два метра. Колья перевязаны лианами и крепко сидят в земле. Каждый такой частокол имеет от трех до четырех километров в длину и ни малейшей щели. Они поставлены в долине и почти сходятся под острым углом, в форме колоссальной латинской буквы V. Расстояние между свободными концами равно длине одной из сторон угла. Эти стороны, однако, не сходятся и угла не образуют. Недалеко от точки, где могло бы произойти скрещение, они начинают идти параллельно, на расстоянии метров двадцати один от другого. Так образуется коридор длиной шестьдесят-семьдесят метров. Он

заканчивается ямой размером примерно двадцать квадратных метров и глубиной в четыре. На краях ямы, с той стороны, откуда звери должны появиться, и на противоположной стороне, там, куда они попытаются бежать, лежат поваленные деревья, так что всякая попытка к бегству становится невозможной. Яму прикрывает легкий настил из прутьев, замаскированный травой и листьями, и в нее неизбежно сваливается каждое животное, которое попадает между частоколами.

Загонщики собираются в наивозможно большем числе и уходят далеко, за пять-шесть километров. Там они образуют огромный полукруг и медленно направляются к открытому основанию буквы V. При этом они истоптанно кричат. Дичь, смертельно напуганная их головами и шумом, который они производят, беспрерывно ударяя копытами по щитам, не пытается прорваться сквозь их ряды, а бежит от них. Она бежит стремглав в сторону хопо и попадает между частоколами. Иногда, заметив, что стенки, которые она раньше никогда здесь не видела, начинают сближаться, зверь пытается повернуть обратно, но поздно. Поблизости, в засаде, сидят охотники. Они появляются внезапно, как дьяволы, потрясают копытами, бьют животных, не глядя, а те, имея перед собой только одну дорогу, мчатся в узкий проход и падают в яму. Они валятся одно на другое, пока вся яма не заполняется трепещущей массой, по которой скачут последние из оставшихся в живых.

Именно здесь поставили бушмены трех французов, которые не должны были пропустить ни один из эпизодов этой оживленной охоты и вместе с тем принять в ней участие.

Хопо установлено так, что один частокол идет по открытой местности, а второй тянется через лес. Благодаря такому искусному расположению европейцы смогли укрыться в тени больших деревьев. К тому же теперь неизбежно попадет в загон не только лесная дичь, но и та, которая обычно живет в пустыне.

Прошло часа два терпеливого ожидания, когда в отдалении стали видны густые клубы пыли. По-видимому, это бежали поднятые и обезумевшие от испуга звери. Затем показалась как бы пунктирная линия, образуемая черными точками, поставленными на равном расстоянии одна от другой. Точки резко выделялись на белом песке. Послышался отдаленный гул – началась охота.

В авангарде, прыгая с изумительной легкостью, шли грациозные блюбоки (*Antilope caerulea*). Вот наконги с опасными рогами, с синеватой шерстью, с большими ногами, имеющими до тридцати сантиметров в обхвате. Наконг встречается редко в этих местах, он живет в топких болотах, по которым удивительно легко бегают на своих уродливых толстых ногах. Очертя голову мчатся несколько страусов, вытянув шею и размахивая рудиментарными крыльями. Мелкой рысью, как рекогносцировка в легкой кавалерии, идет табун жирафов. Эти причудливые животные, ростом до семи метров, смешно покачивают на бегу своими маленькими головами, а шеи у них от страха извиваются. Внезапно охваченные ужасом, они сбиваются в кучу, вертят хвостами и в бешеном галопе налетают на эскадрон зебр и квагг. Вскоре появляются куду, канны с висячими складками на груди, сассаби, а за ними – стадо разъяренных серых буйволов с угрожающими рогами, с глазами, налитыми кровью.

Но больше всего было антилоп. Самые разнообразные виды, самые разнообразные масти предстали перед изумленными европейцами, которые так залюбовались этим необычным зрелищем, что даже забыли свой охотничий пыл.

До сих пор животные особого шума не поднимали. Они лишь проявляли некоторое беспокойство, видя, что их собралось так много и что все так перемешалось.

Тем временем полукруг загонщиков медленно, но неотвратимо сжимается. Их крики слышны все более отчетливо, и беспокойство животных, которые, кроме буйволов, все безобидны, переходит в ужас. Передовые видят частокол, прямая линия закрывает перед ними горизонт.

Животные делают крюк, с быстротой метеора пересекают пространство, лежащее между обоими частоколами, но каждый раз натыкаются на ограду и уходят все дальше и дальше вглубь, подталкиваемые все новыми и новыми потоками, наседающими сзади.

Здесь великолепный подбор антилоп. Самый наименее впечатлительный натуралист замер бы от восторга, только увидев это разнообразие пород, блеск шерсти, грациозно посаженные головы и глаза, полные испуга. Огненно-красные грисбоки, едва достигающие роста козы; белые саблерогие антилопы с рыжеватым оттенком; большие куду с неправильными вертикальными полосками по бокам и четырехгранными рогами в форме спирали в два оборота; шерстистые, словно овцы, редунки; гемсбоки с заостренными, чуть загнутыми, практически параллельно расположенными рогами, достигающими в длину восьмидесяти сантиметров; каамы с лошадиными головами; антилопы гну, коренастые, как быки, с мощной шеей и горбатым, словно у льва, загривком; бубалы, иначе называемые коровыми антилопами, хотя они совсем не родственники наших коров; бушбоки, или лесные козлы, полосатые, как и куду, но с добавлением белых пятнышек; лошадиные антилопы, ростом с обычного коня; черные антилопы, у которых грациозно откинута назад рога длиной не меньше метра имеют форму кривой сабли, а черная, как уголь, шерсть и развевающаяся грива придают этим животным живописный вид; покрытые причудливыми черными пятнами ориксы, которым длинные рога, заостренные, как копье, позволяют не бояться даже льва.

И еще много других животных напирала друг на друга: ньялы, спрингбоки, личи, импалы, стенбоки, дукеры, косули антилопы, – сшибались лбами, с испугу прыгали одно другому на спину, падали, вставали и бежали дальше, ослепленные страхом.

Однако буйволы, зебры и квагги, по природе далеко не такие мирные, не хотят следовать за этой обезумевшей массой. Ни за что не хотят они идти дальше, когда видят, что расстояние между частоколами сужается. Они резко поворачивают назад и намерены броситься на загонщиков. Но тут с шумом появляются охотники. Вместе с тремя европейцами они сидели в засаде, замаскированной воткнутыми в землю ветками. Теперь они внезапно выскакивают, оглушительно шумят, потрясают копьями и тычут животным прямо в глаза свои ярко раскрашенные длинные щиты.

Европейцы берут ружья на изготовку. Сейчас начнется истребление.

Вид людей доводит страх и ярость зверей до предела. Буйволы с ревом бросаются на бушменов, но те уклоняются с ловкостью, достойной испанских тореадоров. Зебры громко ржут и яростно бьют ногами. Но взлетают копья и впиваются в животных. Квагги пытаются перегрызть зубами древко, наконечник которого впивается в их тело.

Раздается несколько выстрелов, и два буйвола, зебра и жираф падают, пораженные насмерть.

Тогда прибегают загонщики. Они кричат еще более дико и громко. Животных охватывает паника, и они наконец бегут к яме. Жирафы, буйволы, страусы, антилопы напирают друг на друга, сталкиваются и давят друг друга. Целый лес рогов – прямых, остроконечных, хрупких, прочных, длинных, изогнутых, завитых спиралью! И все это движется, переплетается, ломается, трещит! И затем – страшный рев боли!

Настил, перекрывающий яму, проваливается, и она заполняется в один миг. Ничто не может больше остановить это беспорядочное бегство. Задние подталкивают передних, и передние проваливаются. Теперь это нагромождение переломанных конечностей, раздробленных голов, распоротых животов животных, налетевших на рога, как на рогатку. Страшное зрелище! Те, кто не погиб сразу, изо всех сил бьются на дне ямы, в последнем пароксизме агонии пытаясь выбраться из-под груды туш, давящих сверху.

Черные охотники, разгоряченные бегом и опьяненные видом крови, добивают последних животных, пытающихся перепрыгнуть через гору трупов. Всеобщая радость, безумие, настоящее иступление. Возбужденные зрелищем этой бойни, европейцы тоже не жалеют снарядов.

Александр только что тяжело ранил кваггу. Он имел в виду сделать из ее желудка бурдюк взамен того, который они недавно потеряли. Но животное вырвалось сквозь пролом в частоколе, сделанный разъяренным буйволом. Тогда Александр тоже выбрался через пролом и стал преследовать свою добычу, а та убежала в лес. Александр видел, что квагга на каждом шагу спотыкается, и решил, что сможет ее догнать. Мало-помалу он углубился в лес и очутился на берегу илистой речки. Квагга вошла в воду, чтобы освежиться. Охотник счел момент подходящим и вскинул ружье. Ногу он поставил на ствол поваленного дерева. Ему нужно было опереться локтем в колено, потому что после бега у него не было достаточной твердости в руках.

Внезапно дерево зашевелилось у него под ногой, он потерял равновесие, оступися и почти по колено увяз в тине. То, что он принял за поваленное дерево, оказалось ни больше ни меньше как огромным крокодилом. Обозлившись на неосторожность охотника, который нарушил его сладостную дремоту, крокодил раскрыл свою вместительную пасть и собрался проглотить обидчика. Но Александр не растерялся, увидев эту страшную прорву, утыканную громадными зубами, из которой шел отвратительный запах мускуса. Он снова вскинул карабин и выстрелил крокодилу прямо в глотку.

Но эти исполинские ящеры так живучи, что, несмотря на страшную рану, крокодил еще успел вплотную подойти к молодому человеку, который, увязнув в тине, не мог сдвинуться с места.

Прогремел второй выстрел. Пуля, порох, пыж – все попало чудовищу в самую утробу, и пасть захлопнулась, – казалось, он был мертв.

Александр, считая, что крокодил наконец убит, попытался вырваться из трясины, как вдруг хищник в последней судороге снова распылил свои страшные челюсти. Тут обезоруженный охотник схватил карабин за ствол и грохнул своего врага изо всей силы по голове. Но приклад скользнул и попал между челюстями. Они с треском захлопнулись. Напрасно пытался Александр вытащить оружие. Уж если крокодил что-нибудь схватил, живое ли это существо или неодушевленный предмет, то держит намертво. Нужно топором разрубить его на куски, чтобы заставить челюсти разжаться.

Молодой человек тщетно напрягал все свои силы, до боли в мышцах напрягал он свою сильную мускулатуру. Он уже хотел позвать друзей на помощь, но крик застрял у него в гортани.

Шони показалось, что какая-то петля сжимает его горло, и поднял руку, чтобы попытаться высвободиться, но не успел: кто-то тащил его сзади, – и он почувствовал, что голова его касается земли. Он стал задыхаться и вскоре потерял сознание.

Глава 12

Резня. – Обмен ценностями. – Подарок «людей обезьяны». – Бесчисленные ответвления семьи бечуанов. – Как добывают соль жители Калахари. – Отсутствие Александра. – Тревога. – Бесплодные поиски. – Александр в плену. – Португальские мулаты. – Предложения мерзавца. – Страшная угроза. – Алчность и жестокость. – Покинутый крааль. – Пытка для белого. – Новый Мазена. – Страшные мучения. – Пролом в частоколе.

Когда Альбер и Жозеф увидели, что Александр пустился преследовать раненое животное, им и в голову не пришло встревожиться: они слишком хорошо знали, что их товарищ – охотник ловкий и осторожный.

Их тоже увлекла невиданная облава, и вместе с бушменами они побежали к яме, в которой ревели, мычали, стонали их невинные жертвы. Восторженное возбуждение французов быстро сменилось отвращением при виде ужасающей бойни, которую тотчас же устроили бушмены.

– Фу! Это отвратительно, – пробормотал Жозеф, хотя к зрелищу вспоротых туш ему, любителю корриды, было не привыкать.

– Отвратительно и возмутительно, – поддержал его Альбер. – Уходим.

В этот момент из глубины леса как раз донеслись два выстрела, которыми Александр добивал крокодила.

– Ага! – сказал де Вильрож. – Это наш Александр воюет с какой-то дичью, еще способной защищаться.

Де Вильрож и не подозревал, как он близок к истине.

– А не пойти ли и нам к нему? – предложил Жозеф.

– Пожалуй, это не совсем удобно, – ответил Альбер. – Если мы все уйдем, наши хозяева могут обидеться. Ведь они отвели нам почетные места. А мы и так уже уклонились от участия в этом мерзком побоище. Подождем немного в тени, когда закончится бойня и вернется наш друг.

Тем временем щедрые обитатели Калахари приступили к дележу добычи. Дележ производился замечательно справедливо: куски туши раскладывались на разостланных прямо на траве шкурах, учитывалось, сколько у каждого охотника едоков в семье. И так как охота была удачной, то каждый получил обильный запас пищи.

Но это еще не все. Воины из соседних племен, желая достойным образом поблагодарить бушменов, которые пригласили их на охоту, объявили, что поделятся с ними солью. Это вызвало взрыв радости, которую сможет понять лишь тот, кому случалось подолгу обходиться без этой важной приправы. Приветственные клики раздавались в честь «обезьян», которые получили таким образом непререкаемые права на благодарность хозяев.

Чтобы понять, почему бушмены называли своих гостей обезьянами, надо знать, что у бечуанов каждое племя носит имя какого-нибудь животного. Так, например, «бакуэны» означает «люди аллигатора», «батлапи» – «люди рыбы», «батау» – «люди льва», «баноба» – «люди змеи» и так далее. Каждое из бесчисленных мелких племен, образующих большую семью бечуанов, носит другое имя: бангуакетси, бахорутси, баролонги, бамангуато, батуана, бакоа, бамотларо и тому подобные. Каждое из этих племен питает суеверный страх перед животным, имя которого оно носит, как на Дальнем Западе краснокожие боятся своего тотема. Это животное не только нельзя убивать – с ним нельзя плохо обращаться. Наконец, его именем каждое племя

называет свой собственный, особый танец. Поэтому у туземца не спрашивают, какое имя носит его племя. Спрашивают, какова его «бина» – танец. И он отвечает, что «танцует» льва, змею, гиппопотама и так далее. «Люди обезьяны», или племя бакатла, в последнее время нуждались в мясе, но они были богаты солью. Впрочем, богатство было относительное, если принять во внимание, какую редкость здесь представляет это драгоценное вещество и каким способом оно добывается.

Когда соль не приносят на собственных плечах из глубины пустыни Калахари, где есть соленые озера, когда совершенно высыхают лужи с соленой водой, когда нужда дошла до крайности, туземцы поступают следующим образом. Они срезают в болотах особый тростник и ветки растения, называемого «цитла», сжигают их и тщательно собирают пепел. Затем они делают из тонких и гибких веток широкую воронку, напоминающую опрокинутый улей, и внутри этого примитивного приспособления выкладывают слой трав. Затем золу пересыпают в наполненную водой тыкву и потихоньку переливают в воронку. Вода, насыщенная пеплом, фильтруется и, испаряясь, отделяет находящуюся в растворе соль ¹² в количестве, необходимом для питания.

Бушменам, по крайней мере на время, больше не надо было бояться желудочных заболеваний, вызываемых отсутствием соли. Следует отметить, что недостаток соли, равно как пища, насыщенная почти одним азотом, вызывает бездеятельность желудка, которая проявляется в плохом переваривании пищи. От этого страдают не только туземцы, но и европейцы.

Лучшее лекарство – кофейная ложка соли. Болезнь проходит мгновенно.

Альбер и Жозеф смотрели, как негры обмениваются любезностями, и, правда не понимая, в чем дело, разделяли общую радость. Однако длительное отсутствие Александра уже начинало серьезно их беспокоить. В такой совершенно дикой стране, где опасность может предстать в самом неожиданном виде, где любое дерево, растение, цветок, насекомое могут в любую минуту стать источником смертельной опасности, беспокойство очень скоро переходит в мучительную тревогу.

Негры тоже заметили отсутствие белого вождя, которого полюбили за мужество и силу.

Вокруг Альбера и Жозефа стали собираться. У людей был озабоченный вид. Отец ребенка, которого спас Александр, энергично жестикулировал и говорил больше других. Он встал во главе всей группы, перескочил через частокол и направился в лес, идя по следам Александра. Время от времени он останавливался, внимательно прислушивался к лесному шуму, как если бы надеялся услышать какие-нибудь посторонние звуки, затем встряхивал головой и двигался дальше, пригибаясь к земле, осматривая примятую траву и следы на песке, ища и безошибочно находя след, который мог бы кому-нибудь другому показаться совершенно невидимым.

Так дошли до болотца, которое сохранило бесспорные доказательства того, что Александр здесь проходил. Вытянувшись на боку и выпучив глаза, лежал застреленный крокодил. Его могучие челюсти еще сжимали приклад карабина, длинные зубы впились в дерево, как железные гвозди. Негры топором разрубили голову на части и освободили ружье. Альбер и Жозеф, с замиранием сердца и бледные от тревоги, тщательно осматривали окрестности.

Теперь они уже могли восстановить часть драмы, относившуюся к борьбе их друга с крокодилом. Страшная мысль пришла им в голову, когда они увидели, как громадно это животное. Было вполне возможно, что Александра съел крокодил.

¹² Я видел у негров Верхней Гвианы, равно как и у краснокожих, обитающих по берегам Марони, аналогичные способы добывания соли; они сжигают пальму, называемую «парипу», промывают пепел и посредством выпаривания добывают из него соль; я пользовался этой солью – она горьковата, но в крайнем случае может заменить обычную столовую соль. (Прим. автора.)

Бушмен разгадал их мысли и понял их тревогу. Он медленно покачал головой и показал им, что на зубах крокодила нет никаких следов крови. Для большей уверенности он рассек крокодилу живот. Конечно, человек легко мог бы там поместиться, но живот был пуст.

В топких местах никаких следов не сохранилось: все затянуло. Но в нескольких метрах, на твердой земле, следов оказалось много. Прежде всего примятая полоса в траве, как если бы здесь прошел крупный зверь или протащили тяжелое тело. Странная вещь: примятые растения в одном месте были облиты водой и на листьях еще кое-где сверкали капли.

Бушмен осмотрел стебли, сделал несколько шагов, нагнулся, присмотрелся к этим загадочным следам жидкости и, исчезая в зарослях, подал рукой знак, означавший, что следовать за ним не надо. Он вернулся примерно через полчаса и посмотрел на Альбера и Жозефа с необыкновенно красноречивым выражением скорби. Затем он произнес всего лишь одно слово: «Лекоа» – что означает «белый человек». Затем он приказал шестерым неграм сделать вид, что они ловят седьмого, и прибавил: «Макоа» – то есть «несколько белых».

Альбер понимал, что значат эти два слова, часто употребляемые туземцами. Он стал догадываться, что его друга похитили несколько белых.

Как жалел де Вильрож, что их проводник Зуга остался в краале! Этот славный малый все же знал хоть несколько слов по-английски, он мог бы перевести Альберу, что говорят бушмены об Александре.

А бушмен и сам понимал, что европейцы хотят все знать. Он знаками предложил им приготовить оружие, позвал своих товарищей, снова углубился в заросли и теперь уже просил своих спутников не отставать от него. В каких-нибудь трехстах метрах лежала просторная полянка, на которую падала тень больших деревьев. На полянке росла редкая трава. Сразу бросались в глаза многочисленные следы неподкованных лошадей, а также остатки поспешно покинутого бивуака.

Затем стало видно, что таинственные всадники разъехались в разные стороны: следы вели в шести направлениях.

Альбер заметил, что одна из лошадей оставила более глубокий след, чем другие, и заключил, что она несла двух всадников.

Хотя сердце и сжалось у него от боли, но открытие все же несколько его успокоило. Александр, заключил он, быть может, ранен и похищен, но он жив. Раз таинственные похитители не убили его, надежда еще не пропала.

Альбер был очень далек от того, чтобы догадаться, какого рода катастрофа произошла с его другом.

* * *

Александр почти потерял сознание, но ощущение холода привело его в чувство. Он открыл глаза и удивился, увидев незнакомца, который кропил ему лицо водой из фляги.

Александр был человек бесстрашный, но он невольно вздрогнул, увидев скотскую физиономию этого человека, наискось пересеченную лиловым рубцом. Он узнал мерзавца-португальца и его сообщников. Они все были тут и разглядывали Александра с чувством удовлетворенной ненависти.

Пленник хотел встать, но у него были связаны ноги и руки, невозможно было сделать ни малейшего движения.

Человек с рубцом, увидев, что Александр пришел в себя, перестал брызгать на него водой и убрал ремень, сжимавший ему горло.

– Вы наконец решили все-таки очнуться, белый красавчик? – сказал он на ломаном английском языке. – Рука у меня тяжеловата. Я, быть может, слишком туго завязал вам этот галстук? Но теперь ваш обморок прошел, давайте побеседуем.

Александр хранил презрительное молчание.

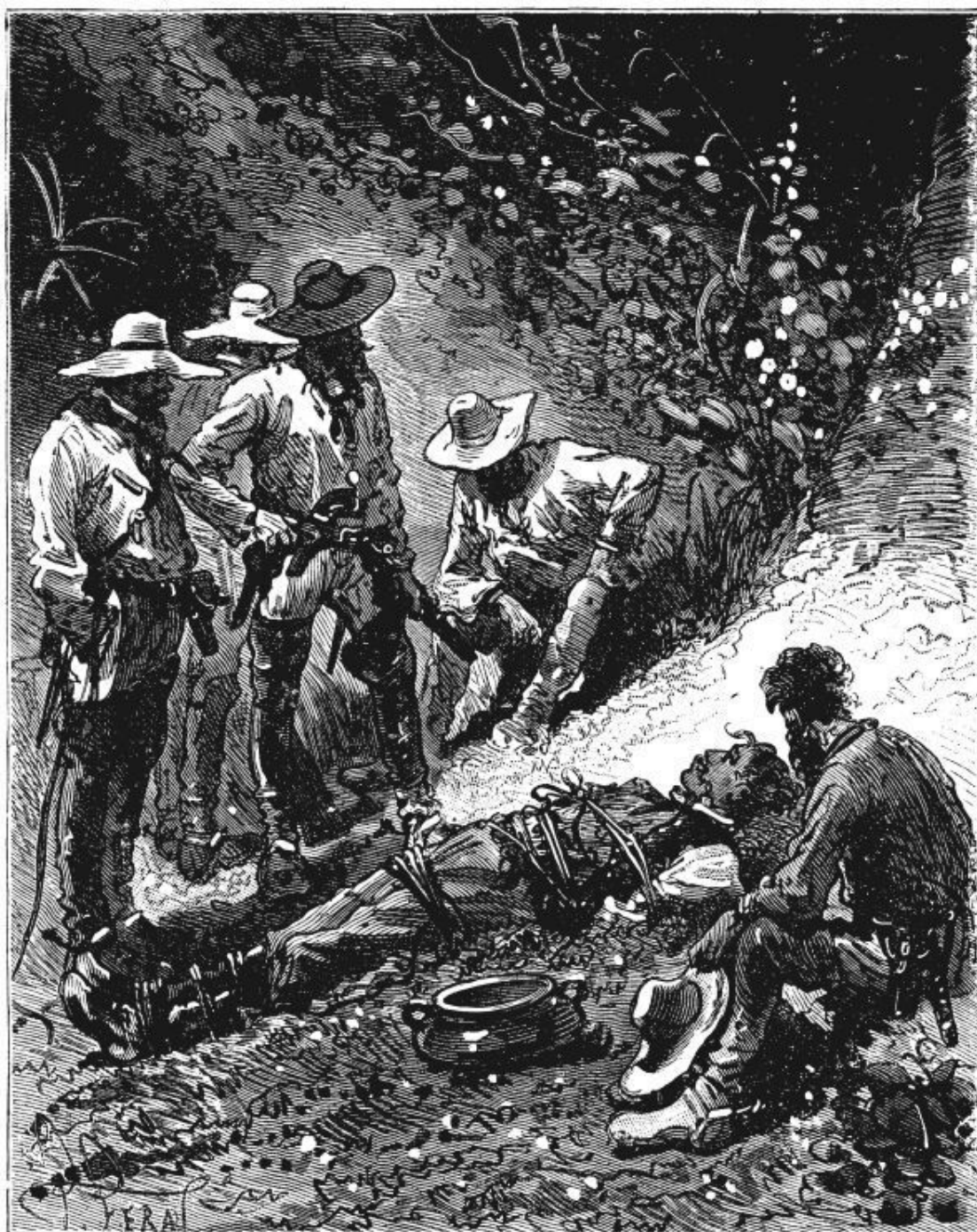
– Что-то у вас сегодня голос не такой громкий, как намердни в краале, когда вы так ловко увели у нас этих черных скотов. Нет ваших дружков с карабинами? Вы один, совсем один... И в полной моей власти... Молчите? Что ж, ваше дело! А у меня есть верный способ заставить вас говорить. Как бы нам даже не пришлось просить вас помолчать, потому что скоро вы у меня сделаетесь разговорчивым, как серый попугай.

– Попробуй, – спокойно сказал француз.

– Сначала выслушайте меня. Я на вас не очень сержусь, хотя вы и здорово огрели меня чамбоком. Я честный купец и люблю делать дела мирно. А вы помешали мне и моим компаньонам доставить товар на место и этим причинили нам большие убытки. Вы их нам возместите, не правда ли, белый сеньор?

Александр пожал плечами.

– Вы, по-видимому, путешествуете для своего удовольствия? Стало быть, вы человек богатый, чтобы позволить себе такую дорогую прихоть. Слушайте меня внимательно и решайте быстро, потому что минуты дóроги. Ваши друзья заметят ваше отсутствие и бросятся искать вас, а нам не хочется – по крайней мере, сегодня – вступать с ними в переговоры. У нас было пятьдесят чернокожих. Если хотите, можете считать, что мы захватили их незаконно. Но каждый из них стоил в среднем сорок фунтов стерлингов (тысячу франков). Подпишите нам чек на эту сумму на имя вашего банкира в Кейптауне – и мы будем квиты и расстанемся, если вам угодно, друзьями.

Александр расхохотался. Предприимчивый мошенник был озадачен.

– Да ты просто сумасшедший, – с насмешкой сказал француз. – Во-первых, у меня нет таких денег. Говорю тебе это просто так, для сведения, потому что, были бы у меня деньги, ты бы все равно ни гроша не получил. Затем скажи, пожалуйста, кто может мне помешать выписать тебе чек на любую сумму на имя какого-нибудь несуществующего банкира?

– Ну знаете, – возразил португалец, – мы тоже умеем читать и писать, и мы хорошо знаем все банки в городе, да и на всем побережье. Мы через них ведем все дела.

– Какая честь для английских банкиров! Но оставим это. Допустим, ты бы мне поверил, а я сделал бы все, что только возможно, чтобы тебе заплатить, – я считаю, что долги надо платить даже мерзавцам. Но неужели ты считаешь меня таким дурачком, чтобы поверить тебе? Если

бы я дал тебе деньги, ты бы так-таки и отпустил меня? Ты бы не попытался отплатить мне за чамбок, от которого у тебя до сих пор рожа вздута?

Мерзавец почувствовал, что его намерения разгаданы, и пришел в ярость, услышав отказ подчиниться своим требованиям. Его напускное спокойствие сразу пропало. Он уставился на пленника свирепым взглядом, в котором смешались неутоленная алчность, бешенство и жажда мести.

– Белый! Сын белого! Проклятый иностранец! – рычал он сдавленным от ярости голосом. – Ты угадал. Верно, я хотел заставить тебя подписать мне чек... а затем убить тебя... убить тебя, как собаку. Но раньше я бы тебя хорошенько отстегал кнутом! Твоя белая кожа летела бы клочьями. Что ж, денег я от тебя не получу? Так и быть! Но я, по крайней мере, отомщу тебе. Это тоже кое-чего стоит.

Александр сохранял свою обычную невозмутимость. Человек посторонний никогда не догадался бы, что перед ним – главное действующее лицо подготовляющейся мрачной драмы. Если бы не то, что руки и ноги были у него туго связаны лианами, его можно было бы принять просто за любопытного, которого забавляют шутики человекообразной обезьяны.

– Трус! – сказал он спокойно. – Гнусный мулат! Сын раба! Барышник! Ты торгуешь человеческим телом! Попробуй только тронуть один волос у меня на голове, и тогда ты увидишь, что с тобой сделают мои друзья, которые сейчас меня разыскивают. Уж они-то не оставят меня без отмщения! Увидишь, как с тобой обойдутся те, кто смог без труда избавить от колодок несчастных рабов! Ага, мерзавец, дрожишь? А ты торопись выполнить свои намерения. Торопись, потому что все ваши шкуры в опасности, я не дал бы за них и рейса¹³.

Мулат пришел в ярость. Он заорал и бросился на Александра. А тот, считая, что пришло время прощаться с жизнью, в порыве неслыханной смелости плюнул ему прямо в лицо. Но к обиде мулата был нечувствителен. Он сделал знак своим сообщникам, те подхватили пленника и с головокружительной быстротой потащили сквозь кусты через лес. Здесь они вышли на полянку, на которой паслись шесть прекрасных оседланных капских коней. Александра взгромоздили на шею одного из этих коней; его враг вскочил в седло, отдал резко и кратко несколько приказаний, назначил своим сообщникам место встречи, а затем все поскакали в разные стороны.

Бешеная скачка продолжалась около трех часов. Наконец лошадь прямо из лесной чащи выбралась на просторную, открытую поляну, посреди которой стоял круглый частокол. Остальные пять лошадей, несшие меньший груз, пришли раньше.

Они уже были расседланы и разнузданы и пощипывали редкую траву. Александра грубо сбросили на землю. У него ломило все тело от неудобного положения, которое он все это время занимал.

Он увидел давно покинутый крааль. Хижины были сожжены, в превосходном состоянии сохранилось только укрепление. Всякого рода отбросы свидетельствовали, что здесь еще недавно было много народу. Возможно, что в течение некоторого времени здесь содержали бушменов, которых он освободил.

Француза положили на солнце, прямо на раскаленную землю. Его мучила жажда, из-за чего он не мог насладиться минутной передышкой. Его гнусный мучитель рычал, пена стекала у него изо рта, глаза налились кровью. Он подошел к Александру.

– Ну что, проклятый белокожий, – орал он, – теперь тебе ясно, что ты у мулата во власти? Теперь, если мулат захочет, он тебе за все заплатит... Да еще с процентами... Твои дружки далеко, а моя шкура все еще на мне. Я тебе сказал, что знаю безошибочный способ заставить тебя говорить, когда ты упорно молчал. Сейчас ты у меня подпишешь чек. Увидишь!..

¹³ *Рейс* – мелкая португальская монета, равная шести десятым сантима. (Прим. автора.)

Его сообщник принес охапку колючек «подожди немного», которые мы описали раньше. Он привязал их к хвосту одной из лошадей, и она вся затряслась от боли – так в нее впились растительные иголки.

– Хорошо! – сказал мулат. – А теперь посадите этого белого сеньора на хребет. И привяжите покрепче. Вот так... Садитесь и вы на своих коней. Возьмите чамбоки и хлещите куда попало и коня и всадника... Слушай, белый, ты будешь скакать час, и мои люди будут тебя хлестать. Потом мы повторим. Пока ты не подпишешь чек. Валяйте!

Коню отдали поводья. Почувствовав свободу, он шарахнулся, взвился на дыбы и бешено заржал. Затем он стал на все четыре ноги, взбрыкнул, повернулся и понес. Вскоре домчался до частокола, но было слишком высоко, перескочить он не мог и стал мелким галопом бегать вокруг. Один из мулатов до крови хлестнул его чамбоком. От неожиданности и боли конь сделал бешеный прыжок в сторону. От этого резкого движения колючки сначала хлестнули его по бокам, а потом врезались в тело. Он снова пустился вскачь, наткнулся на второго всадника, и тот тоже стегнул его ремнем. Конь обезумел, понесся, сам не зная куда, и все норовил укунить человека, который болтался у него на спине. Это ему не удавалось, он возобновил свою попытку. Палачи налетали, стегали его по крупу и по шее, заставляя проделывать фантастические прыжки.

Наконец, весь в мыле, тяжело дыша, с широко раздувающимися ноздрями, с ужасом в глазах, конь вернулся на середину поляны, стал бить копытом и затем, совершенно обезумев, понесся прямо на частокол.

С каждым его скачком мучения Александра усиливались. Все его тело было так туго перевязано лианами, что мышцы, казалось, вот-вот лопнут. Кровавый туман застилал ему глаза, в ушах шумело, в горле пересохло, не хватало воздуха в легких, он почти потерял сознание.

Вдруг Александр услышал глухой треск. Ему показалось, что все его тело разбилось вдребезги. Ветви кустов больно хлестали по нему, а скачка сделалась еще более бешеной.

Конь очертя голову бросился в крааль. Частокол, который в этом месте был слабее, подался под копытами коня, как если бы в него попала бомба, и теперь бедное животное, наконец замученное колючками, несло куда глаза глядят.

Александр понял, что это будет продолжаться до тех пор, покуда конь не свалится замертво.

Глава 13

Мрачное возвращение. – Мучительное ожидание. – Ночной праздник. – Веселье в краале. – Стрелы и яд бушменов. – Нгуа – яд смертельный. – Туземная музыка. – Гурра и жум-жум, рабукены и ромельпоты. – Пляска. – Человек, который так хорошо танцует, должен драться еще лучше. – Воины напали на след. – Страшное возмездие. – Шесть человеческих голов в сетке. – «Но где белый вождь?» – Конная кавалерия. – «Кто меня любит – за мной!»

Первой мыслью Альбера де Вильрожа было немедленно пуститься по следам той лошади, которая, как ему показалось, несла двойной груз. Многочисленные невзгоды и приключения сделали Альбера смельчаком. В пампасах Аргентины он прошел суровую школу гаучо, он поддерживал тесные отношения с последними трапперами Дальнего Запада и с охотниками мексиканской Соноры, он прекрасно знал пустыню. Так что без долгих размышлений он решил оставить преподобного его пастве вместе с мастером Вилем, а самому пуститься с Жозефом на розыски Александра и его похитителей. В нескольких словах он посвятил в свои намерения проводника Зугу, но тот советовал подождать.

Подождать – когда друг, находящийся в лапах бандитов, быть может, в отчаянии зовет его на помощь! Подождать! Одно это слово заставило пылкого молодого человека подскочить. Несмотря на все свое внешнее спокойствие, он был смертельно бледен и весь трясся нервной дрожью.

– Поверь мне, белый вождь, – почтительно настаивал Зуга. – Сегодня ты уедешь один, а завтра с тобой пойдут бушмены. Ты увидишь, что такое благодарность черных людей.

– Но почему не сегодня?

– Потому что сегодня в краале будет праздник. И наконец, скоро ночь, все равно никакие поиски невозможны. Но время не будет потеряно. У тех, кто похитил белого, лошади долго бегать не смогут, они скоро устанут. А бушмены быстро их догонят. Потому что бушмен бежит быстрее любого коня. Я тоже пойду с тобой, потому что тот белый – друг черных людей.

Альбер признал правильность этих доводов и последовал за охотниками, которые, неся богатую добычу, возвращались в крааль шумной гурьбой.

У забора стояла улыбающаяся, счастливая женщина с ребенком за спиной, видимо пришедшая сюда затем, чтобы первой приветствовать возвращающихся. С невыразимой нежностью смотрела она на своего ребенка, время от времени переводя взгляд своих черных глаз на обоих европейцев и Зугу.

Альбер узнал ее: это была мать того мальчика, которого укусила пикаколу. А она заметила бледность обоих каталонцев и то, что с ними нет их третьего товарища.

– Где белый? – воскликнула она с тревогой в голосе.

Подбежал ее муж.

– Жена! – сказал он. – Белого похитили. Приготовь стрелы. Приготовь яд. Я отправлюсь искать белого. Тот, кто поднял руку на великого вождя, умрет. Ступай!

– Хорошо! – ответила женщина и пустилась бегом.

– Слышал? – торжествующе спросил Зуга. – Белый вождь будет освобожден. Его враги завтра умрут. Так сказал бушмен.

Альбер, снедаемый мучительной тревогой, уединился в хижине, которую бушмены наскоро построили для европейцев, а Жозеф отправился на поиски преподобного и мастера Вилия. Он с возмущением рассказал им, каким несчастьем закончилась охота, и стал строить планы мести неизвестным похитителям, один страшней другого.

Лжемиссионер и полицейский взволновались, на что у каждого была своя причина. Но Жозеф был им признателен за интерес, который они проявили к этому делу. Он не мог предпо-

ложить, что в миссионере заговорила алчность; он не знал, что его преподобие готов перевернуть небо и землю, лишь бы найти Александра, потому что в его глазах и в глазах его сообщников Александр олицетворял тайну фантастического богатства. А полицейский считал, что у него похитили преступника, которого он мечтал изловить. Мастер Виль стал твердить, что надо без промедления вернуться на английскую территорию за подкреплением и пройти по всей провинции с огнем и мечом.

– Во всяком случае, рассчитывайте на меня, – сказал миссионер. – Я, правда, человек мирный, и всякая мысль о пролитии крови мне претит, но я приму участие в ваших поисках, хотя бы мне пришлось поплатиться жизнью.

– А что касается меня, – заявил мастер Виль, – то хотя одна рука у меня еще не совсем действует, зато другая, слава богу, достаточно крепка. И ноги крепкие. Да и голова на плечах. Я с вами в любую минуту.

Жозеф был тронут таким сердечным участием и не знал, как выразить всю свою благодарность:

– Значит, друзья, выходим завтра утром. Карай! Скорей бы прошла ночь! Мне не терпится повидать этих мерзавцев вблизи. Уж я для них что-нибудь придумаю – какую-нибудь невиданную пытку. Они мне ответят за бедного месье Александра!

Тем временем начались приготовления к ночному пиршеству. Всюду пылали огромные жаровни, из рук в руки передавались плетенки с пивом. Негры пили, как слоны; они плясали, точно их всех покусали тарантулы. Вовсю надрывались их варварские музыкальные инструменты.

В другое время Альбер не без любопытства и даже не без удовольствия посмотрел бы эти бурные развлечения, но сегодня ему было не до того. Он покинул свою хижину, пошел бродить по краалю и оказался перед жалкой лачугой, в которой жена бушмена готовила яд и стрелы.

И в Африке, и в Южной Америке туземцы обычно держат в строгой тайне все, что относится к изготовлению этих грозных орудий самозащиты, и упорно отказываются посвящать белых в способы изготовления ядов.

Наполовину от нечего делать, наполовину подталкиваемый любопытством, молодой человек вошел. Женщина не считала нужным скрывать что бы то ни было от друга ее благодетеля и продолжала свою страшную работу.

Небольшой лук из дерева твердой породы, длиной не больше метра, она смазала жиром и поставила новую тетиву из жил канны. Затем она вынула стрелы, хранившиеся в колчане из леопардовой шкуры, аккуратно разложила их на земле и тщательно осмотрела. Они были сделаны из простого тростника, но очень искусно: для этих простодушных работников изготовление хороших стрел – дело чести. Здешние стрелы далеко не имеют такой необычайной длины, как стрелы южноамериканских индейцев, достигающие чуть ли не двух метров в длину. Бушменская стрела короче в четыре раза. Но как они сделаны, как остроумно подогнаны все части, из которых готовится это смертоносное оружие! Наконечник длиной в шесть-семь сантиметров представляет собой круглую кость с зубринами. Он вставляется в полый конец тростника, но не слишком плотно. Нетрудно догадаться, что, когда стрела попадает в живую цель, тростник можно легко выдернуть, а наконечник остается на месте. Сбоку у него небольшой железный и очень острый крючок, который не позволяет его выдернуть. Крючок и зубрины смазаны ядом.

Бушменка взяла стоявший в углу большой сосуд из необожженной глины и осторожно извлекла из него штук тридцать гусениц, по-местному называемых «нгуа». Она раздавила их на куске тыквенной скорлупы, отложила внутренности, а кожу выбросила. Из этих внутренностей женщина скатала мягкий зеленоватый шарик, смазала им все стрелы одну за другой – костяные наконечники и железные крючки – и затем аккуратно все уложила в колчан.

Наконец она закончила работу.

Альбер уже слышал о страшном действии этого яда и все же относился к нему скептически.

– Если это все, – пробормотал он про себя, – на что они рассчитывают, чтобы освободить бедного Александра, то уж лучше я положусь на мой верный карабин.

К несчастью, незнание бушменского языка не позволило ему обратиться к женщине за какими бы то ни было разъяснениями. Его недоверие было, однако, поколеблено, когда он увидел, как тщательно она очищает свои ногти от малейших остатков налипшего на них вещества.

Он собирался пойти поискать проводника, чтобы рассказать ему об увиденном, когда тот сам вошел в хижину. Разглядев, чем занята хозяйка, он улыбнулся жестокой и радостной улыбкой.

– Женщина, – сказал он, – это хорошо! Ты приготовила нгуа. Те, кто похитил белого, умрут.

– Что ты сказал? – осведомился Альбер.

– Это нгуа, – ответил тот. – Нгуа ужасен. Нгуа убивает наповал пантеру и леопарда. Слон, если стрела попала ему в хобот, умирает очень скоро. А лев приходит от этого яда в такое бешенство, что, прежде чем умереть, грызет землю и деревья. Когда стрела с нгуа попадает в человека, он испытывает такую страшную боль, что катается по земле, рвет свое тело и просит, чтобы мать покормила его грудью: ему кажется, что он снова стал младенцем. Или же он впадает в бешенство. Тогда он убегает далеко от крааля, куда-нибудь в глубину леса, и там умирает. А рот его покрыт пеной. Белый вождь будет отмщен.

– А нет ли у бушменов и бечуанов другого яда?

– Конечно, есть яд пикаколу и соки растений, которым вы даете непонятные нам названия. Но эти яды вызывают оцепенение и убивают, не причиняя страданий, а нгуа – яд мести.

Наступила ночь, и на пиру царило небывалое оживление. К потрескиванию тростника, который охапками бросали в огонь, присоединилось рычание мужчин, визг женщин, пронзительные крики детей. Все – увы, без различия пола и возраста! – были пьяны. Общий шум перекрывала невообразимая какофония, которую производили жум-жумы, гурра, рабукены, ромельпоты и всякие другие диковинные местные музыкальные инструменты.

Гурра имеет вид лука. Она состоит из жильной струны, прикрепленной к расщепленному и сплюснутому стержню птичьего пера. В стволе пера проделано отверстие, в которое виртуоз дует, свистит, ревет изо всех сил, как в дудку. Когда в оркестре есть десяток таких гурра, подымается такой вой, такое мычанье, что становится страшно.

Рабукен – длинная треугольная доска, на которую натянуты три струны. Колка нет, и струны упираются в надутый пузырь, который служит резонатором. Этот инструмент еще удивительней, чем гурра.

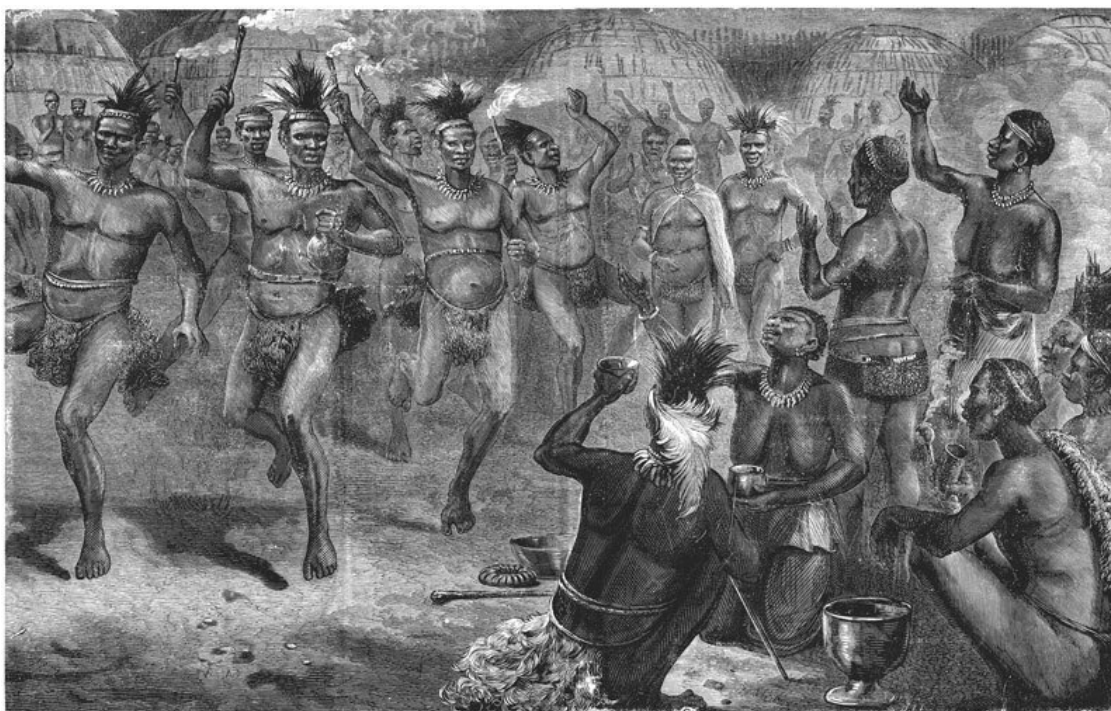
Но предел – это ромельпот. Представьте себе дуплистый пень, поставленный на треножник и туго перетянутый шкурой квагги. Музыкант вооружен двумя дубинами и непрерывно бьет ими что есть силы по этой прочной шкуре. Это более оглушительно, чем все барабаны на свете.

Танцоры под стать оркестру. Возбужденные его шумом, они сбрасывают накидки и становятся в круг. Все почти совершенно голые. У каждого в руке палка, или топорик, или копье. Каждый орет во всю силу своих легких. Затем все одновременно поднимают одну ногу и одновременно отбивают один удар. Это единственное движение, какое они производят все вместе. А дальше – кто во что горазд. Какие угодно телодвижения, какие угодно звуки! Вообразите оркестр, в котором каждый музыкант самым усердным образом исполняет свою собственную мелодию, или балет, в котором каждый танцует что вздумается, или хор, в котором каждый поет что бог на душу положит, – и вы едва ли получите представление об этом непостижимом смешении звуков и движений, которое воплощает радость жителей крааля. Руки и головы дер-

гаются в разные стороны, все исступленно кричат; тучи пыли окутывают танцоров, так усердно колотящих ногами в землю, что после пляски в ней остается глубокий след.

Время от времени из круга выходит чернокожий танцор. Сейчас он будет плясать один. Он исполнит какой-нибудь особенный, им самим придуманный номер, полный невообразимых движений и прыжков, и будет награжден рукоплесканиями.

В пляске принимают участие не только молодые. Тропическая Терпсихора имеет горячих приверженцев среди взрослых и даже среди седых стариков – они подчас исполняют такие телодвижения, каким позавидовали бы самые отчаянные клоуны. Нечего и говорить, какую жажду вызывают такие упражнения. В глотке у всех точно жаровня, по телам льются потоки пота, в воздухе стоит густой запах козла, способный свести с ума сотню коз. Плетенки с пивом передаются из рук в руки и опорожняются до капли.

Бушмен, который обещал Альберу найти Александра и отомстить его похитителям, обращал на себя внимание своим бешеным темпераментом. Время от времени он выходил из круга. Тяжело дыша, с раздувающимися ноздрями подходил к Альберу и горделиво выставлял себя напоказ, как бы говоря: «Смотри и любуйся! Смотри, какой я великий воин! Будь спокоен: человек, который так хорошо танцует, умеет еще лучше драться».

Но Альберу вся эта гимнастика внушала серьезное беспокойство. Он, пожалуй, не без оснований думал, что завтра утром этот плясун не сможет и ногой шевельнуть.

Его тревога оказалась напрасной, потому что задолго до восхода солнца бушмен взял оружие и вместе со своим братом углубился в лес. А через Зугу он настойчиво потребовал, чтобы Альбер остался и ждал его возвращения.

Альбер был раздосадован. Ему хотелось присоединиться к охотникам, и он уже пожалел, что доверил розыски друга этим дикарям. Жозеф, мастер Виль и преподобный разделяли его беспокойство. Им тоже хотелось отправиться немедленно.

Но проводник отлично знал обычаи черных охотников и потому всячески удерживал европейцев в краале, убеждая их, что у черных есть свой план и лучше им не мешать.

– Терпение, терпение, вождь! – беспрерывно повторял он. – Человек сказал, что вернется до наступления ночи, – значит вернется. Не беспокойся!

С трудом сдерживаясь, Альбер перестал сопротивляться, ему не оставалось ничего другого, как шагать взад и вперед по краалю и считать часы и минуты.

Зуга оказался прав. Солнце стало скрываться за деревьями, когда вдали, со стороны хопо, показались люди.

– Верховые! – воскликнул Жозеф, взобравшийся на крышу одной из хижин. – Я вижу лошадей!

– Быть не может! Ты ошибаешься! Это, должно быть, антилопы, которые уцелели после охоты.

– Карай! Я знаю, что говорю! Через минуту вы сами увидите, что это лошади.

– Но в таком случае кто же это едет?

– Три, четыре, пять... Пять лошадей... Постойте, а всадников всего двое. Вот они остановились. Лошади отказываются идти дальше. Ах нет! Копьем в бок – и они скачут!

– А месье Александр? Его-то ты видишь?

– Лица я различаю плохо – солнце бьет мне прямо в глаза. Нет, месье Александра я не вижу. Ах, да ведь это те двое, которые ушли ночью!

Крик отчаяния вырвался у Альбера:

– Я трижды дурак! Я подлец! Как это я мог передоверить жалким дикарям то, что обязан был сделать сам! Двенадцать часов я проторчал здесь сложа руки, вместо того чтобы помчаться на выручку моему другу! А эти скоты отправляются искать своего благодетеля, а приводят лошадей!

Жозеф не ошибался. Двое верховых, которых он увидел, были действительно бушмены. Они подбадривали коней остриями своих копий и скакали довольно быстро. И еще три лошади, дисциплинированные, как все капские лошади, привыкшие ходить вместе, следовали за ними свободно.

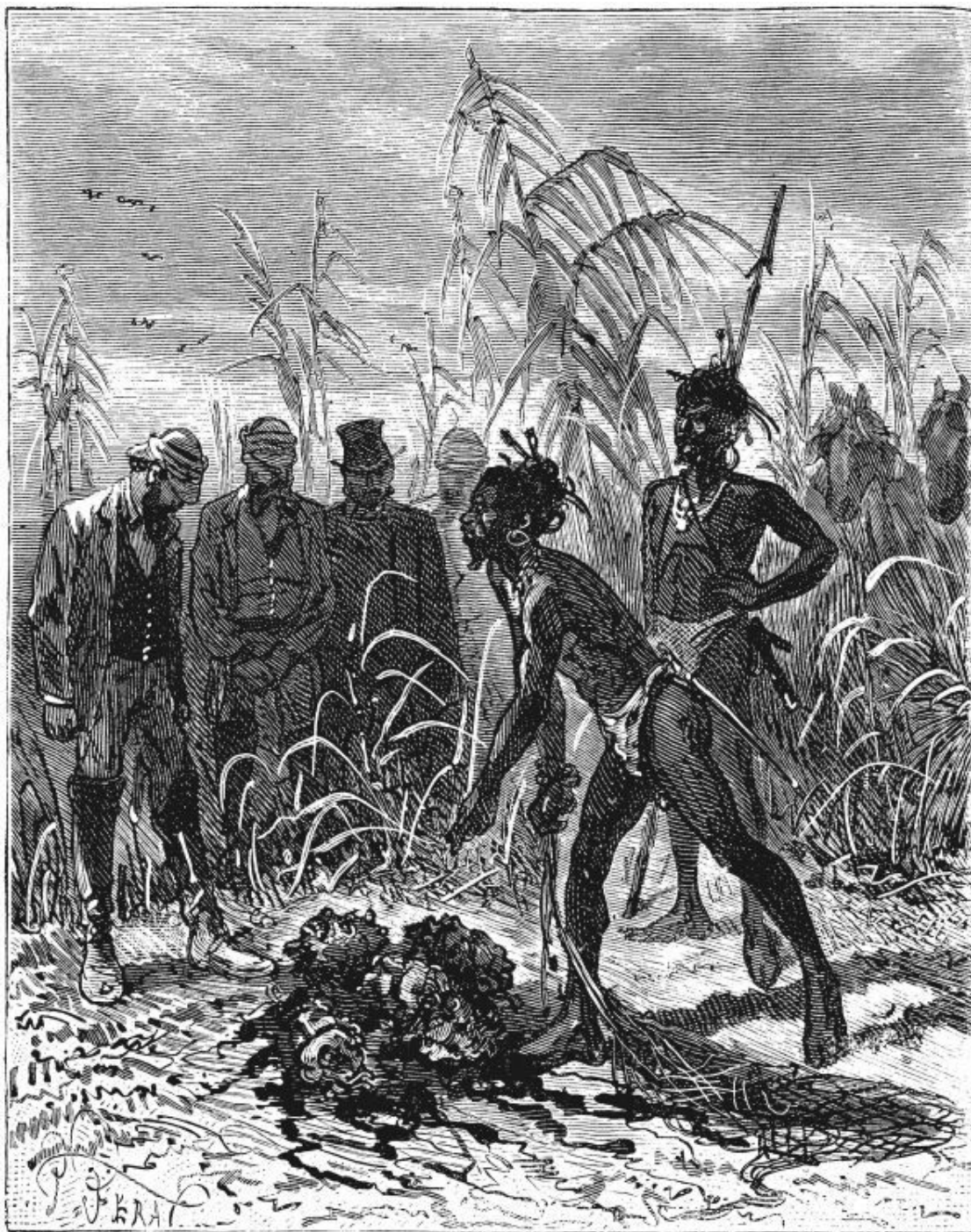
Вид у наездников был ужасный. С головы до ног оба они были покрыты запекшейся кровью, кое-где между подтеками крови виднелась черная кожа. Оба иступленно кричали, лица их были перекошены злобой, раскрытые рты показывали сверкающие острые зубы. И лошади, также покрытые кровавой пеной, имели ужасный вид. У одного из негров – как раз у отца спасенного Александром ребенка – висела через плечо сетка, в каких женщины переносят яичные скорлупы с водой. Но в сетках лежали не эти безобидные сосуды, а свежесрезанные человеческие головы.

Бушмен быстро соскочил на землю и издал крик, на какой человек, казалось, не способен. Он быстро освободился от своей страшной ноши, схватил головы за волосы и швырнул их к ногам окаменевшего от ужаса Альбера.

– На, смотри! – с демоническим смехом закричал негр. – Ты их узнаешь? Считай! Они все тут. Ни один не ушел.

Альбер, преодолевая отвращение, взглянул на одну из этих голов и увидел след чамбока – рубец, который Александр оставил два дня назад на лице португальского мулата.

И тотчас он все понял. Он понял, что друг его попал в ловушку, расставленную работниками. Эти негодяи, по-видимому, оставили своих лошадей в укромном месте, а сами неотступно следили за краалем, за охотой и за охотниками, рассчитывая, что им представится случай утолить мучившую их жажду мести.

И этот случай представился, когда Александр бросился преследовать раненую кваггу. Эпилогом битвы Александра с крокодилом стало его похищение.

– Но Александр! Где белый вождь? – воскликнул Альбер сдавленным голосом. – Говори!

Негр как будто и не слышал. Ему было непонятно, почему Альбер не уделяет достаточного внимания его трофеям, и он начал поочередно таскать их за волосы, обеими руками хлестать мертвые головы по щекам, выдавливать глаза, откусывать уши и плевать во все стороны кусками хрящей. Потом, словно опьянев от крови и резни, внешне безразличный к происходящему вокруг него, затянул монотонную песню, которую время от времени прерывали раскаты сардонического смеха.

– Полубелые пришли из страны заката. Они обманом похитили черных людей, чтобы увезти их далеко, очень далеко. Черные люди носили на шее «бревно рабства». Им предстояло

навек покинуть свою пустыню Калахари. Но прибыли настоящие белые... Такие белые, как Дауд, высокочтимый отец чернокожих. Настоящие белые сломали «бревно рабства» и освободили бушменов. Белые люди – великие воины. Их вождь добр, как Дауд. Он спас ребенка, которому предстояло умереть. Белый вождь добр. Он храбр, но неосторожен. Он не убил работорговцев, и они похитили его, чтобы наказать за то, что он вернул свободу бушменам. Но бушмены – великие воины. Они имеют нгуа – смертельный яд, который причиняет страдания. Стрела, смазанная ядом нгуа, убила их всех. Они мучились, их рты, которые больше никогда не будут говорить, выли от боли. Их головы украсят частокол крааля. Бушмены храбры. Они любят белых людей!

Альбер слушал с понятным нетерпением этот дикий напев, из которого не понимал ни одного звука. Хорошо, что тут был Зуга, который все переводил.

Бушмен рассказал также, что нашел мулатов в таком месте, где они, видимо, считали себя в полной безопасности и спали. Он разделался с ними, как счел нужным, и стал искать Александра. Руководимый своим безошибочным инстинктом, он напал на след обезумевшей лошади, но не знал, что к ней был привязан спаситель его ребенка. Он считал, что белый вождь сбежал от мулатов и вернулся в крааль другой дорогой. Теперь он был совершенно растерян и стал неистово ругать мертвых мулатов.

Альбер на минуту упал духом, но вскоре к нему вернулась вся его молодая и неиссякаемая энергия. Приготовления к отъезду он закончил в одну минуту. Оружие, продовольствие, вода, боеприпасы были упакованы и навьючены на лошадей, которых сметливый и практичный бушмен пригнал в расчете, что они смогут пригодиться белым гостям.

Ночь спустилась быстро. Однако было решено выехать немедленно, чтобы поскорей добраться до покинутого крааля, где нашли свою смерть работорговцы и где терялись следы Александра.

– Давай, Жозеф, живей! Едем! Едем! А вы, мастер Виль? И вы, преподобный? Едете или остаетесь? Я еду. Кто меня любит – за мной!

– Я весь к вашим услугам, – ответил каждый из обоих англичан, вскакивая в седло. – Рассчитывайте на меня.

– И я тоже тебя не оставляю, – сказал бушмен. – Ночью в пустыне небезопасно. Я не хочу, чтобы мой белый благодетель пострадал от когтей льва или жала змеи. Едем!

Глава 14

Привязанный к понесшей лошади. – Бешеная скачка. – Ужасная пытка. – В чем преимущество кожаных наручников перед веревочными. – Еще одно сходство с пыткой Мазепы. – Посреди озера. – Александр стал дичью, за ним охотятся крокодилы. – Он едва не съеден. – Расплата за добрый поступок. – На что может пригодиться пучок колючек, завернутый в охотничью куртку. – Крокодил здорово наказан. – Как туземцы погоняют лошадей. – Отравленное копьё. – Освободитель рабов сам попадает в рабство.

Лошадь, к которой привязали Александра, была истерзана колючками и без оглядки двигалась на север. Это было крепкое животное с мощной шеей, с округлым крупом, с выпуклой грудью скакуна, с тонкими ногами антилопы и с твердыми, как мрамор, копытами. Распустив гриву, выкатив глаза, тяжело дыша и храпя, судорожно вдыхая воздух расширенными ноздрями, лошадь неслась, как метеор.

Один только ее галоп нарушал тишину этих пустынных мест. Лишь изредка, испуганная лошадиным галопом, взлетала, хлопая крыльями, стайка рябчиков или проносились несколько антилоп, которым удалось избежать ловушки туземцев.

Александр ударялся головой о лошадиный хребет; голова его отяжелела, болела и болталась из стороны в сторону, так что он даже не мог разобрать достаточно хорошо, что именно с ним происходит. У него стучало в висках, яростное солнце, отвернуться от которого он не мог, все время било ему в глаза, он был ослеплен. Напрасно пытался он опустить веки – красные круги все равно вставали у него перед глазами, пыль все равно забивалась в них. В висках стучало, он испытывал головокружение и приступы тошноты.

Однако памяти Александр не утратил. Все, что предшествовало случившейся с ним беде, и все, что было после, он помнил вполне отчетливо. Все подробности роились, наталкивались друг на друга в его воспаленном мозгу, смешивались с воспоминаниями о дорогих ему людях и стояли перед его невидящими глазами, как мрачные образы кошмарных видений. Но уж таковы были изумительная крепость организма и сила воли у этого молодого человека, что он сделал еще одно, последнее бешеное усилие, чтобы порвать путы, которые связывают ему руки и ноги. Александр судорожно дергался и извивался на мощном лошадином хребте и, не имея другой точки опоры, упирался в ее кровоточащее и распухшее тело. Лошадь, сжимаемая ремнями, словно тросом, наматываемым на лебедку, издавала мучительное ржание, спотыкалась и едва не падала. Но – увы! – эта отчаянная и безнадежная борьба вконец измотала Александра: он лишился чувств.

Но, как и тогда, когда он потерял сознание во время схватки с крокодилом, его привело в себя ощущение холода и боли. Шони чувствовал себя так, точно его бросили в воду. Открыв глаза и увидев серо-зеленую массу, он стал захлебываться, глухой шум наполнял уши, его сотрясал кашель. Но глаза промылись, освободились от песка, и несколько глотков, которые он сделал против воли, сразу освежили его. Вместе с сознанием к нему возвратилось самообладание, и он увидел, что действительно находится в воде. Однако, лежа на лошади в неудобной позе, он не мог обозреть берега. С каждым шагом лошади вода становилась все глубже, у Александра голова то уходила под воду, то снова поднималась над поверхностью. Освободиться он не мог, но каждый раз, всплывая, он набирал в легкие запасы воздуха, чтобы не задохнуться при следующем погружении.

Действительно ли несколько ослабели путы у него на руках, или ему только показалось? Нет, так оно и было. Он вспомнил, что мулаты связали его ремненным лассо, которым чуть его не задушили. В воде ремни набрякли. Скоро они станут растягиваться. Через несколько минут он высвободит руки.

А лошадь наискось пересекала озеро. Время от времени она теряла дно под ногами и пускалась вплавь, но вскоре снова находила твердую почву. Невольное купанье значительно успокоило ее и придало новые силы. Александр, предчувствуя, что, когда она выйдет на сушу, начнется новая скачка, решил использовать передышку. Солнце высушит ремни в один миг, и тогда пропала всякая надежда на освобождение. Не теряя ни секунды, он снова начал дергаться во все стороны, однако не слишком быстро, чтобы не растратить последние силы.

Наконец ремень стал поддаваться все больше, и вот исцарапанные и распухшие руки Александра свободны. Он может хоть немного расправить затекшие члены, вытянуться, лечь на спину и сменить чудовищно неудобное положение. Как ни малы результаты стольких мучительных, но упорных усилий, бесстрашный охотник испускает вздох облегчения и чувствует, что к нему возвращается надежда. Увы, она не очень тверда, эта надежда, потому что руки, которые были слишком долго и слишком туго связаны, онемели и отказываются служить. Кровь не хочет больше циркулировать по посиневшим пальцам, а вены на руках, вздувшиеся так, что, кажется, вот-вот разорвутся, никак не могут вернуться в норму. Тут, вспомнив, с какой чудовищной силой был нанесен удар, от которого он потерял сознание, Александр начинает бояться, нет ли перелома или вывиха. Тревога, на минуту покинувшая его, возвращается снова, в еще более сильной форме.

Кроме того, лошадь, которая, казалось, несколько успокоилась, начинает проявлять внезапный и необъяснимый страх. Она пытается встать на дыбы, когда достигает дна, ржет, брыкается и рвется вперед. Александр пытается ее успокоить, повторяя ей слова, знакомые всем наездникам, но лошадь пугается чего-то все сильнее и сильнее.

Но вот онемение в руках как будто проходит, кровообращение восстанавливается. Он хватается обеими руками за гриву и садится лошади на шею. С тревогой вглядывается он в горизонт, который с трудом различает. До берега не так далеко – в каких-нибудь пятидесяти метрах начинаются прибрежные заросли тростника. Синие цапли и пепельно-серые аисты поднимаются шумливой тучей, посреди которой, как фейерверк, сверкают розовые фламинго. Одни эти безобидные голенастые не могли бы так испугать колониальную лошадь, привыкшую ко всякого рода птицам, как бы шумно они ни хлопали крыльями, как бы пронзительно ни кричали.

Но вот на спокойной глади воды Александр замечает странные борозды: они широки у основания и сходятся под острым углом. Эти борозды двигаются, приближаются со всех сторон и к тому же в строгом порядке. Больше нет никаких сомнений: центром, к которому они тянутся, являются лошадь и всадник, как если бы флотилия подводных лодок атаковала корабль, который ей удалось окружить искусным маневром.

Лошадь окаменевает от страха, но уже не стремится, как раньше, укунить свою живую поклажу. Она чувствует, что человек наполовину свободен, она оборачивается, смотрит на него своими умными глазами и с душераздирающей силой ржет, как бы говоря человеку: «Спаси меня!»

Пузыри возникают на воде и лопаются, а в воздухе громко кричат водяные птицы. Несколько странных черных точек едва показываются над водой и тотчас снова исчезают.

Александр понимает ужас своего положения, и дрожь пробегает по всему телу. Эта ужасающая флотилия, приближающаяся так размеренно и неотвратно, точно ею руководит опытный командующий, – не что иное, как стая крокодилов.

Погибнуть в когтях льва, попасть под ноги слону или на рога бизону – все это одинаково ужасно, и никакой храбрец не может думать об этом без содрогания. И все-таки любой бесстрашный охотник добровольно, с легким сердцем и сознательно идет на такой риск всякий раз, когда отправляется в малоизученные страны на охоту за крупным зверем. Но у охотника есть оружие. Оно не только уравнивает его шансы на победу в борьбе, но и дает ему большое преимущество, – конечно, при условии, если он умеет владеть своими нервами и не теряет самообладания.

Но чувствовать себя бессильным, безоружным, привязанным за ноги к крупу изнуренной лошади, провести почти целые сутки без пищи, да еще под палящим солнцем, которое выжигает глаза, и вдруг оказаться на волосок от страшных челюстей крокодила, спрятаться от которых невозможно, – согласитесь, тут может взволноваться даже самый закаленный человек. К тому же лев, слон, даже тигр нередко испытывают при виде человека известную робость, и охотнику это иной раз помогает выйти из критического положения. Но крокодил, это олицетворение неумолимой и хищной прожорливости, крокодил, который помышляет только о том, как бы проглотить свою добычу, что бы она собой ни представляла, не знает никакой робости. Это тупая, безмозглая, безжалостная и ненасытная тварь.

Несчастный, который попал в пасть к крокодилу, чувствует, как острые зубы впиваются в его тело, разгрызают его кости, пожирают его внутренности. В предсмертную минуту он слышит, как эта огромная пасть прожевывает и заглатывает его еще живого.

У Александра нет никакого оружия. Ровно никакого. У него даже нет ножа, чтобы разрезать ремни, которые стягивают ему ноги. А крокодилы все приближаются на своих огромных лапах и хлопают челюстями. Иногда раздается сухой стук; это стучат друг о друга панцири этих гигантских ящериц.

– Подумать только, – растерянно бормотал несчастный Александр, – эту пытку даже невозможно сократить! Сейчас они меня сожрут, а я ничего поделывать не могу. Ничего!.. Ну что ж, пострадаю за то, что совершил хороший поступок. Я не жалею. Я вернул свободу человеческим существам. Бедняги-бушмены станут ценить белых людей... Это будет мой вклад в дело цивилизации. Альбер, мама, прощайте!.. Ах!

Чудовищной величины крокодил до половины вылез в эту минуту из воды и попытался схватить Александра за руку. К счастью, вода приходилась лошади только по брюхо.

Александр вскрикнул так громко, что благородное животное сделало могучий скачок, сильно ударило крокодила задней ногой и на какую-то минуту оторвалось от земноводного.

Но резкое движение сместило колючий клубок, шипы снова врезались лошади в тело, и она снова пришла в неистовство.

И тут в голове Александра молнией сверкнула счастливая мысль: «Инструменты!.. Да ведь при мне мои инструменты!..»

Делом одной минуты было порыться в кармане, достать кожаный чехол с инструментами, найти ланцет и перерезать ремни, которыми были связаны ноги.

Вздых облегчения!

«Стало быть, я смогу защищаться... Хотя бы только кулаками и ногами... А там кто знает. Если у этой проклятой коняки хватит сил, я, быть может, еще спасусь...»

Берег понемногу приближался. Крокодилы были в двух-трех метрах. Некоторые из них, по-видимому, были настигнуты ударами лошадиных копыт и казались напуганными или, по крайней мере, озадаченными.

Только один – тот, который едва не схватил Александра, – продолжал рваться вперед.

Но Александр уже почувствовал проблеск надежды, и хорошее настроение вернулось к нему со всей быстротой, свойственной его неустрашимому галльскому характеру.

– Блестящая идея! – весело воскликнул он. – Раз я уже сижу верхом по-человечески, то почему бы мне не поиграть с этой мерзкой тварью, которая хочет попробовать, каков я на вкус? Но поскорей! Для начала освободим лошадь от этого милого клубка колючек, который ей прицепили двуногие крокодилы. Надеюсь, они мне еще ответят за эту злую шутку... Так! Готово! Теперь надо идти на жертву – надо расстаться с курткой. Ничего не поделаешь! Лучше потерять куртку, чем собственную шкуру.

Александр подобрал ноги. Теперь он стоял на спине лошади на коленях.

И правильно сделал: крокодилы могли в любую минуту откусить ему ноги. Он снял с себя куртку, завернул в нее клубок «подожди немного» и застыл в неподвижности.

А! Черт возьми! Недолго пришлось ему так стоять. Хищный обжора возобновил свои поползновения и раскрыл фантастически громадную пасть. Тогда Александр спокойно забросил в нее свой тючок.

Кр-рак! Раздался стук, точно захлопнулась крышка сундука. И сразу крокодил стал вертеться, кружиться и нырять.

– Так тебе, гадина, и надо! – воскликнул Александр.

Несмотря на весь ужас своего положения, он не мог удержаться от смеха.

Крокодил, разумеется, проглотил колючки, и теперь они ему раздирали нёбо и глотку. Он уже не мог закрыть пасть и, бешено колотя хвостом по воде, все высовывался из воды, видимо боясь захлебнуться.

Не задерживаясь слишком долго на созерцании этой утешительной картины, молодой человек пару раз дал шпоры лошади, и та, увязая в грязи, прорывалась вперед, спотыкалась и вынесла его сначала на отмель, а потом и на твердую землю, смешанную с грязью и кровью.

– Ну, кажется, спасся! Черт возьми! Кто бы мог подумать, что в Южной Африке мне придется разыгрывать из себя Мазепу! С той лишь разницей, что украинский гетман имел дело с заурядными волками, а на меня ополчилась целая стая крокодилов! Долго же они теперь будут

являться мне в кошмарах!.. Брр!!! Ладно, посмотрим, какова обстановка. Не очень она веселенькая, эта обстановочка! Знать бы, по крайней мере, где я нахожусь... Эта бешеная лошадка бегала и бегала, так что теперь она еле дышит, а меня она умчала миль на пятнадцать от кра-
аля, если не больше. Бедный мой Альбер! Мой славный Жозеф! Как они, должно быть, трево-
жятся! Надо дать лошади отдышаться. Это прежде всего. Но предварительно надо хорошенько
ее стреножить, чтобы ей не пришлось в голову оставить меня здесь одного. Пусть она пощиплет
травку, а уж я пообедаю мысленно. Черт возьми, нет сил... Идея! Если я не найду каких-нибудь
кореньев, то использую тот несложный прием, к которому одинаково прибегают и чернокожие,
и люди цивилизованные, с той разницей, что африканцы стягивают себе живот и желудок лиа-
ной и очень туго, а европейцы, когда приходится долго поститься, затягивают поясок всего на
одну дырочку.

По счастью, Александр не был доведен до такой крайности. Он уже привык к трудным условиям жизни в южноафриканской пустыне, он умел извлечь уроки из пережитых превратностей и помнил полезные наставления своих чернокожих спутников.

Среди разнообразных растений – названий и свойств которых он не знал – он заметил зеленоватых сверчков. Они медленно ползали по толстым, мясистым, необычного вида листьям.

«Постой-ка! – подумал Александр. – Этих сверчков я знаю. Когда наш Зуга замечал их, он начинал раскапывать землю под теми растениями, на которых они живут, и всегда что-нибудь находил. Копать!.. Но чем копать? Ничего, любая ветка заменит мне лопату».

Александр не ошибался в своих предположениях. Он обломал ветку на первом подвернувшемся дереве, выковырял при ее помощи широкое углубление в земле и в результате получасовых усилий нашел крупный клубень, величиной с голову, немного похожий и по виду и по вкусу на репу, но значительно нежнее и сочнее¹⁴. Он с аппетитом съел все без остатка, затем, подкрепившись этой пищей отшельников, вернулся к лошади. Она лежала на земле в изнеможении.

– Так! – пробормотал Александр. – Теперь только не хватало лишиться лошади! Ладно, дружище, вставай, и поскорей! Надо снова скакать, как мы скакали сегодня утром, но только в обратном направлении, на юг. Думаю, что я не ошибаюсь. Мы ведь шли от крааля в северном направлении. У меня нет компаса! Ни часов! Ничего у меня нет! Впрочем, у меня есть двадцать тысяч франков золотом. Они лежат у Жозефа в сумке. Почти семь кило мертвого груза... Бедняга Жозеф!..

Он погладил лошадь. Та подняла умную голову, сделала большое усилие, чтобы встать, и снова тяжело повалилась.

Александра начало охватывать нетерпение.

– Ну! – крикнул он и щелкнул языком. – Да она и двигаться не может!.. Если бы у меня была хоть уздечка и шпоры! Что ж, в крайних случаях нужно принимать крайние меры.

Александр схватил палку и сильно ударил лошадь по крупу. Она встала и попыталась двинуть онемевшими ногами.

Александр вскочил ей на спину, стал бить ее ногами по бокам, даже уколол ее кончиком ланцета, но ничто не могло заставить ее двигаться.

Александр выбивался из сил. Наконец он вспомнил, как в Капской колонии поступают фургонщики, когда у них заартачится мул. Александр соскочил на землю, набрал песку и насыпал лошади в уши. Затем снова вскочил ей на спину, схватил ее за уши и стал трясти изо всех сил.

Эта необычная и жестокая мера подействовала сразу. Лошадь сделала несколько шагов, затем понемножку стала расходиться и в конце концов пошла мелкой рысью, чем всаднику пришлось удовольствоваться, хотя теперь он предпочел бы галоп, каким лошадь неслась утром.

– Ну что ж, – сказал он философски, – заночую где-нибудь под деревом, а утром доберусь до крааля... Лошадь в неважном состоянии, да я и сам измучился. Несколько часов отдыха пойдут нам обоим только на пользу.

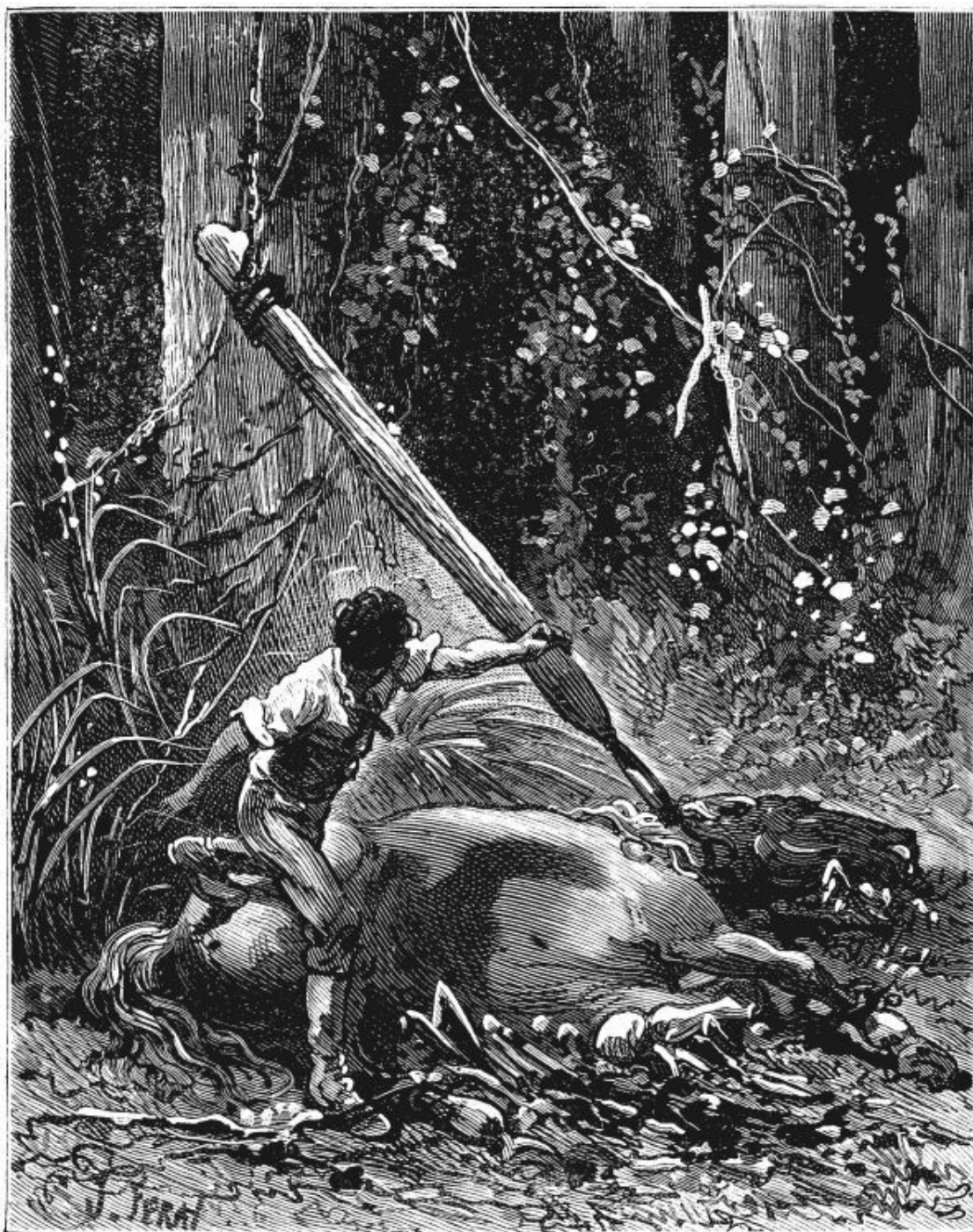
Но Александру положительно не везло. Словно было начертано в книгах судеб, что в этот злосчастный день на него будет валиться одна беда за другой.

Он уже трясся на лошади не меньше часа, все высматривая подходящее место для ночлега, когда внезапно что-то просвистело у него над головой, скользнул какой-то предмет, который ему сразу и разглядеть не удалось, и упал лошади прямо на шею, перешибив шейные

¹⁴ По-видимому, это корень *Mesembryanthemum edule*. (Прим. автора.)

позвонки. Лошадь свалилась мгновенно, как сраженная молнией, увлекая наземь и своего всадника, который сумел избежать падения лишь благодаря умелому кульбиту.

Александр посмотрел, что убило его лошадь, и только тогда ему стало понятно, какой новой страшной опасности он подвергся: это было огромное копье с отравленным наконечником. Туземцы развешивают такие копья над тропинками, по которым ходит крупный зверь, в частности носорог. Копье висит на веревке, перекинутой через дерево; свободный конец привязан к кольцу, вбитому в землю. Когда зверь задевает веревку, на него падает тяжелое копье длиной в полтора метра и толщиной почти с ногу взрослого человека. На древко надет острый наконечник, смазанный ядом. Наконечник сидит более или менее свободно, так что легко отделяется от древка и застревает в теле животного.

Если бы лошадь шла чуть быстрее, удар получил бы сам Александр.

Яд оказался излишним. Железный наконечник, сидевший на тяжелом древке, перебил лошади спинной хребет. Он сделал это не менее точно, чем нож качетеро, которым тореадор во время боя быков добывает животное, получившее смертельную рану.

– Вот уж действительно, – с шутливым отчаянием сказал Александр, – мне нельзя служить в кавалерии: я приношу несчастье лошадям! Что ж, перейдем в пехоту. Ночь я проведу здесь, а утром отправимся дальше пешком. Но пока что надо развести огонь, потому что туша моего буцефала, конечно, привлечет всех хищников этого леса. К счастью, у меня уцелело огниво и не промок трут. Значит, все в порядке. Кусок жареной конины на ужин – и спать.

Ночь, наступившая после столь бурного дня, прошла спокойно, и Александр проснулся на рассвете, разбуженный разноголосым хором серых попугаев. Он хотел вскочить и поскорей стряхнуть с себя оцепенение, вызванное ночным туманом, но не мог – его точно пригвоздили к земле.

В его мозгу внезапно пронеслось все, что он пережил накануне. Ему показалось, что продолжается кошмар или что у него свело руки и ноги, и он крикнул, чтобы убедиться, что не спит.

Ему ответили громкие крики, и в лучах утреннего солнца он с ужасом увидел, что его окружает многочисленная толпа чернокожих, одетых в лохмотья и вооруженных старинными ружьями. Эти люди воспользовались его глубоким сном, усталостью после тяжелого путешествия через лес и равнину, чтобы связать его.

Ничто, однако, не могло больше ни поразить его, ни тронуть. Он оглядел этих подлых врагов совершенно невозмутимо, но не сумел сдержать возглас удивления, когда узнал в них тех самых туземцев, которых видел во время своей первой встречи с миссионером: черные виртуозы из бродячего оркестра, от какофонии которых бежал преподобный отец.

– Что вам от меня нужно? – строго спросил он. – По какому праву вы меня задержали? Что я вам сделал?

Тогда вождь, знавший несколько слов по-английски, нахально подошел к нему почти вплотную и сказал:

– Белый сломал «бревно рабства» невольников, которые принадлежали купцам, пришедшим со стороны заката. Бушмены убили купцов, и мои люди больше не могут продавать невольников. Я не смогу давать моим людям ни платья, ни бренди, ни ружей. Поскольку белый довел моих людей до нищеты, он сам станет их рабом. Он будет толочь просо и сорго и во всем помогать женщинам, которые обслуживают мужчин. В Кейптаун он не вернется никогда. Он раб, пусть на него наденут колодку.

Глава 15

Человек, который верит, потому что это абсурдно. – Бушмены считают, что борода помогает европейцам не заблудиться в лесу. – По следу. – Стрела с красным оперением. – Бич скота Южной Африки. – Муха цеце. – Любое домашнее животное, укушенное мухой цеце, неизбежно умирает. – Любопытная неуязвимость человека и диких зверей. – Отчаянный план. – Плот. – Буря, гроза, наводнение. – Истребление лошадей. – Погибли! – Опять предательство. – Приступ злокачественной лихорадки.

Верхом на лошадях, которых предусмотрительный бушмен привел после истребления работорговцев, Альбер, Жозеф, мастер Виль и его преподобие рысью направлялись туда, где, как все надеялись, можно было найти следы Александра. На пятую лошадь, которую под уздцы вел Зуга, навьючили вещи, а оба бушмена, не чувствительные ни к зною, ни к усталости, шли пешком и даже впереди всего каравана. Жители Южной Африки, в особенности жители Кала-

хари, отличаются способностью ходить не утомляясь так быстро, что могут легко состязаться с самыми крепкими и выносливыми лошадьми.

Оба каталонца пытливо всматривались в местность, его преподобие хранил каменную непроницаемость, а мастер Виль предавался размышлениям. Больше, чем когда бы то ни было, проклинал он свое самомнение, которое толкнуло его на эту дурацкую авантюру, в скверном исходе которой, быть может не без оснований, он уже не сомневался. С другой стороны, его начинало угнетать это существование, наполненное вечными тревогами и бесчисленными лишениями. Спокойствие трех французов, их полное достоинства поведение, их благородные поступки – все это сбивало нашего полицейского с толку. Наконец, ни разу не было сказано ни слова о таинственной цели их передвижения на север. Эта цель представлялась мастеру Виллю совершенно непонятной; он не мог постичь, что за странная фантазия толкала французов навстречу неслыханным трудностям и неисчерпаемым опасностям.

Что касается их причастности к убийству в Нельсонс-Фонтейне, то мастер Виль неукоснительно держался своего первоначального убеждения: как чистокровный англосакс, мастер Виль был удивительно упрям.

«Credo quia absurdum (Верую, ибо абсурдно)», – говорили древние логики, когда у них не хватало других аргументов. Мастер Виль был убежден, что три француза – убийцы, только потому, что это убеждение было глупо.

Правда, он признавал, что это все-таки не обычные преступники; однако полиция, эта высшая и безупречная организация, знает немало фактов еще более необыкновенных и загадочных, и мастер Виль убеждал самого себя, что если французы действовали и не с корыстной целью – было очевидно, что они люди не корыстолюбивые, – то у них было какое-то другое побуждение. Мастер Виль уже бесился от того, что, непрерывно ломая голову над этой загадкой, ничего разгадать не мог. Поэтому он невзлюбил наших бесстрашных путешественников. Его голова, набитая полицейскими правилами и предвзятыми мнениями, не могла постичь всего благородства трех отважных сердец. Полицейский, привыкший всегда возвращаться на самом дне общества, видеть только его язвы, всегда кого-нибудь подозревать, не может и не хочет верить в чью бы то ни было честность. Для мыслителя, моралиста, философа преступник – существо ненормальное, чудовище. Полицейский, напротив, склонен видеть чудовище, уродо или сумасшедшего во всяком, кто по своим личным качествам стоит выше толпы. Полицейский разбирается в пороках, но добродетели скрыты от него за семью печатями.

А тут еще и преподобный со своими подлыми и лицемерными штучками. Он целиком подчинил себе полицейского. И единственное оправдание, которое можно было бы найти для мастера Вилля, если только глупость может быть оправдана, заключается в том, что он был человек добросовестный.

Итак, он участвовал в кавалькаде, и злился на самого себя, и проклинал преступников, которых не мог разоблачить.

Щемящая тревога снедала Альбера де Вильрожа и Жозефа, а Зуга и бушмен были полны странной уверенности. Альбер спросил бушмена, почему он так верит в успех дела. И бушмен ответил:

– Великий белый вождь не пропадет – *у него такая же борода, как у вас.*

«Презабавная мысль, – говорил по этому поводу Томас Бейнс, блестящий исследователь Южной Африки, – воображать, что заросшее волосами лицо помогает европейцу не заблудиться в густых зарослях!»

Лошади шли рысью, и черные разведчики, искавшие след Александра, отказались от поисков, только когда спустилась ночь. А наутро, с первыми лучами солнца, поиски были возобновлены и неутомимо продолжались весь день – люди и животные немного отдохнули лишь в самый жаркий полдень.

Кавалькада находилась на берегу того самого озера, где Александра чуть было не съели крокодилы. Еще сохранились следы, оставленные его лошадью в тот момент, когда она испугалась и бросилась в воду.

Альбер не мог понять ни почему его друг пустил коня в воду, ни в какую сторону он направился. Поскольку он не знал обстоятельств, при которых скакал его друг, он недоумевал, зачем Александр избрал это направление: оно могло привести его к алмазному кладу, но было прямо противоположно краалю, где находились его друзья.

Очень уж, должно быть, страшные враги преследовали его, если он решился на такую опасную попытку!

Второй раз прервала ночь эту охоту за человеком. С восходом солнца Зуга и бушмен обошли все озеро и обнаружили следы на другом берегу, а также ямку, из которой Александр вырвал питательный корень. Далее совсем свежие следы вели к тому месту, где лежала убитая копьём лошадь. Многочисленные следы босых ног окружали обглоданный хищниками скелет животного. Очевидно, здесь побывало много туземцев; однако – странное дело! – в этом месте кончался легко различимый след сапог Александра. Сколько ни искали, найти этот след дальше так и не удалось. А следы босых ног уходили в северном направлении и терялись на берегу узкой и глубокой речки, которая также текла на север.

Альбер, бушмен и Зуга не верили своим глазам. Они тщательно осмотрели каждую примятую травинку, каждую ямку, они терпеливо описывали все более и более широкие круги, и все было напрасно: найти что-нибудь так и не удавалось.

Каталонец, охваченный тревогой, почти с отчаянием пришел к заключению, что не иначе как его друга похитили чернокожие и понесли к реке. И очевидно, у них были важные причины скрывать это похищение и не показывать, в какую сторону они ушли, ибо путь свой они продолжали в лодке – вверх или вниз по течению. Глубокие борозды, оставленные на мокрой песчаной отмели четырьмя лодками, очень скоро подкрепили это предположение.

Один только лжемиссионер очень скоро кое-что понял: он нашел торчавшую в земле стрелу с красным оперением, и эта находка заставила его вздрогнуть.

– Вот оно как! – пробормотал он, сардонически улыбаясь. – Кажется, я знаю происхождение этой штучки. Пусть черти унесут меня в преисподнюю, если эта стрела выпала не из колчана какого-нибудь из моих приятелей-бечуанов. Они, должно быть, поймали этого верзилу и увели. Браво! Это упрощает все дело. Его хорошенько обыщут, и если только карта при нем, она попадет ко мне в руки. Если карта не при нем, надо постараться узнать, что делается в карманах у тех двух. Ладно, пока все в порядке.

Мерзавец протянул стрелу Альберу и прибавил:

– Наличие этой стрелы, месье, только подтверждает ваше предположение. Чернокожие уплыли куда-то по этой речке. По-моему, она – отдаленный приток Замбези.

– Вот как! Вы в этом уверены?

– Я не решусь утверждать. Но должен сказать вам, я в здешних местах не впервые. Весь общий вид местности, и резкая покатость, и то, что река течет на север, – все это позволяет думать, что я не ошибаюсь.

У Альбера эти слова пробудили надежду. Быть может, решил он, Александр сумел сориентироваться и пуститься в сторону водопада Виктория и взял чернокожих проводников. А быть может, он ранен или попросту устал и нанял носильщиков. Но ведь, в конце концов, разве все три приятеля не условились, что, если что-нибудь непредвиденное разлучит их, каждый должен, не теряя времени, продвигаться к цели экспедиции?

Правда, Александр, как человек крайне осмотрительный и пунктуальный, должен был бы оставить хоть что-нибудь, что говорило бы о его пребывании здесь и хоть как-нибудь показывало, в какую сторону он ушел. Но быть может, что-нибудь помешало ему сделать это. Надо

было предполагать, что соответствующие приметы и указания скоро будут обнаружены в другом месте.

Итак, решили идти на север, следуя течению реки. Черные лодочники обязательно должны были сделать где-нибудь привал – на одном берегу или на другом, после того как целый день проведут в пирогах.

Немного времени прошло с той минуты, как тронулись в путь, и вот оба негра начали проявлять беспокойство.

– В чем дело? – спросил Альбер, пристально вглядываясь в листву.

– Цеце, вождь! Цеце! Надо удирать поскорей! Надо уйти от воды, иначе погибнут лошади...

Альбер уже не раз слышал об этом страшном насекомом, и слова проводника заставили его вздрогнуть. Кавалькада, следовавшая по берегу реки, действительно вся была окутана густым роем назойливых мух, с невыносимым жужжанием впивавшихся в лошадей.

Бежать из этих проклятых мест!.. Да, но это значит оставить тот единственный путь, по которому должен был проследовать Александр! Остаться? Но это значило потерять лошадей. А ведь только лошади могли состязаться в быстроте с пирогами чернокожих!..

И наконец, все равно поздно: минуты не прошло, а каждая лошадь уже была искутана этими проклятыми насекомыми более чем в ста местах, а каждый укус смертелен.

Что делать? Как быть, как избежать нового удара судьбы? Пройдет двое или трое суток, быть может, каких-нибудь двенадцать часов – и несчастные животные падут, а помочь им невозможно.

Из всех бесчисленных насекомых, живущих в Южной Африке, между английскими капскими владениями и экватором, самым опасным, несомненно, является цеце. До такой степени, что даже туземцы либо уходят из тех мест, либо отказываются от занятия скотоводством.

Человеку нечего бояться яда, который цеце выделяет. Ее укус отличается тем, что он безвреден для человека и диких зверей. Но собака, лошадь, бык – эти первейшие помощники путешественника и колониста – погибают сразу от самого легкого укуса. И чем здоровее животное, тем быстрее наступает роковая развязка.

Цеце жала не имеет. Неуловимое количество яда, который она выделяет, содержится в железе, находящейся у основания ее хоботка. Когда ей нужна пища, она с быстротой стрелы летит на замеченное ею животное, вонзает, как это делает комар, хоботок в его мышцы и скоро улетает, разбухшая от крови. На месте укуса остается еле заметная краснота и легкий зуд.

Как я уже сказал, человек, дикие звери и – странная вещь! – теленок в период кормления молоком матери абсолютно нечувствительны к укусу цеце.

Что касается быка, то, если он истощен от переутомления и недоедания, признаки отравления проявляются лишь спустя несколько дней. Начинается обильное выделение слизи из глаз и ноздрей, озноб, сопровождающийся судорогами, и под нижней челюстью образуется опухоль. Бык быстро худеет, можно сказать – тает на глазах: мускулы увядают, начинается понос, животное перестает есть, становится похожим на скелет и погибает. И наоборот – если бык в теле, то признаки отравления появляются с почти молниеносной быстротой.

Спустя каких-нибудь несколько часов после укуса у животного начинается головокружение, как если бы головной мозг пострадал у него в первую очередь. Бык начинает кружиться на одном месте, жалобно мычит, слепнет и погибает спустя двенадцать-пятнадцать часов.

Вскрытие показывает полный распад всех тканей и органов. Мышцы становятся вялыми; жир жидким, как растительное масло, сердце дряблое, как пустой пузырь, легкие наполняются кровянистой слизью, печень бледно-желтая и расползается в руках. Короче, кто своими глазами не видел, какие разрушения производит этот еле заметный укус, тот никогда не составит себе об этом никакого представления.

Собака и лошадь обнаруживают те же признаки, и распад организма протекает у них в такой же форме. Из всех домашних животных одна только коза пользуется той же привилегией, что и человек и дикие звери. Этим и объясняется, что коза – единственное домашнее животное, встречающееся у многих племен, живущих на берегах Замбези, где цеце является подлинным бичом всех других пород.

До сих пор не найдено средств против этого страшного яда, а ученые, изучавшие цеце, не могут установить, чем объясняется иммунитет диких зверей, хотя бы даже имеющих много общего с некоторыми домашними животными, которые чувствительны к яду цеце. Как, казалось бы, ничтожна разница между домашним быком и лесным буйволом, между зеброй и лошадью и, наконец, между бараном и козой! Больше того, теленок-сосунок не боится яда цеце, только пока кормится молоком матери, равно как и щенок, сосущий молоко матери. Никакая привычка к климату и никакая прививка не спасают. Если животное, перенесшее легкий укус, и не погибнет, что случается крайне редко, то иммунитета оно еще не приобрело: оно погибнет, если будет укушено в другой раз. И наконец, домашние животные, здесь родившиеся и живущие здесь же из поколения в поколение на свободе, в почти диких условиях, не менее подвержены действию яда цеце, чем животные, привезенные из таких мест, где это насекомое не водится¹⁵.

Альбер понимал, что лошади должны неминуемо погибнуть, и очень скоро, потому что они находились в хорошем состоянии. Поэтому он решил, что надо использовать их, пока они живы, и пустить во весь карьер. Нечего больше их беречь, раз их часы все равно сочтены. А если ускорить аллюр, то, быть может, все-таки удастся догнать похитителей Александра или, по крайней мере, приблизиться к ним и безотлагательно вмешаться сообразно обстоятельствам.

¹⁵ Научное название мухи цеце – *Glossina morsitans*. (Прим. автора.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.